

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

6
ВЫПУСК

НАЛЬЧИК • 2016

УДК – 902(470.6)+39(470.6)
ББК – 63.48(235.7)+63.529(235.7)
А – 87

Редакторы:

Бгажноков Барасби Хачимович
доктор исторических наук

Фоменко Владимир Александрович
кандидат исторических наук, доцент

Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов.
А – 87 Выпуск 6. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 116 с.

Тематический сборник включает в себя статьи, разрабатывающие актуальные вопросы археологии и этнологии Северного Кавказа. В издании публикуются материалы древних и средневековых памятников Северного Кавказа, а также региональные этнологические исследования; рассматриваются проблемы средневековой истории народов Кабардино-Балкарии и сопредельных регионов.

Издание рассчитано на научных и музейных работников, преподавателей, краеведов, широкую аудиторию читателей.

На обложке изображение серебряной рельефной пластины из горита с золотыми накладками (Семибратний курган, № 2. Раскопки В.Г. Тизенгаузена, 1875–1876. Эрмитаж); на титульной странице – серебряный позолоченный фалар (курган у г. Кореновска, 1968. Краснодарский музей).

ISBN 978-5-91766-125-4

© КБИГИ, 2016

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCH

ARCHEOLOGY AND ETHNOLOGY OF THE NORTH CAUCASUS

6
ISSUE

NALCHIK • 2016

UDK – 902(470.6)+39(470.6)
BBK – 63.48(235.7) + 63.529(235.7)
A – 87

Editors:

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich,
Doctor of Historical Sciences

Fomenko Vladimir Aleksandrovich,
Candidate of Historical Sciences, assistant professor

A – 87 Archeology and ethnology of the North Caucasus. Collection of research papers. Issue 6. – Nalchik: Issuing office of KBIHR, 2016. – 116 p.

Subject collection includes articles developing topical questions of archeology and ethnology of the North Caucasus. Materials of ancient and medieval monuments of the North Caucasus and also regional ethnological researches are published in the issue. The problems of medieval history of people of Kabardino-Balkaria and adjacent regions are examined.

The issue is addressed to scientists, museum staff, lecturers, local historians, vast audience of readers.

There is a picture of silver relief lamination of gorytos with gold plate caps (Semibratniy mound № 2. Diggings of V.G. Tizengauzen, 1875–1876. The Hermitage Museum); there is a silver gilt plate (mound near Korenovsk town, 1968. Krasnodar museum).

ISBN 978-5-91766-125-4

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бгажноков Б.Х. (Нальчик) К вопросу о видах и формах чашевидных знаков</i>	<i>7</i>
<i>Прокопенко Ю.А. (Ставрополь) Новая версия происхождения уникального памятника духовной культуры и изобразительного искусства – камня с зооморфными изображениями, хранящегося в фондах Пятигорского краеведческого музея</i>	<i>22</i>
<i>Новичихин А.М. (Анапа) Керкеты и тореты – древнее население Черноморского побережья Западного Кавказа</i>	<i>33</i>
<i>Бгажноков Б.Х. (Нальчик) Зихи и абазги в древней истории абхазо-адыгских племен</i>	<i>40</i>
<i>Бурков С.Б. (Владикавказ) В.Б. Виноградов как исследователь амулетов и талисманов из «египетского фаянса» с территории Центрального Предкавказья</i>	<i>49</i>
<i>Кузнецов В.А. (Минеральные Воды) О создании национального парка на территории горной части Карачаево-Черкесии</i>	<i>55</i>
<i>Фоменко В.А. (Нальчик) История изучения старинного селения Эльджурт в верховьях реки Баксан</i>	<i>61</i>
<i>Бубенок О.Б. (Киев) Украинско-кабардинские связи в конце XVII в.</i>	<i>67</i>
<i>Кодзоев Н.Д. (Назрань) Башенное поселение Пялинг (Ингушетия) ...</i>	<i>86</i>
<i>Остахов А.А. (Североморск) Кризис ударной мощи горцев в эпоху Кавказской войны: на примере черкесов</i>	<i>106</i>

CONTENT

<i>Bgazhnokov B.H.</i> (Nalchik) To the question of types and forms of cup marks	7
<i>Prokopenko Yu.A.</i> (Stavropol) New version of origin images from the holdings of Pyatigorsk museum of lokal history	22
<i>Novichikhin A.M.</i> (Anapa) Kerketians and toretians – the ancient tribes of the Black Sea coast of Western Caucasus	33
<i>Bgazhnokov B.H.</i> (Nalchik) Zikhs and Abazgs in ancient history of Abkhazian-Circassian tribes... ..	40
<i>Burkov C.B.</i> (Vladikavkaz) V.B. Vinogradov as a Researcher of Amulets and Talismans of the "Egyptian Faience» from the Central Pre-Caucasian Territory	49
<i>Kuznetsov V.A.</i> (Mineralnye Vody) On the creation of the national park in the mountain zone of Karachai-Cherkessia	55
<i>Fomenko V.A.</i> (Nalchik) The history of ancient village of Eldzhurt in the upper part of river Baksan basin	61
<i>Bubenok O.B.</i> (Kiev) Ukrainian-Kabardian Contacts in the End of XVII–th Century	67
<i>Kodzoev N.D.</i> (Magas) Tower settlement Pyaling (Ingushetia)	86
<i>Ostakhov A.A.</i> (Severomorsk) The striking power crisis of the highlander in the era of Caucasian war: the case of circassians	106

Б.Х. Бгажноков
(г. Нальчик)

К ВОПРОСУ О ВИДАХ И ФОРМАХ ЧАШЕВИДНЫХ ЗНАКОВ

Среди множества других вопросов, связанных с изучением чашевидных знаков, особое место занимают вопросы их классификации, определения видов, форм, семантики этих знаков. Некоторые соображения на этот счет высказываются автором в качестве постановки вопроса, в качестве первого опыта в этом направлении.

Ключевые слова: чашевидные знаки, каменный век, неолит, петроглифы, сакрализация, мегалиты, древние святилища.

Культура чашевидных знаков носит универсальный и глобальный характер. Общеизвестна не только ее распространенность в различных, практически во всех концах мира (в Евразии, в Америке, Австралии, Африке), но и долговечность. Традиция нанесения на камень и на изделия из камня чашевидных меток и углублений сформировалась в каменном веке, еще в палеолите. И сохранялась вплоть до позднего средневековья¹. Различные формы этих знаков постоянно обнаруживают на скалах, на валунах, на стенах каменных гробниц, на менгирах, на сравнительно маленьких «ручных» камнях, нередко в комплексе с геометрическими рисунками, с зооморфными и антропоморфными изображениями. Поражающее воображение масштабы времени и пространства, необыкновенное разнообразие видов и форм – вот что бросается в глаза при первом знакомстве с хронологией, географией чашевидных углублений. Поэтому среди множества других вопросов, связанных с изучением данного явления, вопросы классификации видов, форм, а также семантики чашевидных знаков занимают особое место. Хотя работа в этом направлении практически еще не велась, ее научная значимость и актуальность совершенно бесспорна. Исходя из этого некоторые свои соображения относительно видов и форм чашевидных знаков мы хотим высказать в качестве постановки вопроса, в качестве первого опыта в этом направлении.

В зависимости от материала, на который наносятся чашевидные знаки, мы предлагаем различать:

- 1) знаки, нанесенные на необработанные, созданные самой природой каменные объекты – на скалы, валуны, на камни малых размеров;
- 2) знаки на созданных рукой человека сооружениях и изделиях – на плитах гробниц, на стенах храмов, на менгирах, на алтарях, на сосудах, на миниатюрных геометрических фигурах и на фигурках животных.

Каждый из названных видов, как можно понять, имеет множество подвидов и таким образом позволяет выбрать любой из них для специального «точечного» исследования. При этом сам по себе процесс видовой классификации и дифференциации, как мы понимаем, не представляет больших трудностей. Гораздо сложнее проблема различных форм или «рисунков»

чашевидных знаков и углублений. Много при этом зависит от назначения чаш, от специфики объекта, на который они наносятся. Но обычно чашевидные знаки или углубления располагаются на поверхности камня или скалы малыми или большими группами – от трех-четырех до нескольких десятков или сотен. При этом выстраиваются иногда симметричными ровными или дугообразными рядами. Нередко соединяются друг с другом желобками, горизонтальными и вертикальными линиями. Повсюду встречаются круги (реже квадраты) с одной или двумя-тремя чашами в центре. Причем сами круги могут быть высечены в камне пунктирными лунками-ударами небольшого размера. Известны кроме того различные комбинации чашевидных знаков с крестами, в том числе с крестами в круге, с чашами на перекрестье, на одном из кончиков креста и т.д. Наконец, особое место в культуре чашевидных знаков занимают чашечные углубления, служащие дополнением к зооморфным и антропоморфным изображениям.

Все это позволяет говорить о множестве различных форм чашевидной символики. И все же самый распространенный и выразительный из них – без дополнительных рисунков или фигур, вразброс, произвольно, без видимых повторений. При этом общий рисунок производит всегда впечатление сбалансированной структуры из множества чаш или углублений различной, но в целом примерно одинаковой величины и глубины. Это, условно говоря, чистый и, по-видимому, самый древний тип чашевидной символики, сложившийся еще в палеолите, но применявшийся постоянно на протяжении всего последующего времени, вплоть до средневековья. Иллюстрацией к сказанному могут служить чашечные скалы и камни из Финляндии, Италии, Шотландии, Русского Севера, Западного Кавказа². Чистый тип чашевидной символики (чашевидного рисунка) распространен в самых разных концах мира. Его обнаруживают не только на скалах и валунах, но и на менгирах, на перекрытиях мегалитических гробниц, на вратах древних святилищ и храмов. Архитектоника углублений во всех этих случаях однотипная и, что особенно бросается в глаза, – без каких-либо дополнительных знаков и прорисовок.

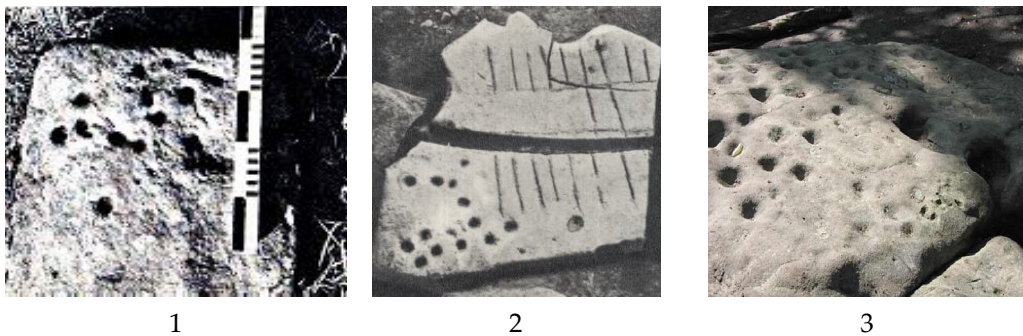

Рис. 1. Чашечные углубления, ассоциирующиеся с картами звездного неба.
1, 2 – чашечные камни Нижне-Архызского городища X–XII в. (фото В.А. Кузнецова);
3 – покровная плита дольмена «Шатсуг» в Абине (фото Б.Х. Бгажноква).

В то же время в отдельных случаях из чашевидных углублений и меток выстраиваются, как будто, различные рисунки, что стало основанием для выдвижения различных гипотез, касающихся семантики чашевидных знаков.

Чаще всего такие рисунки относят к картам звездного неба. И отсюда особое – археастрономическое направление подобных исследований и оценок³. Так, смотрители дольмена «Шапсут» (в Абинском районе Краснодарского края), заботливо охраняющие этот памятник культуры, сообщили мне, что краевед Наталья Мусиенко, организовавшая туристические походы к дольмену, рассмотрела в расположении чаш на его вершине созвездие Кассиопеи (рис. 1, 3). Историк Г. Кусов относит углубления, обнаруженные им на камне в Куртатинском ущелье, с отображением Большой Медведицы⁴. В.А. Кузнецов полагает, что расположение чаш на одном из камней Нижнее-Архызского городища напоминает созвездие Рыбы (рис. 1, 1), а площадь с этим камнем, по его мнению, могла служить открытым языческим капищем. Отдельная чашка внизу в этом случае может рассматриваться как одна из звезд созвездия Овен⁵.

Там же, в районе Архыза на камне, найденном во дворе жителя близлежащего села Нижняя Ермоловка, имеется 14 углублений, дополненных целым рядом горизонтальных и вертикальных линий (рис. 1, 2). Археологи А.А. Демаков и Д.А. Фоменко утверждают, что в расположении чаш на этом камне обнаруживается точная аналогия группе звезд в созвездии Кита. Вполне определенное значение придают они и загадочным линиям, дополняющим эту картину. По их мнению, две вертикальные линии, пересекающиеся с горизонтальными линиями, означают солнце и луну, их движение по небу, а пять непересекающихся линий – пять планет, видимых невооруженным взглядом⁶.

Такого рода усложнение чашевидной символики встречается довольно часто. Например, почти во всех концах Евразии отмечены композиции с чашами, соединенными бороздками, а также с чашами, обведенными кольцами, квадратами, многоугольниками, с чашами, сопровождающими рисунок человека и диких зверей. Поэтому следует подчеркнуть, что наряду с исходным, чистым типом чашевидной символики, как дополнение к нему существует большое разнообразие чашевидной символики *смешанного типа*, когда углубления в камне объединяются с прорисовками геометрических, зооморфных, антропоморфных фигур, с различными другими петроглифами (рис. 2).

Внутри образцов смешанного типа выделяются композиции с минимумом и максимумом, так или иначе связанных с чашами дополнительных рисунков. В первом случае это обычный чашечный камень, на котором из общего числа чашевидных знаков выделяется небольшое число лунок обведенных крутом, многоугольником, а также углублений, соединенных желобками, дополненных крестами, короткими и длинными линиями и т.д. Во втором случае на камне или на скале множество самых разнообразных фигур, в том числе зооморфных и антропоморфных при минимуме чашевидных углублений. Выделяется, таким образом, большая группа сложных рисунков, в составе которых чаши, казалось бы, теряя свое самостоятельное значение становятся дополнением к другим изображениям, служат своего рода семантическими множителями этих изображений, усиливая их общекультурный, чаще всего сакральный смысл. Например, постоянно встречающиеся композиции, в которых чашечные углубления сопровождают изображение животного (быка, оленя, волка) служат, по всей вероятности, наглядным отображением культа этих животных.

Одним словом, во всех подобных случаях чаши оставляют за собой смыслообразующую функцию или функцию смысловой доминанты сложного рисунка, нанесенного на камень.

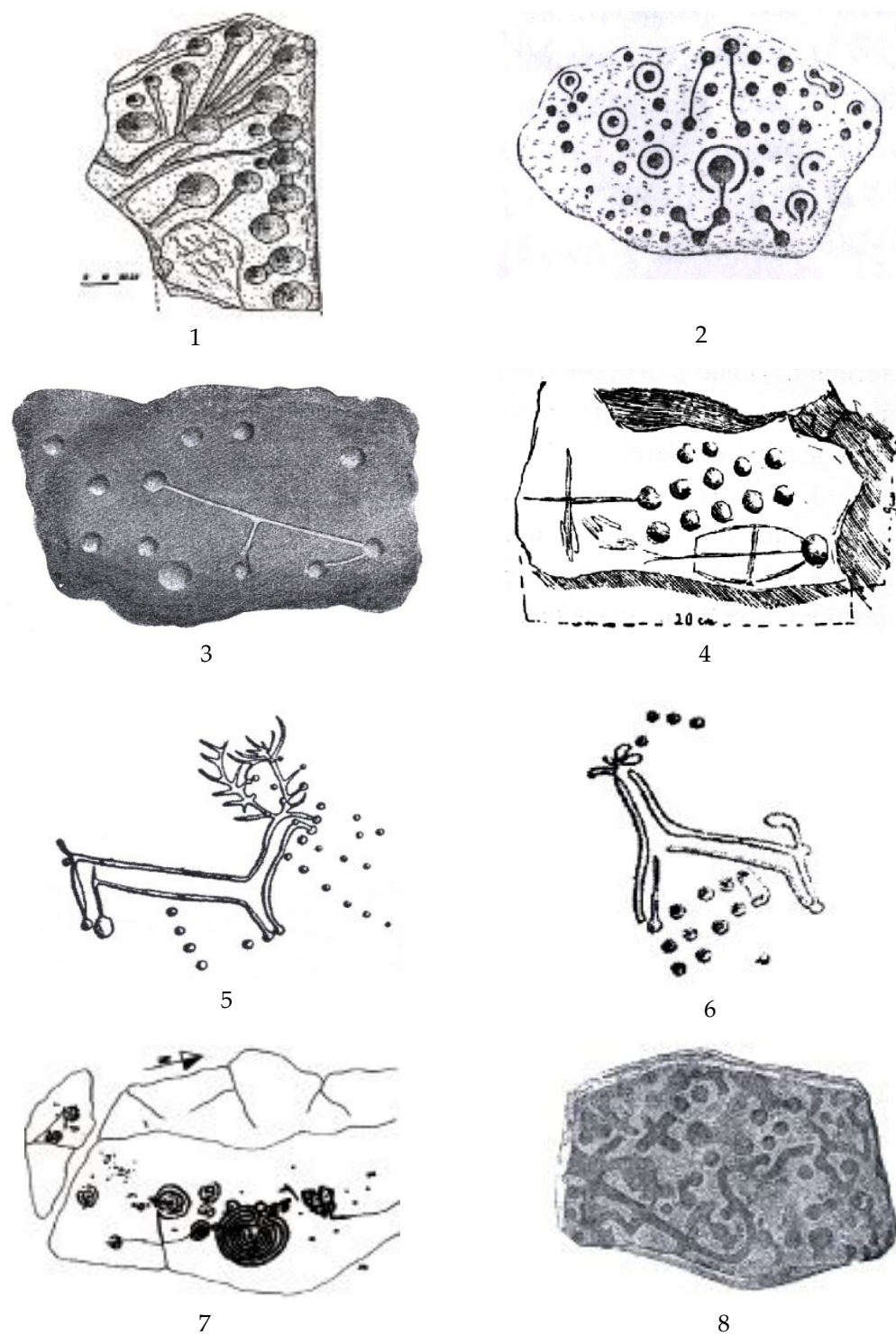

Рис. 2. Чашевидная символика смешанного типа.

1 – лицевая сторона плиты из Семибратного городища, Анапа; 2 – перекрытие каменной гробницы под Бакерхилем, Шотландия; 3 – чашечный камень с углублениями, соединенными бороздками, Бреглия, Северная Италия; 4, 5, 6 – композиции, объединяющие геометрические фигуры и зооморфные изображения на скале Мечок близ сел. Карагуй, Болгария; 7 – Петроглиф Педра-до-Лабиринто в провинции Понтведра, Испания; 8 – чашечный камень с крестами, углублениями и бороздками, Моритценберг, Германия.

Ярким примером смешанного стиля чашевидной символики могут служить датируемые неолитом и ранним бронзовым веком изображения на скале Мечок близ болгарского селения Карагуй на берегу реки Чернелка⁷. Эта сравнительно небольшая скала высотой около 11 м стала своего рода выставкой, развернутой демонстрацией различных образцов чашевидной символики. Вся верхняя часть скалы Мечок площадью 5,8 кв. м покрыта сравнительно самостоятельными группами чашевидных знаков. Среди этих групп, схематически представленных в таблице, составленной В. Миковым (рис. 3), мы видим чашевидные знаки, образующие круги, круги с чашей в центре, чаши, испещренные короткими ровными линиями, чаши, соединяющиеся желобками, выстраивающиеся параллельными ровными или дугообразными рядами и т.д.

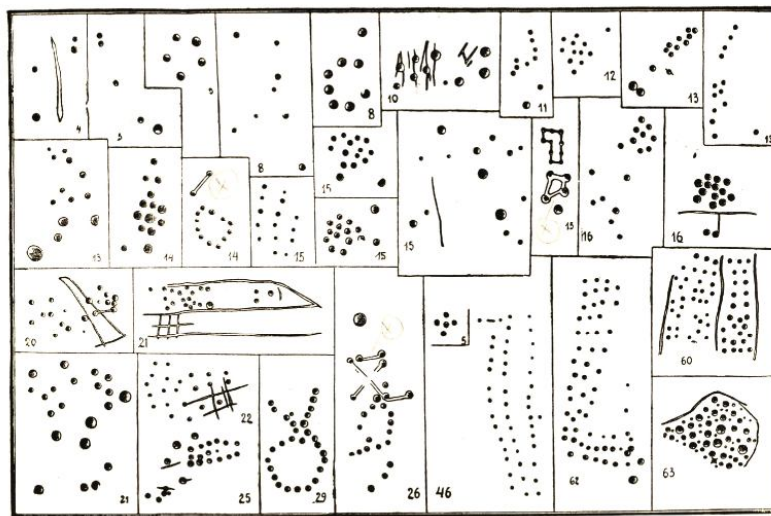

Рис. 3. Схематическое отображение видов чашевидной символики на скале «Мечок» близ сел. Карагуй в Болгарии.

Но за пределами этой таблицы остались другие весьма любопытные рисунки, которые В. Миков представляет и рассматривает отдельно. Так, на вершине скалы, на плоскости, обращенной к небу, сложная композиция чашевидных знаков с двумя крестами, один из которых заключен в круг (рис. 2, 4), а также композиции в виде решеток (вавилонов), решеток, заключенных в круг и т.д. Необычайно красивы и любопытны рисунки оленей, вокруг которых ровными рядами выстраиваются россыпи чашевидных углублений (рис. 2, 5, 6).

Внутри композиции с крестами, как мы видим на более масштабном изображении (рис. 4, 1), крест слева соединяется с группой из 12 чашевидных углублений, как бы притягивая и увлекая за собой эти чаши. Крест справа помещен в круг неправильной формы. Горизонтальная линия креста упирается передним концом в чашу, расположенную на стыке с окружностью. Другой, задний конец этой линии выходит далеко за пределы круга и здесь заканчивается развилкой. В целом этот рисунок напоминает летательный аппарат, несущий чашу на своем борту, чашу, символизирующую, быть может, дух погребенного в камне человека. Кстати, аналогичные «летательные аппараты» обнаружены на фасаде дольмена в

пос. Азербиевка на Западном Кавказе (рис. 4, 2). Здесь также, через горизонтальную линию перекрестия, показана траектория движения чаши, помещенной на перекрестии внутри круга.

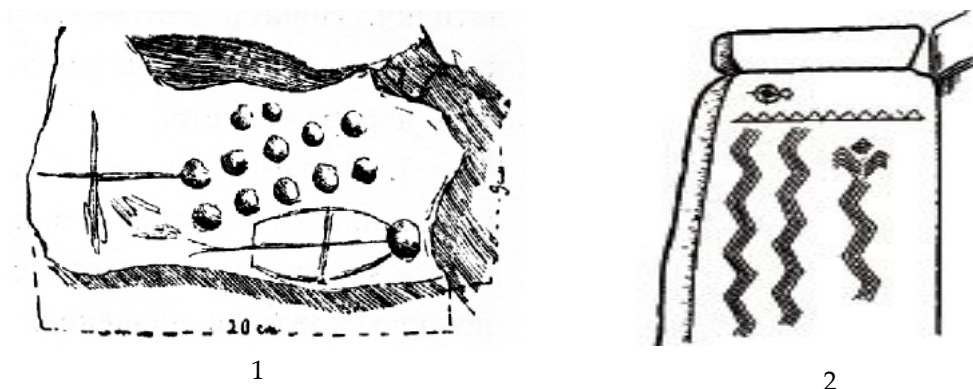

Рис. 4. Композиции с чашами и крестами, напоминающими летательный аппарат.

1 – на скале Мечок близ сел. Карагуй, Болгария;

2 – на фасаде дольмена в пос. Азербиевка близ Геленджика, Западный Кавказ.

Изображения на скале Мечок сильно напоминают чашевидные углубления и другие рисунки на скале Кара-Ходжа в Крыму с той лишь разницей, что здесь углубления более крупные диаметром от 3–5 до 13–25 см и глубиной от 4–5 до 17–18 см. Общее число «чаш» – около 100. По свидетельству Ю. Лишаева, эта картина, хаотичная на первый взгляд, представляет собой систему знаков, которая «явно группируется вокруг центральной самой крупной чаши, имеющей в отличие от других, круглый ободок»⁸. Также точно, как и на скале Мечок, некоторые чаши соединены друг с другом бороздками или желобками. Среди геометрических фигур, дополняющих россыпь чашевидных знаков, выделяются линии, крути, дуги, кресты, линии и дуги с двумя кругами на концах. Вблизи скалы сохранилось несколько древних колодцев, вырубленных в скалах, что свидетельствует о том, что когда-то, скорее всего в каменном веке, в период неолита, эта территория была хорошо обжита.

Особо следует сказать о чашевидных углублениях, которые используются для пунктирного изображения геометрических или антропоморфных фигур на поверхности камня. К примеру, пунктирными лунками-ударами выполнены на поверхности кавказских дольменов изображения кругов, полуокружностей, перекрытий, параллельных линий и других фигур, многие из которых ассоциируются с изображением и движением солнца, звезд, луны. Так, на перекрытии составного дольмена Нексис 2 близ Геленджика можно наблюдать чашевидные метки, образующие восемь кругов диаметром в среднем 25 см⁹. Из них по крайней мере два круга заключают в себе прямые линии в виде перекрестия, а другие одну или несколько лунок в центре (рис. 5, 1). Чашечные знаки в виде выемок, расположенных по кругу, с одной и несколькими выемками внутри мы видим и на скале Мечок (рис. 3). В большом количестве встречаются такие рисунки в Шотландии, Швейцарии, в Азербайджане, Дагестане (рис. 5, 2,3,4). И повсюду они, так или иначе, связаны с древними захоронениями – с могильными курганами, расположенными рядом с чашечным камнем, с одной из плит гробницы, на которой обнаруживают эти изображения.

1

2

3

4

Рис. 5. Чашечные знаки, образующие геометрические фигуры.
1 – изображения на покровной плите дольмена Нексис-2 в окрестностях Геленджика, Западный Кавказ; 2, 3 – изображения на скальном выходе близ сел. Тюркан на Аншероне, Азербайджан; 4 – изображения на скальном выходе близ Корсторфин, Шотландия.

В России камни и скалы с россыпью чашевидных углублений малой и средней величины называют перстовиками, ссылаясь на предания, согласно которым эти углубления были оставлены перстами великанов, поднимавших и передвигавших скалы, огромные валуны и каменные плиты. Говорят, наряду с этим, вдавливания на «теле» скал и камней были произведены в незапамятные времена, когда скалы и камни были мягкими как тесто или глина. Возможно, такие реминисценции связаны каким-то образом с технологией орнаментовки керамических сосудов. Мы знаем, что в эпоху неолита и ранней бронзы именно так – пальцем по сырому тесту наносились декоративные вмятины или углубления на керамических сосудах Кавказа и Месопотамии¹⁰, а также и во всех других концах мира. Безусловно, это были вполне осознанные операции, направленные на сакрализацию объекта, в данном случае – на сакрализации глиняных сосудов и разнообразных фигур, применявшихся в ритуально-магических целях.

Известно, что керамика такого рода примыкает к наиболее простым типам с так называемым вдавленным¹¹ и ямочно-гребенчатым орнаментом¹². Вещественный материал такого рода находят на просторах Восточной Европы в захоронениях позднекаменного века, на памятниках эпохи бронзы и последующего времени. К примеру, чашевидными метками различных форм орнаментированы найденные на Южном Буге остатки кухонной посуды. «Орнамент помещался сразу же под венчиком в виде пояса из вдавленных пальцем круглых ямок, из прочерченных продолговатых ямок или из отпечатков штампа с треугольными зубцами», – пишет

автор этих находок Е.К. Черныш¹³. Но это все же тот случай когда в основе эстетической функции традиции четко просматривается религиозно-магическое начало. Скорее всего, изначально эти выемки имели сакральное значение и лишь во вторую очередь – чисто декоративное.

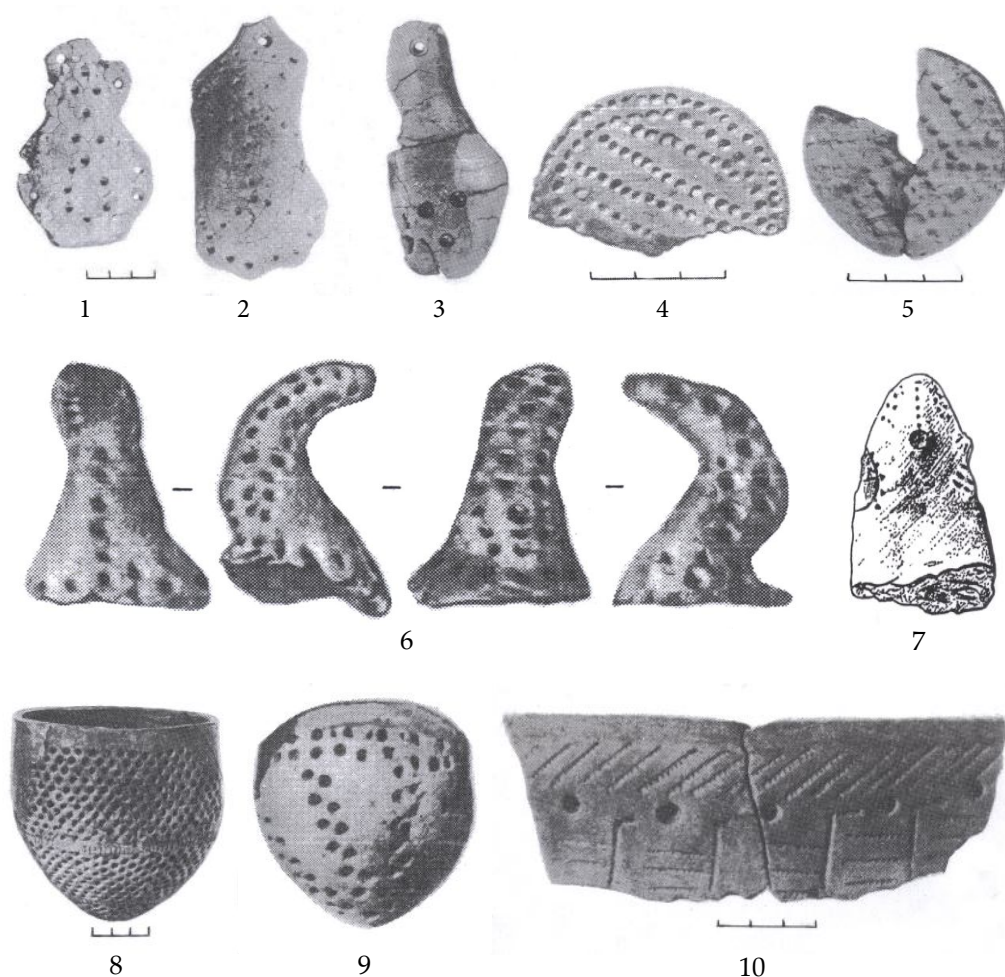

Рис. 6. Чашевидные знаки на изделиях из янтаря и керамики.

- 1, 2, 3 – углубления на янтарных подвесках, Кончанский могильник, Центральная Россия;
 4, 5 – глиняные диски с украшением из чашевидных углублений, поселение Сахтыш II, III, Центральная Россия; 6 – глиняная фигурка утки из поселения Вигайноволок. Карелия;
 7 – глиняная эмбрионовидная фигурка, поселение Торговище I, Ярославская область;
 8, 9, 10 – глиняные сосуды с ямочно-ребенчатым орнаментом.

К сожалению, на связь (в том числе и преемственную) керамических изделий, покрытых ямочным орнаментом, с чашечными камнями с их сакральным смыслом еще не обратили должного внимания, но она кажется мне вполне очевидной. Особенно примечательно, что в числе глиняных изделий с чашечными углублениями (или так называемым точечным орнаментом) оказываются не только сосуды, но также изделия, не имеющие утилитарного значения (рис. 6). В их числе, как мы видим, глиняные диски, скульптурные изображения утки¹⁴, эмбрионовидные фигурки¹⁵. Различные виды чашевидной символики обнаруживают также на янтарных подвесках¹⁶. Во всех этих случаях на первый план выдвигается ритуальный

смысл нанесенных углублений. Они придают предмету сакральное значение, превращают его в оберег, талисман, в атрибут магических действий, о которых сейчас мы можем только догадываться.

К категории культовых относятся также скальные выходы и каменные глыбы с одиночными сравнительно большими и глубокими чашами – диаметром от 20–30 см до полуметра и глубиной более 20–30 см.

Иногда на таких камнях основное – крупное углубление (естественное или искусственное) дополняется группой более мелких и миниатюрных чаш или лунок, что хорошо демонстрируют чашечный камень из Монт-ла-Вилле в Швейцарии (рис. 7, 2) и каменная глыба Краснохолмского городища (рис. 7, 5). Это композиции, которые указывают лишний раз на несоотнесенность чаш большого размера, а возможно и каменных корыт вблизи кавказских дольменов¹⁷, с культурой чашевидных знаков.

В России скалы и валуны с такими углублениями известны под названием чашениц. Обычно чаши на таких камнях напоминают естественные, созданные самой природой углубления, наполняемые регулярно дождевой, талой, росной водой. Но встречаются также явно искусственные, специально выдолбленные емкости для воды. Например, на вершине Чертова городища в Калужской области стоит огромный камень с «колодцем» в виде шестигранника. Глубина колодца 40 см ширина 25 см¹⁸. Искусственно созданным рукотворным является и так называемый «Камень бога Рагути-са» на одной из площадей Вильнюса (рис. 7, 5)

Выделенные таким образом камни используются часто как жертвенники, а воду, скапливающуюся в углублениях, считают святой. Во многих областях Центральной России еще в начале XX такую воду считали целебной и использовали для омовений¹⁹.

Встречаются чашеницы, имеющие специально созданные сливы для очистки скапливающейся воды. Это свидетельствует об использовании этой воды в ритуальных целях – для омовений и питья. А. Платов обнаружил чаши со сливом на камнях в Центральной России в составе Козьинского и Краснохолмского святилищ²⁰. По-видимому, это была традиция, имевшая широкое распространение. На Чертовом городище, оставленном древними балтами, находится такой же памятник. По свидетельству Л. Василявичуса, это «вросший в землю камень с тремя глубокими «чашками», соединенными друг с другом проточной канавкой и представляющими собой каскад, где могла накапливаться и стекать вода»²¹.

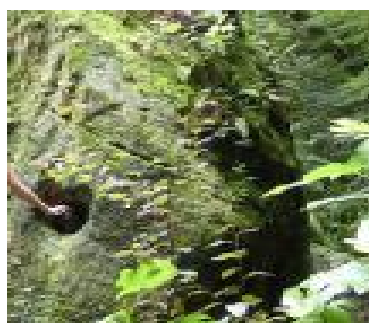
1

2

3

4

5

6

Рис. 7. Чашеницы.

- 1 – два камня с чашеобразными выемками, Пьера де Червиер, Швейцария;
 2 – чашеница из Монт ла Вилле, Швейцария; 3 – чаша диаметром более полуметра, выбитая на вершине камня (Камень-Волк) в урочище Три дуба на р. Шахе, Западный Кавказ;
 4 – чашечное углубление на тыльной стороне Волконского дольмена-монолита, Западный Кавказ;
 5 – жертвенный камень бога Рагутиса на одной из площадей Вильнюса;
 6 – камень Краснохолмского святилища, Тульская область.

На Западном Кавказе в урочище Три дуба на р. Шахе (близ г. Сочи) аналогичная чаша найдена на вершине громадного валуна под названием Камень-Волк (рис. 7, 3). Диаметр чаши на «загравке» валуна более полуметра. На дне чаши для спуска воды пробит отвод-канал, заканчивающийся небольшим углублением. Как видно, воду в чаше спускали для очистки от ила и скоплений мусора, а также перед тем, как сложить в ней дары, призванные умиловить дух священного камня. К этому нужно добавить, что в окрестностях этого жертвенника расположено несколько дольменов и валунов, в том числе дольмен с чашей над входным отверстием (рис. 8, 1), а также валун с двумя чашечными углублениями (рис. 8, 2).

Не исключено, таким образом, что в урочище Три дуба из комплекса мегалитов с чашевидными углублениями был создан величественный храм под открытым небом. В черкесской культурной традиции такие храмы известны под названием *тхъэцIагъ* – «местность, избранная Богом Тха». Есть, следовательно, все основания думать, что на данной территории располагался в древности, в III–II тыс. до н.э. религиозный и вместе с тем «административный» центр одного из местных племен.

1

2

Рис. 8. Чашечные углубления
на мегалитах в урочище Три дуба на р. Шахе близ г. Сочи.
1 – чашевидное углубление на фасадной плите одного из дольменов;
2 – углубления на валуне.

В дополнение к сказанному следует заметить, что чаши, наполнявшиеся водой, являются составной и неотъемлемой частью древней культуры Кавказа и особенно дольменной культуры. К примеру, знаменитый Волконский дольмен-монолит, встроенный в исполинских размеров валун 17 м в длину и 8 м в ширину, имеет две такие чаши. Одна из них расположена на вершине дольмена, а вторая на ее тыльной стороне (рис. 7, 3, 4). Это свидетельствует о том, что сам валун, в котором был выдолблен дольмен, использовался как жертвенник и все, что приносили местные жители в дар священному камню, помещалось в чаши. Словом, здесь все было приспособлено для совершения религиозных обрядов и ритуалов. Трудно представить другой пример такой же глубокой внутренней связи чашевидных углублений и чашениц с погребальным обрядом и с духом предков.

При этом, вполне возможно, чаша на вершине дольмена была с самого начала естественным углублением. Будучи основанием для почитания громадного валуна, она служила емкостью, в которой собиралась небесная, солнечная вода, которую местные жители использовали в ритуальных целях, как очищающую и целебную. В избранной и выделенной таким образом скале они выдолбили гробницу, дольмен. Затем дополнительно к естественной чаше на вершине гробницы на ее боковой стене выдолбили еще одну, вторую чашу – для приношений. Как видим, она была более доступна и удобна для того, чтобы люди, почитавшие валун, а затем и предков, захороненных в дольмене-монолите, могли сложить в это углубление свои жертвы или дары.

Другим примером может служить огромный выросший в землю валун, расположенный в Кабардино-Балкарии на правом берегу р. Баксан, на южной окраине сел. Атажукино (рис 9). Верхняя, возвышающаяся над землей часть этого валуна имеет форму большой диаметром около 2 м чаши, в которой скапливается и находится почти постоянно дождевая и талая вода. Она считается священной, обладающей целебными свойствами. Такие же свойства приписывают подковам, которые постоянно погружают

в эту воду в качестве жертвы, принесенной чашечнику. Все это позволяет говорить о соединении в данном месте культов камня, воды и железа. По-видимому, в древности здесь исполнялись сложные обряды с целью умиловить чашечник, призвать его на помощь. Не исключено, что вода из чаши использовалась для ритуальных омовений.

Рис. 9. Чашечный камень на реке Баксан, Кабардино-Балкария.

Место, где располагался Баксанский камень, воспринималось как святилище еще и по другой причине. Рядом с чашечником в пяти метрах южнее возвышался до недавнего времени так называемый Камень Сосруко – громадный гранитный валун-следовик высотой 4–5 м. Проектировщики шоссейной дороги снесли этот камень много лет назад, полагая, что именно здесь пройдет новая трасса, ведущая по Баксанскому ущелью в Приэльбрусье. Но местные жители хорошо помнят этот камень и рассказывают, что на одном из покатых боков этого валуна отчетливо выделялось углубление похожее на отпечаток копыта коня. Согласно преданиям этот след оставил в древности Тхожей – конь знаменитого героя нартского эпоса Сосруко, подаренный ему Богом кузнечного ремесла Тлепшем. Отсюда само название этого углубления и священного камня в целом – *Сосрыкъуэ и шылъакъуэмплэжь* – «Стародавний след, оставленный конем Сосруко».

Кроме чашечников большого размера находят также небольшие камни, покрытые явно искусственными, иногда отполированными углублениями. Несколько таких камней найдено недавно у реки Бешенки на Красной поляне близ Сочи. Размер одного из этих камней 17 на 13 см, при толщине с одного края 7 см, с другого – 2 см. У одного угла выбита чаша размером 8 на 5 см и глубиной 1,5 см, затертая охрой (рис. 10,1). Охрой покрыты и другие чашечные углубления на камнях, найденных в данной местности, что свидетельствует лишний раз о связи этих камней с погребальным обрядом, а чаш на их поверхности – с душами предков. Аналогичные камни находят и в Западной Европе. Примером может служить чашечный камень из Обербурга в Германии (9, 2). Похоже, что углубления в нем также покрыты охрой, что указывает на отношение данного артефакта к заупокойному культу. Известно, что охра с древнейших времен символизиро-

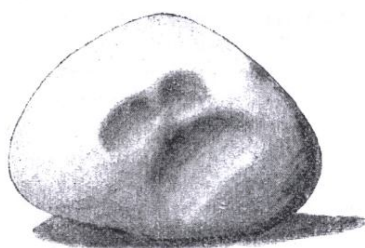
вавшая огонь, солнце, свет, была прочно связана с похоронным ритуалом как средством, способствующим воскрешению души умершего человека и продолжению его жизни в потустороннем мире.

1

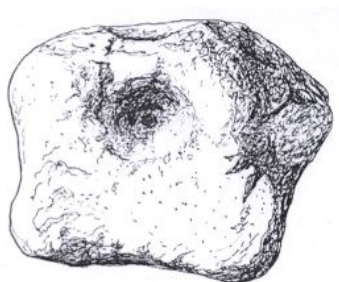
2

3

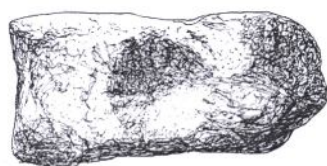
4

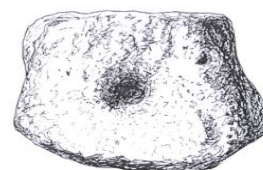
5

6

7

8

Рис 10. Чашечные углубления на миниатюрных камнях.

1 – камень с углублением, покрытым охрой, Красная поляна, Сочи, Краснодарский край; 2 – чашечный камень из Обербурга, Германия; 3 – камень из гранита с одним углублением с одной стороны и тремя сливающимися углублениями – с другой, Баден, Германия; 4 – чашечный камень, найденный в Кабардино-Балкарии, Центральный Кавказ; 5, 6, 7, 8 – фигура кабана / медведя на чашечнике, Лузанова сопка на р. Амур, Дальний Восток.

По-видимому, углубления на всех, в том числе и на сравнительно небольших по своим размерам камнях использовались для придания им охранительной, религиозно-магической значимости и мощи: для устрашения сил, могущих нанести вред обладателю этого камня, способных осквернить или

разрушить могилу, гробницу, обычное жилище, храм, керамический сосуд. В этих целях использовались не только массивные стационарные чашечные камни, но и сравнительно маленькие, передвижные, «портативные», подобные тем, что найдены на Красной поляне близ Сочи, а еще раньше в других областях Евразии. Например, в этих целях использовался, вне всякого сомнения чашевидный камень из гранита длиной 47 см, найденный Р. Форре-ром в Бадене (Германия) (рис. 10, 2)²², чашевидный камень, обнаруженный в ходе раскопок на территории Кабардино-Балкарии (рис. 10, 4), чашечные камни (в том числе и камни-личины) с берегов Амура.

Согласно верованиям древних, подобные камни были способны воздействовать в нужном направлении на судьбу, на ход событий, придать жизненную силу всем объектам, с которыми они объединялись – людям, предметам, вещам. Дополнительные значения и смыслы приобретали камни в том случае, если они были выполнены в виде антропоморфных или зооморфных фигур.

Я уже упоминал в связи с этим о сделанных из глины миниатюрных скульптурных изображениях утки, сплошь покрытые чашевидными знаками. Но есть также каменные зооморфные фигурки, также отмеченные или украшенные углублениями типичными для культуры чашевидных знаков. К примеру, Д.Л. Бродянский нашел на Амуре на Лузановой сопке небольшой чашечный камень (около 10 см с каждой из сторон), который относится к Зайсановской неолитической культуре V–II тыс. до н.э.²³ В одном из ракурсов фигура напоминает медведя, а в другом кабана (рис. 10, 5–8). Показательно, что углубления разных форм и размеров расположены на фигурке медведя с трех разных сторон (чем-то напоминая в этом отношении Баденский камень Р. Форрера). Безусловно, они являются священными символами – знаками почитания медведя (кабана).

Заметим в данной связи, что интерпретация конкретных форм чашевидной символики, определение их смысла и назначения, в том числе и в комбинации с другими петроглифами одна из самых важных и в то же время трудноразрешимых проблем. Это сфера, где очень часто приходится ограничиваться более или менее правдоподобными предположениями и догадками. Одним словом, здесь не только множество вопросов, на которые необходимо ответить, но и широкое поле для научного поиска и фантазии. Г. Вернер, автор недавно опубликованной в США книги²³, посвященной чашевидным знакам, пишет, что исследователям еще предстоит выяснить, наделяли ли камни с чашевидными углублениями магическими, целебными свойствами? Использовали ли в магических целях воду, скапливающуюся в чашечных углублениях? Можно ли рассматривать их в качестве звездных карт? Имеют ли они какое-то отношение к заупокойным культам, к похоронам великих учителей, воинов, вождей и т.д.

Как видим, это очень трудные вопросы. Трудно, порой невозможно определить, что именно подразумевали создатели чашечных камней под каждым углублением, под каждой композицией чашевидных знаков. Но и отказаться от попыток их научного объяснения тоже нельзя. Поэтому и в данном направлении предстоит еще большая, сложная работа.

Примечания

1. Бгажноков Б.Х. Сакральный смысл чашевидных знаков // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2013. № 1 (20).
2. См.: Бгажноков Б.Х. Указ. соч. С. 8–10.
3. Brennan M. The Stars and Stones. Ancient Art and Astronomy in Ireland. London, 1983.
4. Кусов Г. Камень с Большой медведицей // Вокруг света. № 5. 1989.
5. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. Ставрополь, 1993. С. 105.
6. Демаков А.А., Фоменко Д.А. Археoaстрономические исследования. Нижний Архыз, 1999. С. 6.
7. Миков В. Скальни изображения в Болгария. София, 1929 // Отпечатъкът от Известия на Българския Археологически Институт. Томъ V. 1928/1929. Стр. 291–308.
8. Лишаев Ю. Новый памятник мегалитической культуры в Крыму // <http://www.crimea.ua/index.php>.
9. Кондраков Н.В. Тайны сочинских дольменов. Майкоп, 2010. С. 35.
10. Кореневский С.Н. Знаковая керамика Кавказа эпохи неолита и ранней бронзы // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 8.
11. Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Петроград, 1918. С. 14.
12. Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992. С. 41–130.
13. Черныш Е.К. Многослойный памятник у с. Печоры на Южном Буге // Археологический сборник. Эпоха камня. Л., 1959. Вып. 1. С. 178.
14. Ошибкина С.В. Север Восточной Европы // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992. С. 59.
15. Крайнов Д.А. Русская равнина // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992. С. 77.
16. Зимина М.П. Запад Русской равнины // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992. С. 129.
17. Бгажноков Б.Х. Чашевидные знаки кавказских дольменов. Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2013. Вып. 2. С. 14.
18. Василявичюс Л. Камни чародеев. Очерк типологии и мифологии священных камней балтославянского региона // Приложение к кн.: Платов А. Мегалиты русской равнины. М., 2009. С. 262.
19. Макаров Н.А., Чернецов А.В. К изучению культовых камней // Советская археология. 1988. № 3. С. 80.
20. Платов А. Мегалиты Русской равнины. М., 2009. С. 62–67.
21. Василявичюс Л. Указ. соч. С. 262.
22. Forrer R. Urgeschichte des Europaers von der Menschwerdung bis zum Anbruch der Geschichte. S. 245.
23. Бродянский Д.Л. Произведения искусства из памятников Лузановой сопки (оз. Ханка, Приморье) // Россия и АТР. 2004. № 1. С. 130–133.
24. Varner G.R. Portals to Other Realms: Cup-Marked Stones and Prehistoric Rock Carvings. N-Y., 2012.

B.H. BGAZHNOKOV

TO THE QUESTION OF TYPES AND FORMS OF CUP MARKS

Among the questions concerning the study of cup marks questions of its classification, definition of types and forms and its semantics play an important role. Some considerations about that are presented by the author as a statement of a question and as a first experience in that direction.

Keywords: cup marks, stone age, Neolithic, petroglyphs, sacralization, megaliths, ancient sanctuaries.

Ю.А. Прокопенко
(г. Ставрополь)

**НОВАЯ ВЕРСИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
УНИКАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА – КАМНЯ
С ЗООМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ, ХРАНЯЩЕГОСЯ
В ФОНДАХ ПЯТИГОРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

В статье предложена новая версия происхождения уникального памятника духовной культуры и изобразительного искусства – камня с зооморфными изображениями, хранящегося в фондах Пятигорского краеведческого музея. Предмет имеет вытянутую и подпрямоугольную в сечении форму, состоит из двух частей-блоков с плоско рельефными изображениями животных на продольных боковых и торцевых сторонах. Отмечая различные варианты трактовки его находки, автор настаивает на связи его обнаружения с разграблением подкурганного склепа конца IV–III вв. до н.э. на г. Брык (северо-западнее района Кавминвод). Об этом свидетельствуют документы XIX в., особенности расположения прямоугольных выемок на верхней грани камня и стилистические особенности зооморфных изображений на камне, близкие по сюжету с геральдическими изображениями скифского звериного стиля.

Ключевые слова: камень с зооморфными изображениями, версии происхождения камня, скрепы, склеп, скифский звериный стиль.

В государственном бюджетном учреждении культуры Ставропольского края «Пятигорский краеведческий музей» хранится уникальный предмет – плотный камень чешуйчатой структуры светлого серо-желтого цвета вытянутой и подпрямоугольной в сечении формы, состоящий из двух частей-блоков с плоско рельефными изображениями животных на продольных боковых и торцевых сторонах (ПКМ, № 2336 ОФ) (рис. 1, 1): геральдическая композиция из двух симметрично расположенных друг к другу ушастых животных с продолговатыми туловищами и укороченными лапами, видимо, зайцев с развернутыми в противоположные стороны головами (рис. 1, 2); подобный сюжет на противоположной продольной стороне, состоящий из симметрично повернутых друг к другу фигур кошачьего хищника (передняя часть туловища приподнята; задняя завершается длинным хвостом) и, возможно, копытного – осла или быка (?) (рис. 1, 3). Длина изображений каждого из животных – 52–53 см, высота рельефа – 3–4 см. Расстояние между мордами – не более 10 см.

Изображения на торцах в настоящее время плохо прослеживаются. Контуры рельефа на узкой стороне напоминают голову барана с закрученными рогами. Судя по рисункам XIX в. рельеф на широком торце, в настоящее время сильно поврежденном, скорее всего, также является изображением головы барана.

Наибольшая длина камня – 186 см; ширина в средней части – 48 см; высота – 38–39 см. Он сужается к обоим коротким торцевым сторонам: в одну сторону до 40 см; в другую – до 30–31 см. Прямоугольный в сечении брус поломан на две почти равные части (91 и 95 см длиной). При этом ни одно

изображение животного не пострадало. Скорее всего, камень изначально состоял из двух частей¹. В 1930 г. экспонат был перенесен в Пятигорский краеведческий музей (располагавшийся тогда в помещениях верхних Пушкинских ванн) из Грота Лермонтова.

Его происхождение связано с образованием в 1849–1850 гг. в г. Пятигорске первого на Северном Кавказе музея древностей под открытым небом (создан по инициативе исследователя древних рукописей, надписей и археологических объектов Крыма и Северного Кавказа А.С. Фирковича, при поддержке кавказского наместника М.С. Воронцова, участии Дирекции Кавминвод и другого местного регионального начальства)².

Музейная коллекция представляла собой собрание древних и средневековых каменных памятников (плиты с надписями, орнаментами, антропоморфными и зооморфными изображениями; кресты и изваяния), расположенное в сквере возле построенной в античном стиле Елизаветинской галереи (Пятигорский курортный Цветник). Указанный камень с зооморфными изображениями разместили в «Елизаветинском» гроте (Грот Лермонтова), который стал составным элементом музейного комплекса.

Следует отметить, что создание «музеума» в середине XIX в. приходится на время еще не оформившихся музейведческих методик описания и хранения артефактов. Видимо, с этим связана путаница с локализацией места находки указанного камня с зооморфными изображениями.

Согласно первой версии, рассматриваемый нами экспонат, А.С. Фиркович обнаружил во время поездки к развалинам золотоордынского г. Маджар на территории и в окрестностях нынешнего г. Буденновска во второй половине сентября 1849 г. В данном случае, исследователь посетил дом крестьянина с. Покойное Звездова, откуда вывез два треугольных камня от оформления аркообразной двери мечети с арабскими письменами и «... четырехугольный известковый камень, длиной 2 $\frac{1}{2}$ и шириной $\frac{1}{2}$ аршина, на котором рельефно изображены четыре каких-то зверя, видно по выдолбленным в нем дырам для коробок, что камень этот служил порогом в каком-то здании»³.

В настоящее время С.Н. Савенко также считает, что артефакт из ГБУК СК «Пятигорский музей», поскольку он выявлен в с. Покойном, следует связывать с комплексом городища Маджары⁴.

По другой версии, озвученной членами Русского Археологического общества братьями Нарышкиными в подписи на рисунке в альбоме отчета об их путешествии через Пятигорск в горы Кавказа и Сванетию в 1867 г., отмеченный камень найден «...в 60 верстах от Пятигорска на кургане близ Боргустанской станицы»⁵. На рисунке изображена одна продольная сторона камня (оборотная сторона не была доступной для рисовальщика – экспонат был закреплен вплотную к стенке грота Лермонтова), реалистические прорисовки голов барана на узком торце, и крупного животного с закрученными рогами на широком торцевом конце камня⁶.

Впоследствии этот вариант поддержал член-сотрудник Санкт-Петербургского Археологического института Н.Е. Макаренко в 1907 г. Он сфотографировал и зарисовал внешнюю продольную сторону камня с зооморфными рельефами и отдельно изобразил голову крупного барана на торце. Доказывая несостоятельность легенды о связи камня с М.Ю. Лермонтовым, Н.Е. Макаренко настаивал на его происхождении из кургана у ст. Боргустанской. Он уточнил размеры камня и четырехугольных углу-

блений в нем. По мнению исследователя, артефакт являлся «надгробным памятником»⁷.

В третьем варианте трактовки происхождения указанного камня также фигурируют окрестности ст. Боргустанской⁸. В данном случае предложена версия связи его находки с раннесредневековым городищем Рим-гора⁹. При этом, в процессе поиска историко-культурных аналогий упор был сделан на средневековые изображения пар собак, известных, в частности, на знаменитой Кяфарской гробнице XI в. н.э. из Верхнего Прикубанья¹⁰.

В четвертой версии, прозвучавшей в курортной газете «Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод» за 1881 г., функциональное назначение камня с зооморфными изображениями трактуется не в качестве порога («для порога слишком высок»). Согласно этому варианту «...он составлял часть карниза или наружного фундамента для колоннады в каком-либо здании или даже служил жертвенником для жертвоприношений животных». В описании указывалось, что «порог» и деталь украшения над дверьми с арабскими надписями, доставлены в Пятигорск по распоряжению начальника Центра Кавказской линии князя Эристова в одно время с большим крестом из района Эльхотовского аула, «когда и кем они были найдены не известно»¹¹.

Что касается первой версии, нужно обратить внимание, что А.С. Фиркович опубликовал сведения о происхождении камня в 1858 г., т.е. через 9 лет после его поездки в с. Покойное. Это достаточно долгий срок, в течение которого сведения искажаются, некоторые детали забываются.

Треугольные камни с арабскими письменами из дома Звездова, видимо, действительно украшали аркообразные двери мечети Маджара. Что касается камня с зооморфными изображениями, допустить их общее происхождение с треугольными камнями не представляется возможным, поскольку в исламе по законам шариата изображение человека и животных было запрещено. Маджар, не смотря на то, что население города было пестрым в этническом и конфессиональном отношениях, судя по количеству мечетей и мавзолеев, являлся оплотом ислама в Предкавказье. Естественно, в отличие от горных районов Дагестана (в XIII–XIV вв. там процветало искусство архитектурного рельефа), здесь со времени государственного принятия ислама в Золотой Орде в начале XIV в. под постоянным приглядом религиозной и светской (мусульманской) элиты активно проповедовалось неукоснительное почитание и исполнение законов шариата. Если даже следовать версии А.С. Фирковича и С.Н. Савенко о вывозе камня именно из с. Покойного, его происхождение явно связано с другим памятником не золотоордынского периода.

Вторая версия о находке указанного камня в кургане у ст. Боргустанской более правдоподобна. В данном районе к настоящему времени здесь выявлено достаточно много памятников, в том числе курганов. Однако, следует обратить внимание на несоответствие указанного в документах расстояния до памятника, где якобы был обнаружен камень – 60 верст, реальному расстоянию до Рим-горы – по прямой – 45, по дороге – не более 50-ти верст.

По поводу третьей версии ранее уже было дано обоснование ошибочности варианта происхождения камня с зооморфными изображениями из городища Рим-гора¹².

Четвертый вариант не рассматриваем ввиду его неопределенности (место его находки трактуется как неизвестное).

Таким образом, все отмеченные версии не являются полностью достоверными. Однако, такой камень явно неординарная находка, более того это эксклюзивный экземпляр, поэтому, несмотря на неразвитость в середине XIX в. системы по фиксации обнаруженных памятников, следует предположить, что место его обнаружения могло быть отмечено, хотя бы в рассказах сельских старожилов.

Действительно, такой случай был зафиксирован в связи с исследованием в конце XIX в. известного памятника конца IV–III в. до н.э. – подкурганного склепа на г. Брык. Период его обнаружения и исследования насчитывает более 150 лет¹³. За этот период (до его раскопок В.А. Владимировым в 1900 г.) памятник как минимум был трижды ограблен: 50–60-е гг. XIX в., 1885 г., 1898 г.

В конце XIX в. обстоятельство находки каменной постройки в 9-ти метровом кургане у с. Султановского и описание ряда ярких находок, отобранных у местных жителей вызвали оживленную переписку между канцелярией губернатора и Императорской археологической комиссией, а также между председателем археографической комиссии Е.Д. Фелицыным, графом А.А. Бобринским, инспектором народных училищ А.И. Твалчрелидзе и археологом Н.И. Веселовским. Из них, кроме приставов, двое последних осмотрели памятник.

В результате опроса местных крестьян было выяснено, что в 50–60-е гг. XIX в. курган был ограблен в первый раз. Местные жители пробили колодец сверху и наткнулись на склеп, выложенный из камня. В другом рассказе прозвучала важная для нас информация о камне в виде барана, который в 50-е гг. XIX в. был снят с дверей гробницы крестьянином с. Круглолесское и затем им увезен домой¹⁴.

Таким образом, время находки этого «каменного барана» в кургане на горе Брык примерно совпадает с версией А.С. Фирковича о находке камня с зооморфными изображениями в 1849 г. Интересно, что раскопали курган жители удаленного с. Круглолесского, а не с. Султановского, расположенного у г. Брык. Это также подтверждает факт раннего ограбления склепа (гробница ограблена до появления нового селения), поскольку село Султановское было образовано только в 1866 г.¹⁵

Видимо, раскопки памятников на территориях, прилегающих к с. Круглолесскому, даже достаточно удаленных, было обычным делом для местных крестьян. Например, А.И. Твалчрелидзе, отмечая достопримечательности этого селения, упоминает о каменной статуе, поставленной на местном кладбище вместо памятника. Характерно, что происхождение ее также было связано с раскопками. Статуя была найдена в земле «...На одной из соседних возвышенностей, на небольшой глубине...»¹⁶.

Интересно, что расстояние между г. Брык и г. Пятигорском примерно равно 60-ти верстам (между с. Круглолесским и г. Пятигорском около 65–70 верст). Это сходно с вариантом находки камня с зооморфными изображениями в кургане в 60-ти верстах от Пятигорска (согласно второй версии). Если заменить ст. Боргустанскую на г. Брык (отметим созвучие Борг-Брык), тогда место находки идеально совпадает со второй версией. Нужно учесть, что для жителей г. Пятигорска, хорошо представлявших окрестности ст. Боргустанской и наверняка не знавших о существовании горы Брык, легко брыковская находка как созвучная могла превратиться в боргустанскую. При этом, наш вариант не противоречит и времени находки согласно первой версии.

В отчете раскопок склепа на г. Брык очень схематично дано описание камня, из которого были выложены стены памятника. Согласно архивным записям, южная стена (первый ряд) была сложена из гладко отесанных камней-квадров. Западная, восточная и северная стены камеры были сложены насухо, без цемента и без каких-либо креплений, из массивных глыб песчаника, отесанных с лицевой стороны и плотно пригнанных правильными швами одна к другой (при этом верхняя часть камеры и перекрытие не сохранились). По этим сведениям, можно только предположить, что в постройке памятника по меньшей мере были использованы два вида камня: отесанные камни-квадры (возможно, какой-то камень с плотной структурой) и местный песчаник. Цвет камня нигде не был указан. По сохранившимся черно-белым фото раскопок также невозможно выяснить особенности цвета камня.

К сожалению – не сохранилось описания камня в виде головы барана, обнаруженного при взломе гробницы на горе Брык. Данное обстоятельство делает наше предположение об отождествлении его с экспонатом Пятигорского музея достаточно гипотетичным. Однако, следует еще раз обратить внимание на выемки прямоугольной формы на верхней поверхности этого камня (по первой версии они служили для крепления порога, согласно второму варианту интерпретации – служили в качестве карниза (или фундамента) или служили для жертвоприношений).

В этой связи следует вновь внимательно рассмотреть особенности архитектуры отмеченной гробницы из кургана на г. Брык. Склеп был выложен из каменных блоков прямоугольной формы – квадров. При этом, в качестве крепления отдельных блоков использовались два варианта крепл. Первый вариант это пластинчатые свинцовые скрепы с вогнутостями по боковым сторонам. Второй вариант представлял собой деревянные (дубовые) шипы прямоугольной формы сверху облитые свинцом – в свинцовом футляре, от которого с одной стороны отходит вытянутый плоский кусок свинца (результат заливки выемки – желоба сбоку от шипа) (рис. 2, 1). Реконструкция этой технологии такова – чтобы скрепить два блока их насаживали друг на друга. Для этого в прямоугольные пазы нижней плиты вставлялись деревянные прямоугольные шипы, которые поливались расплавленным свинцом. Затем на эти выступы сверху накладывался другой блок (имеющий такие же выемки прямоугольной формы только на нижней поверхности). Когда свинец застывал, он прочно скреплял плиты по вертикали. Характерно, что пазы в камне из Пятигорского краеведческого музея близки к размерам дубовых шипов (в свинцовом футляре), выявленным в гробнице на г. Брык (рис. 1, 1).

В Архиве ИИМК РАН сохранился рисунок крепления таких шипов в пороге – у нижней пороговой плиты выемки выбиты на верхней поверхности (рис. 2, 2). В данном случае, если бы исследуемый камень был порогом, он имел бы аналогичные выемки на нижней стороне. У камня из Пятигорского краеведческого музея пазы расположены на верхней поверхности. Таким образом, он видимо крепился снизу к верхней плите входных пилонов. Это не противоречит рассказу о том, что крестьянин снял каменного барана с ворот гробницы. При этом, два зооморфных изображения встречали входивших в камеру, а два других изображения провожали выходивших из гробницы.

Следует отметить, что посредством свинца также скрепляли торцы прилегающих горизонтальных блоков и осуществляли соединение го-

ризонтальной и вертикальной плит. Для этого от паза, предназначенного для шипа, в сторону соединения поверхностей выбивался канал-слив для заливки свинца (рис. 2, 2). Судя по выбитой плоской выемке на обеих частях камня из Пятигорского краеведческого музея, соединяющей прямоугольные углубления и края разлома (рис. 1, 1), оба блока соединялись аналогичным способом.

Использование свинца для крепления квадров – прием, характерный для античной строительной традиции. В Центральном Предкавказье пока известны только два случая такой техники. Это блоки со скрепами гробницы кургана на г. Брык и рассматриваемый 2-х блоковый брус из Пятигорского музея. Особая эксклюзивность такой сложной технологии (использование значительного количества свинца) позволяет мне их соотнести с одним памятником.

Ранее уже было отмечено обстоятельство малочисленности средневековых сюжетов, хоть как-то сходных с изображениями на камне из Пятигорского краеведческого музея¹⁷. Напротив, достаточно много геральдических изображений, близких по сюжету с рельефами исследуемого камня, эпохи раннего железного века, особенно IV–III вв. до н.э. В частности, изображения двух развернутых к друг другу зайцев отмечены на метопиде из кург. 18 у с. Львово, бляшках из мог. Новониколаевка («Первый курган», кат. 60) (рис. 2, 3), Большого Рыжановского кургана (кат. 61) (рис. 2, 6), на костяной пластине из поселения Чертоватое – VII (кат. 62) (рис. 2, 4), на ручке зеркала из кург. 2 мог. Новосельские сады (рис. 2, 6) и др. В ряде случаев в подобной композиции в скифском искусстве были задействованы и другие животные – хищники (собаки и др.): кург. Куль-Оба (кат. 74) (рис. 2, 8), кург. Большая Близница (кат. 67) (рис. 2, 10)¹⁸.

Наиболее близкие по сюжету геральдические изображения двух зайцев с повернутыми назад головами изображены на навершиях рукоятей мечей, выявленных в могильниках: Новониколаевка («Первый курган» – кат. 33) и Частые курганы (курган 3 – кат. 52)¹⁹ (рис. 2, 11).

Сюжеты с изображением зайца характерны для скифского звериного стиля Предкавказья VII–IV вв. до н.э. Образ зайца в разных индоевропейских традициях, в том числе иранской, устойчиво связывается с идеей плодородия²⁰.

Заяц в Нартовском эпосе встречается лишь раз в эпизоде охоты Хамыца, и оказывается, что это животное связано с какой-то, чуждой нартам, страной, из которой происходит девушка, дочь водного божества. По одной версии эпоса, заяц превращается в девушку (осет., вайнах.), по другой, – служит верховым животным этой страны (адыг.). По предположению Г.Н. Вольной, это свидетельствует о том, что заяц является связующим звеном между миром нартов и карликом, земным и хтоническим миром²¹. Видимо, связь зайца с нижним миром также подчеркивает бляшка, происходящая из Северной Осетии. В данном случае изображение зайца вписано в схему свернувшегося хищника²².

Образ зайца остается востребованным в сарматское время²³. Бляшки с профильным изображением зайца (вариант – морда развернута в фас) представлены в наборе украшений погребения 24 кургана 1 могильника Комарово²⁴. Три фаланги задних заячьих лапок с отверстием на одном конце входили в набор амулетов, выявленном в погребении 89 Нижне-Джулатского могильника²⁵.

Как уже было указано, в скифском искусстве в композиции с зайцем в ряде случаев задействованы и др. животные, в том числе хищники (пантеры, собаки и др.). Следует отметить, что на другой продольной стороне камня из Пятигорского музея (противоположной стороне с рельефной композицией из двух зайцев) изображены кошачий хищник и бык (?) (рис. 1, 3). Рельефы на одном камне, изображающие двух зайцев и хищника перекликаются с сюжетом оформления отмеченной бляхи из Северной Осетии – расположения образа зайца в кольце свернувшегося хищника. Возможно, данная бляха, а также бляшки из Комарово и амулеты из Нижне-Джулатского могильника призваны оберегать носившего их от возможного воздействия темных сил.

Бык с древнейших времен является жертвенным животным. В изображениях сцен терзания заяц также выступает в качестве жертвенного животного. По мнению А.Е. Иванеско, сцена преследования зайца в Нартовском эпосе семантически эквивалентна жертвоприношению и отражает идею воссоздания космической и социальной гармонии²⁶.

В ряде сюжетов образ зайца связан с победой – триумфом. В частности, в рисунках сасанидских воинов на стенах синагоги в Дура Европосе, сделанных ими после победы над римлянами, сцена погони собаки за зайцем располагается ниже изображений турниров сасанидских вельмож с римлянами²⁷.

Эта связь прослеживается и в древнеперсидской легенде, рассказанной Геродотом. В его повествовании сигналом к восстанию Кира, приведшего к основанию державы Ахеменидов, послужило письмо, посланное ему Гарпагом о зайце, которого принес слуга вместе с сетью (Herod. I, 123, 124). Считается, что основную знаковую роль в этой ситуации играли заяц и сеть, тогда как письмо – поздняя вставка-тавтология, характерная уже для письменной традиции²⁸.

В подобных контекстах сюжеты погони и терзания (как результат погони) вполне возможно соотнести с образом бога-войны, к которому восходит и образ Батраза из Нартовского эпоса (персонаж сопоставимый со скифским Аресом), рожденного в результате погони за зайцем²⁹.

Как уже было отмечено, торцевые стороны камня из Пятигорского музея оформлены в виде головы барана.

В иранской мифологической традиции, с бараном отождествлялся «Фарн» – «небесная благодать» – все-то благое, источником чего являлось «небо-солнце»³⁰.

Для второй половины I тыс. до н.э. характерны теофорные имена представителей правящей верхушки скифов, сарматов и др., производные от «фарн» – Арифарн, Фарнаваз, Фарнак и др.³¹ В связи с этим следует отметить находку на Кубани золотого амулета II–I вв. до н.э. с надписью «Богу Уатафарну»³². Уатафарна соотносят с «божеством мира жилища, покровителем домашнего счастья». Амулет, посвященный этому богу, обеспечивал носителю счастье в домашней жизни³³.

Еще одно каменное изображение барана (вместе с двумя плитами в виде птичьих голов) было обнаружено краеведом Федотовым в окрестностях г. Ставрополя в конце XIX в.³⁴ Возможно, находки в склепе на г. Брык и в окрестностях г. Ставрополя, одновременно с отмеченной популярностью характерных теофорных имен, свидетельствуют о распространении в Предкавказье в IV–III вв. до н.э. культа «Фарна».

Таким образом, все выше сказанное (выемки на верхней поверхности камня для крепления шипами, особенности сюжетов рельефов) позволяет еще раз подчеркнуть, что камень с зооморфными изображениями, хранящийся в ГБУК СК «Пятигорский музей», скорее всего, был обнаружен в середине XIX в. в каменной подкурбанной гробнице на г. Брык (в крайнем случае, в аналогичном памятнике), возведенной представителем знати (возможно региональному правителю) в конце IV–III в. до н.э.

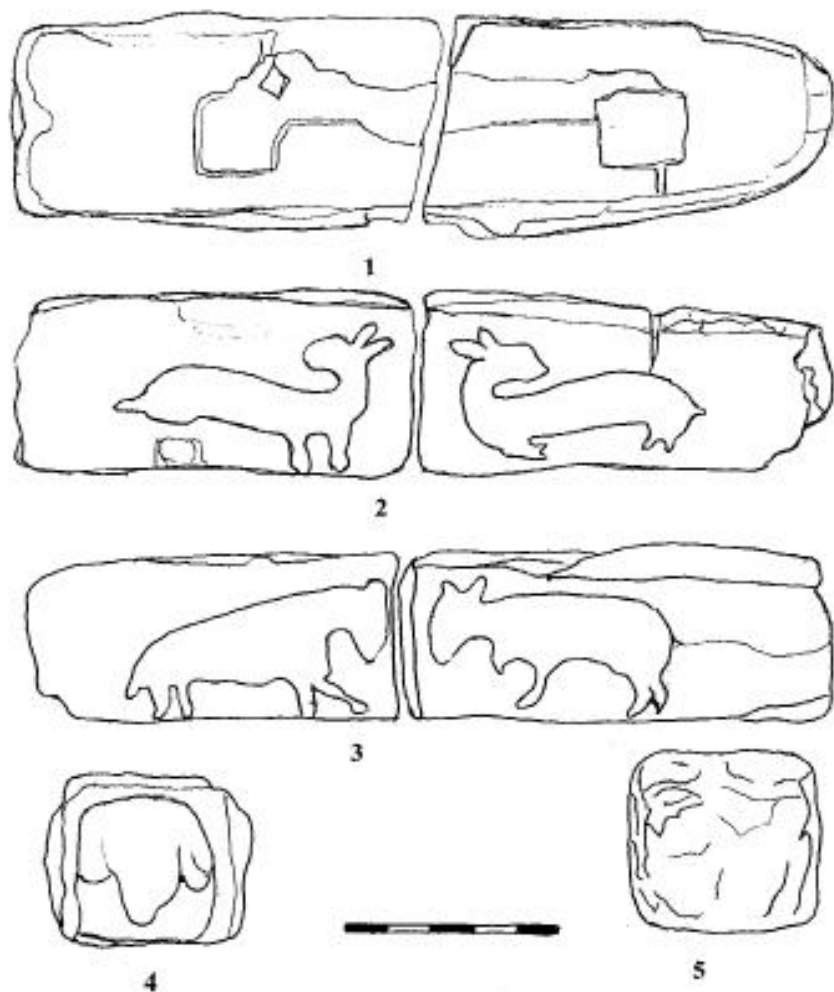

Рис. 1. Камень с зооморфными изображениями из фондов Пятигорского краеведческого музея.

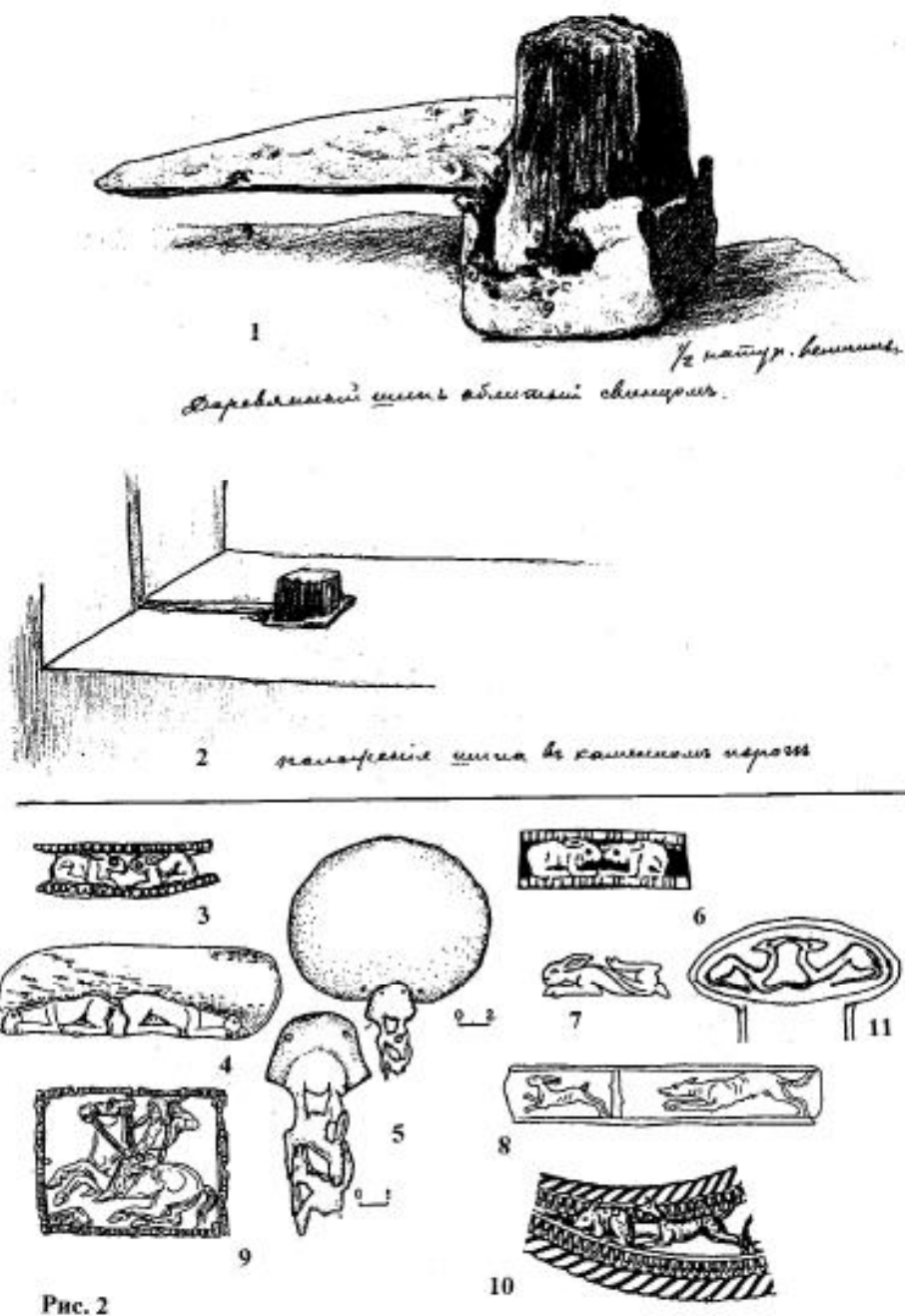

Рис. 2

Рис. 2. Деревянный шип (в свинцовой оболочке) из Султановского кургана на горе Брык и изображения зайцев на предметах из курганов IV–III вв. до н.э.
 1–2 – деревянный шип (в свинцовой оболочке) из Султановского кургана на горе Брык;
 3 – Новониколаевка, «Первый курган» (кат. 60); 4 – поселение Чертоватое–VII (кат. 62);
 5 – мог. Новосельские сады, кург. 2 (кат. 63); 6 – Большой Рыжановский курган (кат. 61);
 7 – Пазырык, кург. 3 (кат. 57); 8 – кург. Куль-Оба (кат. 74);
 9 – кург. Куль-Оба (кат. 64); 10 – кург. Большая Близница (кат. 67);
 11 – Частые курганы, кург. 3 (кат. 52) (3–11 – по Ю.Б. Полидович, Г.Н. Вольной).

Примечания

1. Савенко С.Н. Уникальный памятник духовной культуры и изобразительного искусства населения Предкавказья в фондах Пятигорского краеведческого музея // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю.Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум: АБИГИ, 2011. С. 180.
2. Савенко С.Н. Традиция сохранения древностей в Пятигорске // Достояние поколений. Научно-популярный журнал. М., 2010. № 1 (8); Он же. Уникальный памятник... С. 178.
3. Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Труды Восточного отделения ИРА. Ч. 3. СПб., 1858 // Переиздано: Балкария. Страницы прошлого. Вып. III. Нальчик, 2006.
4. Савенко С.Н. Уникальный памятник... С. 181.
5. Архив ИИМК. Ф. Р-1. Д. 273. Л. 24
6. Савенко С.Н. Указ. соч. С. 178. Рис. 1.
7. Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 годов // Известия ИАК. СПб., 1911. Вып. 4. С. 127–128. Рис. 112–113.
8. Станица Боргустанская в XIX в. располагалась под Рим-горой.
9. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 105. Рис. 20.
10. Коваленко А.Н., Фоменко В.А. Об одной давней находке из окрестностей Рим-Горы. Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межэтнических отношений на современном этапе (материалы международной научно-теоретической конференции) 28–31.10.1997 г. Черкесск – Архыз. Черкесск, 1999. С. 98–100.
11. Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод. 1881. 30 сентября. С. 404–405.
12. Савенко С.Н. Указ. соч. С. 180–181.
13. Прокопенко Ю.А. О культурной принадлежности Султановского кургана, исследованного И.А. Владимировым в 1900 г. у горы Брык // Вестник СГУ. Социально-гуманитарные науки. Ставрополь, 1998. Вып. 15. С. 37–40.
14. Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. Ч. II. С. 182.
15. Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1896. С. 182.
16. Там же. С. 63.
17. Савенко С.Н. Указ. соч. С. 180.
18. Полидович Ю.Б., Вольная Г.Н. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С. 417–420. Рис. 2, 3, 4; 4, 1–4.
19. Там же. С. 419. Рис. 3, 22, 24.
20. Раевский Д.С. Модель скифской культуры. М., 1985. С. 62–63; Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы... С. 159, 203.
21. Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ: Иростон, 2002. С. 106.
22. Прокопенко Ю.А. Указ. соч. Рис. 183, 17.
23. Там же. С. 178–180.
24. Гиджратли Н.И., Наглер А.О. Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СОАССР // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1980. С. 13.
25. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. С. 91. Рис. 29, 30.

26. *Иванеско А.Е.* Историческая информативность осетинского нартвовского эпоса (скифо-сарматский период). Автореф. дис... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 2000. С. 23.
27. *Луконин В.Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977. С. 184.
28. *Гусейнов Г.Ч.* Грифос: предметное и словесное воплощение греческого мира // Контекст – 1986. Литературно-теоретические исследования. М., 1987. С. 82; *Политович Ю.Б., Вольная Г.Н.* Указ. соч. С. 427–428.
29. *Прокопенко Ю.А.* Указ. соч. С. 233.
30. *Абаев В.И.* Избранные труды. Владикавказ, 1992. Т. 1. С. 110.
31. *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, 1955. S. 141, 184, 197, 236–239.
32. *Гутнов Ф.Х.* Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001. С. 79.
33. *Литвинский Б.А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968. С. 67–68, 70.
34. *Прокопенко Ю.А.* Указ. соч. С. 182. Рис. 219, 1.

Yu.A. PROKOPENKO

NEW VERSION OF ORIGIN IMAGES FROM THE HOLDINGS
OF PYATIGORSK MUSEUM OF LOKAL HISTORY

The paper proposes a new version of the origin of the unique monument of the spiritual culture and art – the stone zoomorphic images stored in the collections of the Pyatigorsk museum. The subject has an elongated shape and in subrectangular section consists of two parts with flat blocks animals reliefs at the longitudinal sides and end faces. Noting the various options for treatment of findings, the author insists on its connection with the detection of looting the vault beneath barrows end of IV–III centuries BC. on Mr. Bryk (north-west region of Caucasian Mineral Waters). This is evidenced by the documents of the XIX century, Especially the location of the rectangular recesses on the top of the stone and stylistic features of zoomorphic images on stone, close the plot with heraldic images of the Scythian animal style.

Keywords: stone with zoomorphic images, version of the origin of the stone, duckles, crypt, Scythian animal style.

А.М. Новичихин
(г. Анапа)

КЕРКЕТЫ И ТОРЕТЫ – ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Согласно сообщениям античных авторов, Черноморское побережье Западного Кавказа в районе современных Новороссийска и Геленджика населяли племена керкетов и торетов. Попытки локализации этих племен, основанные на анализе письменных источников и археологических материалов, не увенчались успехом. Есть основания предполагать, что керкеты и тореты, подобно проживавшему в этом же регионе в XIX в. племенам натухаевцев (натухаевцев) и шапсугов, составляли некую этническую общность, а зафиксированные античными авторами этнонимы являются названиями одного и того же народа.

Ключевые слова: керкеты, тореты, античная география, этногеография, Боспорское царство.

Древнейшее, относящееся к V в. до н.э., сообщение о керкетах, и их локализации по отношению к другим древним кавказским народам, содержится в фрагменте (fr. 109) одного из сочинений Гелланика Митиленского, сохранившемся в «Этнике» Стефана Византийского: «Выше же керкетов живут мосхи и хариматы, нижнее же гениохи, выше же кораксы».

Первое совместное упоминание керкетов и торетов содержится в анонимном перипле IV в. до н.э., приписываемом Скилаку Кариандскому (Ps-Scyl., 73–75): «Керкеты. А за Синдской гаванью – керкеты. [Тореты. После же керкетов – тореты] и греческий город Торик с гаванью. Ахайи. А за торетами – ахайи». Отметим, что начало 74 параграфа повреждено, и сообщение о торетах восстановлено в этой части текста на основании предыдущего 73 параграфа.

Следующее по времени упоминание керкетов и торетов сохранилось в «Географии» Страбона. Керкеты фигурируют в его сочинении дважды: первый раз (XI, 2, 1) географ указывает, что керкеты обитают на Черноморском побережье Кавказа за Синдикой, вместе с другими племенами (ахейцами, зихами, гениохами), второй (XI, 2, 14) сообщает, со ссылкой на Артемидора, что «побережье керкетов, где есть корабельные стоянки и селения» начинается за селением Баты, расположенном в 400 стадиях от Синдской гавани. Торетов Страбон (XI, 2, 11) причисляет «к числу меотов», не указывая их местообитания. Кроме того, среди народов, живущих в Юго-Восточном Причерноморье «над Трапезунтом и Фарнакией», близ Малой Армении Страбон названы «аппеты, ранее называвшиеся керкитами» (XII, 3, 18).

Помпоний Мела (I, 110), опирающийся, как принято считать, на ионийскую традицию VI–V вв. до н. э., в числе «диких и необразованных племен» Кавказского побережья называет керкетиков, но ни словом не упоминает торетов.

Плиний Старший при описании Черноморского побережья Кавказа (NH, VI, 17), которое он в отличие от других античных авторов ведет с востока на запад, сообщает, что «на берегу близ керкетов река Икар», затем

город Гиер, а потом мыс Круны, крутую возвышенность рядом с которым занимают тореты».

Клавдий Птолемей называет мыс Торетский, расположенный за заливом Керкетиды, название которого явно образовано от этнонима керкеты.

Керкетов упоминает в «Своде странных обычаев» Николай Дамасский, сообщаящий (fr. 124): «Людей, совершивших какой-либо проступок, керкеты не допускают к священнодействию. Если кто-нибудь, управляя лодкой, допустит оплошность, то каждый по порядку подойдя, плюет на него». Возможно тореты упомянуты как торины, у которых «почет меду» в «Аргонавтике» Валерия Флакка (VI, 140, 141), рядом с эксоматами (язаматами) и сатархами.

Дионисий Периегет (ст. 680–682) помещает керкетов и торетов на Черноморском побережье, вслед за синдами и киммерийцами. Весьма примечательны поздние переложения этой части текста сочинения Дионисия. Авиен в «Описании земного круга» (852–891) сообщает, что вблизи синдов «живет племя керкетское и род торетов». У Присциана (644–721), текст которого в целом ближе к оригиналу, за керкетами живут «дикие ореты». У византийского автора XIII в. Никифора Блемида (650–705), также основывавшегося на труде Дионисия, на данном участке побережья упоминаются керкетии и ореты.

Неясное упоминание керкетов, рядом с синдами, «которые жили посреди Харандийских ущелий у Кавказского хребта», содержится в анонимном сочинении IV в., т.н. «Аргонавтике» Псевдо-Орфея (203–208).

Самое позднее свидетельство о керкетах и торетах относится к V в. и содержится в перипле Псевдо-Арриана (63, 64), где говорится, что «от Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся керкеты или ториты», «за синдами же находятся керкеты, называемые также торитами, справедливый и добрый народ и весьма опытный в мореходстве».

Основываясь на данных письменных источников, исследователи традиционно помещали керкетов на черноморском побережье вслед за синдами к юго-востоку, т.е. в районе современного Новороссийска¹.

Тореты же, по мнению Н.А. Онайко, населяли район современного Геленджика. Основанием для этого исследовательнице послужило открытие на берегу Геленджикской бухты раннегреческого поселения, которое она отождествила с упоминаемым Псевдо-Скимном эллинским городом Ториком². Укажем, что мнение Н.А. Онайко об отождествлении архаического геленджикского поселения с Ториком в настоящее время разделяет А.А. Малышев³. Традиционно считается, что название города Торик произошло от этнонима тореты⁴. Торик иногда отождествляется с Паграми, упомянутыми в этом районе в «Перипле» Псевдо-Арриана⁵.

Такая локализация племен, основанная на нарративных источниках, приходит в противоречия с данными боспорской эпиграфики. В надписях первой половины IV в. до н.э., содержащих титулатуру боспорского царя Левкона I с перечнем подвластных ему племен (КБН 6, 6-а, 1014, 1037, 1038, надпись Теопротида из Нимфея), вслед за синдами стоят тореты. Судя по всему, порядок перечисления племен соответствует последовательности их подчинения боспорскому правителю. Едва ли земли торетов могли быть присоединены к Боспору минуя территорию, населенную керкетами, которых боспорская эпиграфика не знает вовсе.

Обративший на это внимание А.В. Дмитриев отказался от локализации Торика на берегу Геленджикской бухты и высказал предположение,

что Торик находился в районе мыса Мысхако, который может быть отождествлен с Торетским мысом Птолемея, и, следовательно, тореты населяли местность к западу от Цемесской бухты⁶. Следует сказать, что трудно согласиться с замечанием исследователя, что мыс Мысхако – «это самый значительный мыс на Черноморском побережье Кавказа». На эту роль вполне может претендовать и мыс Дооб, замыкающий Цемесскую бухту с восточной, противоположной Мысхако, стороны и к тому же увенчанный возвышенностью. И гора Дооб и гора Колдун, расположенная близ Мысхако, в равной степени могут претендовать на птолемееву «возвышенность, населенную торетами».

Не вдаваясь детально в историческую географию Черноморского побережья Кавказа, отметим, что для локализации керкетов определяющим является установление местоположения селения Баты, за которым к востоку, согласно свидетельству Страбона, обитает это племя. Баты локализуются в районе Новороссийска. Исследователи либо отождествляют с ними поселение Мысхако⁷, либо считают, что остатки Бат скрыты под кварталами центральной части современного Новороссийска⁸. Отождествление с Батами известного из «Перипла» Псевдо-Скилака (72) Патуса, предложенное И.Б. Брашинским и Н.А. Онайко, было поддержано другими исследователями⁹. Нельзя не отметить, что сопоставление Патуса с Батами не аргументировано и основано лишь на созвучии этих топонимов: не исключено, что греческий город Патус, находящийся в земле синдов, – это искаженное название расположенного на Таманском полуострове Патрея¹⁰.

В.П. Шилов, на основании одного из поздних источников, перипла Псевдо-Арриана, отождествлял торетов с керкетами, и помещал их на Черноморском побережье восточнее Анапы¹¹. И.Б. Брашинский также допускал, что керкетами и торетами античные авторы могли называть одно и то же племя¹². Эту точку зрения поддерживают А.В. Дмитриев и А.А. Малышев¹³. То обстоятельство, что керкеты, в отличие от торетов, не упомянуты в титулатуре боспорских правителей, исследователи объясняют особенностями взаимоотношений боспорского царства с торетами, которые могли отличаться от боспоро-керкетских¹⁴. М.Ф. Высокий отмечает, что поврежденный текст «Перипла» Псевдо-Скилака не дает оснований для разделения керкетов и торетов¹⁵. Отождествление торетов с керкетами предлагает и лингвист О.Н. Трубачев. По его мнению, зафиксированное в античной письменной традиции название «керкеты» происходит от греческого *κερκέτης* – «вид кормового весла», и является прозвищем торетов, данным им греками за искусство в морском деле¹⁶. Возможность перемещения керкетов в пределах черноморского побережья и смещения их в позднеантичное время с торетами предполагала, основываясь на анализе упоминаний о них в письменных источниках, Н.А. Онайко¹⁷. Не исключено, что миграции керкетов были довольно дальними: подобного рода перемещением можно объяснить упоминание Страбоном (XII, 3, 18) живущих близ Малой Армении аппетов, «ранее называвшихся керкитами»¹⁸.

Укажем также мнение Ф.В. Шелова-Коведяева и И.Е. Сурикова, что торетами могла именоваться группа керкетов, проживающих в окрестностях Торики, т.е. свой этноним тореты получили от названия расположенного на их землях греческого города¹⁹. «Эллинский город Торик» (*Τορικός*), по предположению И.Е. Сурикова, своим названием обязан аттическому дему Торик (*Θορικός*), представители которого, как считает исследователь,

могли составлять большую часть населения раннегреческого эмпория, вторично колонизированного афинянами в V в. до н.э. во время понтийской экспедиции Перикла²⁰.

А.В. Дмитриев также связывает происхождение этнонима тореты с названием Торики, однако наделяет его несколько иным содержанием. По мнению исследователя, торетами называли обитателей Торики, подобно тому, как танайтами называли жителей Танаиса²¹. Однако, как отмечает М.Ф. Высокий, образование этнонима тореты от топонима Торик сомнительно «с филологической точки зрения»²². Более того, в Танаисе «танайты», как следует из памятников местной эпиграфики, составляли равноправную с «эллинами» варварскую, сармато-аланскую по происхождению часть городской общины и, следовательно, этот термин являлся этнонимом, а не политонимом²³.

Противопоставление эллинов варварам в античном мире хорошо известно²⁴. Трудно поверить, что греческие и римские авторы, сообщавшие о местных племенах, стали бы включать в перечень варварских народов население «эллинского города». Тем более это маловероятно в титулатуре боспорских правителей, поскольку по отношению к варварским народам они позиционировали себя как цари, в то время как для населения греческих полисов они были архонтами. А тореты в титулах боспорских тиранов помещены именно в списки народов, над которыми те царствуют.

Этнонимы керкеты и тореты Н.А. Онайко, основываясь на работах филолога-ираниста В.Ф. Миллера²⁵, считала иранскими по происхождению²⁶, однако ее мнение разделяется, далеко не всеми исследователями. Так, О.Н. Трубачев и А.К. Шапошников производят этноним тореты и топоним Торик от индоарийского *tarika* – «береговой, прибрежный, связанный с перевозом», родственного древнеиндийскому термину, означающему «паром, лодка»²⁷. Этноним керкеты О.Н. Трубачев, как уже отмечалось, считал греческим прозвищем торетов, указывающим на них как на искусных мореходов. В одной из последующих работ А.К. Шапошников предложил для этого этнонима общеиндоевропейскую этимологию, означающую «дубовый»²⁸. отождествление этнонима керкеты с одним из поздних названий адыгских народностей – черкесы, основано, скорее, на созвучии этих слов, нежели лингвистически обосновано²⁹.

Укажем, что вычленив могильники керкетов и торетов из общего массива «каменных могильников» Северо-Восточного Причерноморья достаточно сложно. Отнесение местных некрополей к указанным племенам основывается исключительно на вышеизложенных представлениях исследователей о древней этногеографии региона. С историческими керкетами-торетами связывают памятники VI–IV вв. до н.э. и более позднего времени района Новороссийска: могильники Лобанова щель, Цемдолинский, Широкая Балка, Шесхарис, погребение на ул. Астраханской³⁰.

Следует признать, что вопрос о локализации керкетов и торетов по имеющимся на сегодняшний день данным не решен. Возможно, что два этих племени не имели строго выраженных границ своих зон обитания и, возможно, четко определяемых этнонимов. Подобная ситуация наблюдалась здесь в XVIII–XIX вв. Этнограф Л.Я. Люлье, описывавший в середине XIX в. обитавшие в этом регионе адыгские этносы, отмечал: «Хотя по разности в названиях, Натухажцы и Шапсуги считаются отдельными народами, но в сущности они одноплеменны. Мнение это основано на том, что они

адыгейского происхождения, говорят одним языком и вообще называют себя Агучипс. Наименование это особого значения не имеет, но служит им вроде отзыва при встречах... При занятии Натухажцами и Шапсугами предгорий и плоскостей, все их отрасли перемешались между собой, что имело следствием расслабление связывавших уз»³¹. Приведенная этнографическая параллель иллюстрирует высказанное исследователями предположение, что за зафиксированными античными авторами этнонимами керкеты и тореты могут скрываться названия одного и того же народа.

Примечания

1. *Онайко Н.А.* Архаический Торик: античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 103, 104; *Ельницкий Л.А.* Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977. С. 111; *Дмитриев А.В.* Памятники керкетов в районе Новороссийска // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Орджоникидзе, 1986. С. 43–45; *Кругликова И.Т.* Анапа – 2500 лет. Краснодар, 1987. С. 13, 14.
2. *Онайко Н.А.* Указ. соч. С. 101, 104; *Она же.* Юго-восточная окраина Боспора // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 92.
3. *Малышев А.А.* Древние греки и аборигенное население (архаический Торик) // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М.-Новороссийск, 2005. С. 13–18; *Он же.* Юго-восточная периферия Боспорского царства // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М., 2009. С. 75–82.
4. *Брашинский И.Б.* К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 63; *Масленников А.А.* К боспорской топонимике // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья «Цхалтубо – 1977». Тбилиси, 1979. С. 140; *Онайко Н.А.* Архаический Торик ... С. 104.
5. *Брашинский И.Б.* Указ. соч. С. 64; *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // Вестник древней истории. 1999. № 2. С. 109; *Высокий М.Ф.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. 14. С. 409, 410.
6. *Дмитриев А.В.* Тореты, город Торик, мыс Торетский // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 2004. С. 71.
7. *Дмитриев А.В.* Юго-восточная граница Боспора // VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. Тез. докл. М., 1999. С. 50; *Дмитриев А.В., Малышев А.А.* Мысхакское поселение – античный центр Бата на Торетском мысу // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М.-Новороссийск, 2005. С. 85; *Малышев А.А.* Юго-восточная периферия... С. 95.
8. *Онайко Н.А.* К истории Бат // Вестник древней истории. 1976. № 1. С. 113–116; *Она же.* Юго-восточная окраина ... С. 91; *Шишов А.В.* Археологические памятники г. Новороссийска и история их исследования // Исторические записки. Исследования и материалы. Новороссийск, 1996. Вып. 2. С. 51.
9. *Брашинский И.Б.* Указ. соч. С. 64; *Онайко Н.А.* К истории Бат... С. 107–110; *Шелов-Коведяев Ф.В.* Комментарии // Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря // Вестник древней истории. 1998. № 2. С. 206; *Высокий М.Ф.* Указ. соч. С. 410–412; *Сапрыкин С.Ю.* Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 172.

10. Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья: I. Πάτους, Πάτρασος, Πατρεύς // Проблемы античного источниковедения. М.-Л., 1986. С. 72–87; Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 174.
11. Шилов В.П. О расселении меотских племен // Советская археология. 1950. XIV. С. 123.
12. Брашинский И.Б. К истории Северо-Восточного Причерноморья... С. 64.
13. Дмитриев А.В., Малышев А.А. Могильник VI–II вв. до н.э. в устье Лобановой щели // Историко-археологический альманах. 1999. Вып. 5. С. 47; Они же. Синды, тореты, керкеты // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М.-Новороссийск, 2005. С. 10; Они же. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н.э. // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М., 2009. С. 54; Малышев А.А. К вопросу о населении Черноморья в античную эпоху // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск, 2000. С. 96.
14. Дмитриев А.В., Малышев А.А. Синды, тореты, керкеты. С. 11; Они же. Население предгорий Северо-Западного Кавказа... С. 55.
15. Высокий М.Ф. Указ. соч. С. 421. Примеч. 77.
16. Трубачев О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 48; Он же. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // Вестник древней истории. 1978. № 4. С. 41; Он же. INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 24, 74.
17. Онайко Н.А. Архаический Торик... С. 105.
18. Ельницкий Л.А. Северопричерноморские заметки (по следам новых публикаций и исследований) // Вестник древней истории. 1950. № 1. С. 191; Онайко Н.А. Архаический Торик... С. 105.
19. Шелов-Коведяев Ф.В. Указ. соч. С. 266; Суриков И.Е. Указ. соч. С. 109.
20. Суриков И.Е. Указ. соч. С. 109, 110.
21. Дмитриев А.В. Синды, керкеты, тореты // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 41; Он же. Новороссийск в древней истории Отечества // Исторические записки. Исследования и материалы. Новороссийск, 1996. Вып. 2. С. 65; Он же. Греки и варвары побережья Северо-Западного Кавказа // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 6 археологического семинара. Краснодар, 1998. Ч. 1. С. 13; Он же. Юго-восточная граница Боспора. С. 49; Он же. Тореты, город Торик, мыс Торетский. С. 72.
22. Высокий М.Ф. Греческая колонизация... С. 422. Примеч. 87.
23. Книпович Т.Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.-Л., 1949. С. 97–102; Болтунова А.И. Был ли Танаис разрушен Полемоном? // Вестник древней истории. 1969. № 2. С. 57–59; Шелов Д.Б. Танаис – эллинистический город // Вестник древней истории. 1989. № 3. С. 51–53; Данышин Д.И. Городская община Ταναίται в Танаисе // Проблемы исследования античных городов. Тез. докл. М., 1989. С. 38–40; Он же. Танаиты и танаисцы во II–III вв. н.э. // Краткие сообщения Института археологии. 1990. Вып. 197. С. 51, 52.
24. Грацианская Л.И. Центр и периферия: литературное воплощение этнопсихологических реалий в описании «варваров» // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 46; Маринович Л.П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 6 сл.
25. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. CCXLVII. С. 281, 282.
26. Онайко Н.А. Архаический Торик... С. 104, 105.
27. Трубачев О.Н. О синдах и их языке. С. 48; Он же. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 23; Он же. INDOARICA в Северном Причерноморье. С. 24, 53; Трубачев О.Н., Шапошников А.К. Этимологический словарь языковых ре-

ликов INDOARICA // Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. С. 282, 283; Шапошников А.К. INDOARICA в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 64.

28. Шапошников А.К. INDOARICA в Северном Причерноморье. С. 41.

29. Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей... С. 111.

30. Дмитриев А.В. Памятники керкетов... С. 43–45; Он же. Синды, керкеты, тореты. С. 40; Дмитриев А.В., Малышев А.А. Могильник VI–II вв. до н.э. С. 47, 48; Они же. Синды, тореты, керкеты. С. 11–13; Они же. Население предгорий... С. 56, 57; Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. По материалам погребальных памятников. Анапа, 2006. С. 78.

31. Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Майкоп, 1990. С. 18, 20.

A.M. NOVICHIKHIN

KERKETIANS AND TORETIANS – THE ANCIENT TRIBES
OF THE BLACK SEA COAST OF WESTERN CAUCASUS

According to the information of ancient authors, the Black Sea coast of Western Caucasus in the area of modern Novorossiysk and Gelendzhik was inhabited by tribes of Kerketians and Toretians. Attempts to localize these tribes, based on the analysis of written sources and archaeological materials, was not successful. There is reason to believe that Kerketians and Toretians, like living in the same region in the 19-th century tribes Natoukhadzhs and Shapsugs, made up a kind of ethnic community, and recorded by ancient authors ethnonyms are names for the same people.

Keywords: Kerketians, Toretians, ancient geography, ethnic geography, Bosporan Kingdom.

Б.Х. Бгажноков
(г. Нальчик)

ЗИХИ И АБАЗГИ В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ АБХАЗО-АДЫГСКИХ ПЛЕМЕН

В статье рассматриваются сведения античных и средневековых писателей о зихах, абазгах, апсилах, санигах, касах и других родственных племенах. Подчеркивается, что эти материалы проливают свет на раннюю историю абхазо-адыгских племен и народов, на ее место в истории Кавказа.

Ключевые слова: этногенез, Кавказ, абхазы, черкесы, апсилы, зихи, абазги, Апсилия, Абазгия, Зихия.

В источниках античного периода и раннего средневековья большое число ценных сведений о древних абхазо-адыгских племенах и народах. В их числе детали быта и важные события в жизни этих племен, многочисленные этнонимы, топонимы, антропонимы, позволяющие определить расположение абхазских и адыгских народов в различных областях Кавказа, их развитие и связи с другими народами и странами.

Важное место в этом массиве разнообразных сведений занимают материалы, связанные с характеристикой зихов и абазгов, Зихии и Абасгии. В настоящей статье эти, в принципе хорошо известные и доступные материалы рассматриваются в тесной связи со сведениями о других абхазских и адыгских племенах, родственных зихам и абазгам.

I

Особенно часто упоминаются зихи и абазги, начиная с I века нашей эры. Так, Плиний Старший пишет о *зигах, кизиках, скизах*, живущих в низовьях Дона и в Восточном Приазовье. *Синды и керкеты* (их также относят к адыгам) отмечены у него на левом берегу Кубани¹. А к северу от реки Фасис (Ингури), расположено «племя абшилов» (абхазов). В Апсилии в 100 000 шагов от Фасиса находится римская крепость Себастиополис (Сухуми). За Себастиполисом до Кавказского хребта живут племена *санников* (санигов) и *генихов*. На землях этих племен расположен город Питиунт (Пицунда)².

В «Географии» Страбона, написанной еще раньше – в самом начале первого тысячелетия нашей эры, зиги (зихи) фигурируют как небольшое племя в районе Цемесской бухты между ахеями и керкетами. А область «иазыгских сарматов» лежит между Борисфеном (Днепром) и Истром в соседстве с гетами и ургами³.

В других местах своего труда Страбон помещает зигов между ахеями и гениогами, сближая их как жителей одних и тех же высоких гор, не имеющих гаваней⁴. Он пишет также, что эти племена живут морским разбоем, для чего искусно пользуются узкими и легкими лодками – *камарами*. Отмечается, что из-за отсутствия корабельных стоянок после

пиратских походов ахей и гениохам приходится переносить эти лодки в свои леса на плечах⁵. Иногда в этой связи их называют *камаритами*. Мы узнаем также о социальном расслоении в обществе «камаритов». Управляют ими, как сказано у Страбона, некие скептухи, являющиеся высшим привилегированным слоем общества. А скептухи, в свою очередь, «подвластны тиранам и царям».

В целом зиги, ахеи и гениохи в представлении Страбона – это близкие народы, с одним и тем же социальным строем и образом жизни. Кажется, причину этого единства он видит в том, что эти племена сформировались под влиянием переселившихся к ним греков – «ахейцев» и «лаконцев». У писателей последующего времени, в частности, у Дионисия Периегета и Руфия Фест Авиена такая роль («катализатора» социального и этнического развития зихов и других местных племен) отводится также пеласгам⁶.

Сочинение Дионисия Периегета («Описание населенной земли»), написанное им во II веке, представляет в этом отношении особый интерес. В числе других народов Кавказа, ассоциирующихся с древними абхазо-адыгскими племенами, он называет меотов, синдов, киммерийцев, керкетов, торетов, ахейцев, гениохов, зихов, тиндариев-апсилон⁷. Согласно Периегету, в этой последовательности они занимали с севера на юг весь восточный берег Азовского моря и далее берег Черного моря до страны кохов, где расположена река Фасис (Ингури). При этом, зигов, живущих между гениохами и тиндариями (апсилами) Дионисий называет «чадами земли пеластийской»⁸. Не исключено, таким образом, что этноним *зиги* происходит от пеласгов, которые, по словам Страбона, «были племенем, постоянно кочевавшим и весьма подвижным»⁹, за что пеласгов, как и финикийцев, относили к так называемым «народам моря». Помимо простого созвучия терминов зиги, абазги, пеласги в пользу этой версии говорит и значение элемента *зы/зха/псы* в абхазо-адыгских языках. Во всех случаях – это «вода», «река», «родник», «источник»¹⁰. В сочетании с продуктивным суффиксом *хэ/гэ* на этой основе формируются этнонимы со значением «речные/приморские общества».

Впрочем, это лишь гипотеза, которая не исключает и другие версии формирования этнонима *зихи*. Например, вполне приемлема, высказывавшаяся нами ранее версия происхождения данного этнонима из адыгского слова *зыхэ*, в котором первый элемент – *зы* означает «один», «единый», а второй – *хэ* используется в значении «общество», «родина», «край»¹¹.

При этом в этимологическом отношении между термином абазги/абазы и зиги/зихи нет принципиальной разницы. Этноним *абазги/абазы* и производный от него этноним *абхазы* восходит, вне всякого сомнения, к этнониму зиги, внедрившемуся в традиционные древние названия абхазоязычных племен – абешла и апсуа. И отсюда целый ряд этнонимов, наглядно демонстрирующих переход от *зигов* к *абасгам* и *абхагам*: *азы*, *азги*, *зега*, *азега*, *адзыг*, *абазг*, *абхаз*. В исторической Шапсутии сохранились топонимы (названия рек, гор, хребтов) с элементом *аз* – *Азытс*, *Азып*, *АзгъукI*, *Азыш тау*¹². Обращают на себя внимание и данные Х.С. Бгажба о том, что шапсуги-хакучинцы из аула Кичмай называли абхазцев *азами*¹³. По мнению К.Х. Меретукова, не исключено, что так называли абхазцев все шапсуги. Но Дж. Белл называл – вслед за черкесами, надо полагать – *азами*, точнее, *азрями* только «природных» абасгов (джигетов

и убыхов). Об этом ясно свидетельствуют его дневниковые записи весны 1839 г. Здесь сообщения о поездке в край азраев¹⁴, об азраях в нижней части края, близ Сухума¹⁵, об расположении азраев за Сухум-Кале¹⁶, о заметных отличиях языка азраев от языка адыгов или черкесов¹⁷.

В один ряд с этими данными следует поставить и ойконим *ал-Анджаз* с вариантом *ал-Абджар* в известном сочинении Ибн Саида Магриби (XIII в.). По мнению В.В. Бартольда, к которому присоединяется И.К. Коновалова, при иной расстановке графем эти термины допускают прочтение в виде *ал-Абхаз*¹⁸ с элементом *аз*, который, как мы убедились, является этническим термином зихско-адыгского происхождения.

Для лучшего понимания такого рода этнонимического обмена невозможно переоценить значение, которое имеет этнический термин *азега*. Судя по материалам Л.Я. Люлье и Ад. Берже он использовался адыгами для обозначения всех абхазоязычных племен¹⁹. В этом качестве он применяется и сейчас представителями черкесской диаспоры в Турции, а именно – по отношению ко всем представителям абхазской и абазинской диаспоры. А в современном адыгейском языке сохраняется слово *адзыгъ* в значении «абхаз»²⁰. Таким образом, фактически азами называли и называют абхазцев не только шапсуги. Это был и остается общий для всех адыгов термин для обозначения абхазов, для всего абхазоязычного населения Кавказа.

С другой стороны, этнический термин *аз* лежит в основе абхазского названия адыгов, на что указывал еще П.К. Услар. «Абхазцы, – пишет он, – называют Азухо, то есть азами, племя Адиге, живущее от них к северу, к стороне Кубани»²¹. Трудно сказать, является ли это, как считал Услар, «очевидным доказательством» того, что «страна по Кубани в незапамятные времена называлась Азией»²². Но сам факт внутреннего единства абхазо-адыгских народов сомнений не вызывает. «Очевидным доказательством» этого единства является, кроме всего прочего, практика взаимных названий и обозначений с элементом *зы/аз/зг*.

II

Во II в. н.э. Апсилия (Абхазия), Абастия (Авастия), Санника (будущая Жаннетия), а также Зихия предстают как сравнительно крупные этнополитические образования, имеющие своих «царей» и входящие в состав Римской империи. Об этом пишет в 134 г. Флавий Арриан в сочинении «Объезд Эвксинского Понта». Этот труд, составленный по результатам плавания по Черному морю до Диоскуриады (Сухуми), был представлен как отчет императору Адриану, правившему Римом в период его расцвета. В V в. аналогичные данные, с небольшими, но очень важными дополнениями и уточнениями приводит Псевдо-Арриан, безымянный автор, одноименное сочинение которого основано на материалах Арриана.

Зихов, санигов, абасков и апсильов Флавий Арриан называет в числе самых значительных народов Восточного Причерноморья²³. Их земли простираются от Тамани на севере до Диоскуриады на юге. Земли зихов расположены от гавани Пагры (Геленджик) до реки Ахеунт (Шахе). Река Ахеунт «отделяет зилхов (зихов – Б.Б.) от санигов»²⁴. К югу от санигов живут абаски. За абасками в южном направлении следуют апсилы. Сообщается также о царях этих племен и народов. Зихи, по словам Ар-

риана, подчиняются царю Стахемфаку. Санитами управляет царь Спадаг (Спедага), абасками царь Ресмаг (Римага), апсилами – царь Юлиан. Первые три царя получили власть от римского императора Адриана. А апсильский царь Юлиан «коронован» еще раньше императором Траяном, отцом Адриана.

Из сочинения Псевдо-Арриана мы узнаем дополнительно к тому, что сказано об интересующем нас предмете, некоторые другие любопытные сведения. Отмечается, в частности, что царство абасков (абазгов) располагалось между реками *Абаска* (Бзыбь ?) и *Брухонт* (Мзымта). А саниги («санихи») живут от реки *Брухонт* (Мзымта) до реки *Ахеунт* (Шахе)²⁵.

Лучше представить общую картину сложившейся в этом районе культурно-исторической ситуации и специфики позволяют и некоторые другие детали данного описания. Например, Псевдо-Арриан пишет, что река Брухонт «ныне называется Мизигом», что лишний раз убеждает нас в том, что речь идет о р. Мзымте. Реку Ахеунт Псевдо-Арриан называет «доступной для судов». И в самом деле, река Шахе, с которой ассоциируется у нас Ахеунт, одна из самых глубоководных в этом районе. Добавим к этому, что древнее название реки Мзымты – Брухонт, несомненно, было связано с племенем брухов или убыхов. Видимо отсюда начинались их земли, простираясь до Ахеунта (Шахе), по верховьям этих двух рек (Брухонта и Ахеунта), в то время как в низовьях жили саниги.

Такое представление этнической географии данного региона во многом совпадает с той, что застаем мы здесь в XIX в. Это свидетельствует с одной стороны о том, что Флавий Арриан и анонимный автор V в. (Псевдо-Арриан) были хорошо осведомлены об этом крае. С другой стороны, мы убеждаемся в том, что сложившаяся в начале первых веков нашей эры этнической ситуация в этом районе сохранялась, не претерпевая каких-либо существенных изменений, на протяжении почти двух тысячелетий.

Касаясь зихов, Псевдо-Арриан обращает внимание на процесс объединения множества мелких племен под этим названием. Усиление зихов и зихского влияния на Западном Кавказе сопровождалось, как следует из сообщений Псевдо-Арриана, поглощением одних племен и вытеснением некоторых других. Можно предположить, что в числе племен, вытесненных зихами в другие районы Восточного Причерноморья, были колхи, лазы. Часть гениохов, как видно, объединилась с зихами, а другая часть мигрировала на юг и постепенно соединилась с абасами, утратив признаки своей самостоятельности. Наблюдается, таким образом, консолидация мелких племен, их объединение вокруг двух народов – зихов и абазгов.

Об усилении зихов и о некоторых других существенных изменениях этнической ситуации в Восточном Причерноморье Псевдо-Арриан пишет следующим образом:

«Итак, от Старой Ахеи (совр. Джубга) до Старой Лазики (совр. Ново-Михайловка) и затем до реки Ахеунта прежде жили народы, носившие имена: гениохи, кораксы, колики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы, а ныне живут зихи»²⁶;

«От гавани Пагры (совр. Геленджик) до Старой Ахеи прежде жили так называемые ахейцы, а ныне живут зихи»²⁷.

Что касается пространства между Синдской гаванью и Пагрой (Геленджиком), то оно, как утверждает Псевдо-Арриан, было занято в это время (V в.) «эвдусианами» (готами или гуннами). Но раньше этот рай-

он принадлежал, по его словам, керкетам и торитам²⁸. Два последних племени, насколько мы понимаем, объединились с синдами. Об этом свидетельствует и относящееся к V в. н.э. свидетельство Гесихия Александрийского о том, что «керкеты: народ синдский»²⁹. Видимо, то же самое можно сказать и в отношении торетов. Известно, что они были либо очень тесно связаны с керкетами, либо были этим же самым племенем (то есть керкетами), но под другим названием³⁰. В любом случае керкеты и тореты находились в составе и в сфере влияния Синдики.

При этом синды никогда не входили в союз зихских племен и были больше связаны с меотскими племенами, на основе которых, согласно Певтингеровой карты уже III–V вв. сформировался народ под названием *Saucasī* (кавказы). В последствии в раннем средневековье стали известны заподноадыгские племена касов, касагов, кашаков и соответственно страны Каса, Касахия, Кашахия, о чем пишут позже, в X в., хазарский царь Иосиф, византийский император Константин Багрянородный, арабский географ Масуди.

III

В VI в. Абасгия прирастает на севере территориями, принадлежащими до этого зихам. Как явствует из сочинения Прокопия Кесарийского «Война с готами», границы абазгов простирались от апсилив (абхазов) до гор Кавказского хребта. При этом брухи (убыхи), находясь в составе абазгов, занимают горные районы Абасгии на ее границе с Аланией. В данном случае перед нами первое достаточно отчетливое наименование убыхов, и еще более четкое определение занимаемой ими территории. Определяется и новое расположение санигов, на северном склоне Кавказского хребта. Для этнической истории абхазо-адыгских племен эти сообщения настолько важны, что лучше всего привести их целиком:

«За пределами абазгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абазгов и алан. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи. В древности этим зехам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам.

За ними живут сагины; приморской же частью их страны издревле владели римляне»³¹.

Эти и другие аналогичные сведения говорят нам о том, как осуществлялась колонизация Восточного Причерноморья. В зависимость от римлян и греков попадали абхазо-адыгские племена, живущие у моря, а те, что находились в горах оставались свободными или относительно свободными, как брухи (убыхи) и саниги. Одновременно на тех участках Причерноморья, где позволяли обстоятельства, римляне строили собственные поселения, защищенные крепостями.

С этим связаны и сообщения о местных царях, назначаемых Римом. Время от времени народ свергал этих царей, желая, как и общества в горах, сохранить свою независимость. Об этом мы также узнаем из сочинения Прокопия Кесарийского. Абасги, – пишет он, – подчинялись двум «царям», один из которых по имени Опсит владел ее юго-восточной частью страны, а другой по имени Скепарн – ее северо-западной частью. Но власть этих царей была поколеблена, и «абасги, низложив своих царей, решили жить на свободе»³². Мы узнаем также, что абазги,

как и апсилы, в середине VI в. находились в зависимости от лазов и византийцев. Император Юстиниан (Юстиниан I), по словам Прокопия, построил для них храм Богородицы и, «назначив им священников, добился того, чтобы они приняли христианский образ жизни». В то же время народ, по словам Прокопия, все еще почитал рощи и деревья, «полагая, что деревья являются богами».

Столь же важны сведения Прокопия о зихах. В частности, сообщение о том, что они «утверждаются» в это время на северных склонах Кавказского хребта вдоль побережья Черного моря (Понта Эвксинского). За ними, видимо, к востоку от зихов, и также на северных склонах Кавказских гор, живут, по его словам, «сагины» (саниги)³³. Из этого следует, что в VI в. саниги уже покинули места своего прежнего обитания между рекой Абаска (Бзыбь) и Ахеунт (Шахе), где они жили между абазгами и зихами.

Судя по всему, переселение санигов на северный склон Кавказского хребта произошло задолго до событий описываемых Прокопием Кесарийским. Возможно еще в III в. К такому выводу располагают данные Певтингеровой карты, основа которой создавалась в III в. На этой карте саниги (Sannigae) отмечены к югу от народа *Caucasi* (кавказы, касы, касахи) на северо-западных отрогах Большого Кавказа³⁴. Иными словами, саниги к этому времени занимали традиционно зихские территории и сами, с самого начала были, возможно, зихским племенем. Показательно, что Ад. Берже и вслед за ним Л.Я. Лавров возводят к санигам черкесское племя и княжество Жане в низовьях Кубани³⁵. Справедливость этого заключения подтверждается многими источниками, среди которых Певтингеровая карта занимает особое место как одно из самых ранних и наглядных свидетельств переселения санигов на северный склон Кавказского хребта.

В VI в. зихи (и объединившиеся с ними саниги) вышли из подчинения рухнувшей Западно-Римской империи и еще не подчинились ее преемнице Византии. Прокопий Кесарийский прямо на это указывает: «В древности этим зехам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам»³⁶. Власть Рима и Византии над Зихией, как видно, была всегда не достаточно прочной. Возможно, это лишило зихов поддержки со стороны римлян во время нашествия готов в 230–250 гг. и гуннов в 1371 г. Этим завоевателям удалось вытеснить зихов из северных территорий страны, из окрестностей современного Новороссийска и Геленджика. Отсюда слова Прокопия о том, что к северу от зихов и санигов до «Меотского болота» (Азовского моря) и до реки Танаис (Дон) живут гунны и отдельные группы готов³⁷.

Но пребывание готов на севере Зихии продолжалось недолго, а численность гуннов постоянно сокращалась под давлением зихов с юга и родственных им касских племен с востока. Уже в середине VI в., когда схлынули первые волны готского и затем гуннского нашествия Зихия и, особенно, Абасгия еще больше расширяют свои границы, постепенно усиливают свое влияние на соседние страны и народы, вступают в сложные отношения с Византией, Грузией, Аланией, с Древней Русью.

IV

К VI в. относится также и усиление роли касских племен Северного Кавказа. Касы (касконы), постепенно вытесняют гуннов и устанавливают

еще более тесную культурную и политическую связь с близкими им по культуре и языку зихами, абазгами, апсилами, с некоторым другими местными племенами Центрального Кавказа и Восточного Причерноморья. Об этом свидетельствует свод грузинских летописей «Картлис Цховреба», где сообщается о народе *хаскун* (каскун; осет.-аланск.: каскон, кашкон), живущем между аланами и авазгами (абасгами).

Император Юстиниан, как сказано в летописи, «вел войну в пограничной к Овсетию стране, на границах Авазгии с племенем, называемым хаскун, восставшим против греков»³⁸. По мнению А.В. Гадло, это сообщение о событиях, имевших место в 549–550 годы, когда адыги (каскун) поддерживали абасгов, над которыми учинили жестокую расправу византийцы и картлийцы. В ответ на это по указанию Юстиниана I каскуны подверглись вторжению в их страну лазского войска, возглавляемого Парсманом, одним из живших в Лазике картлийских царевичей³⁹.

Абасги, как можно понять из контекста этих сведений, а также из того как представляет события Прокопий Кесарийский, воспользовавшись войной персов с византийцами, и, следуя примеру зихов, вышли из подчинения Рима и Византии. И тогда византийцы, соединившись с лазами, ввели в Апсилию и Абасгию войска и стали силой принуждать народ к повиновению, уничтожая всех, кто оказывал им сопротивление. По свидетельству Прокопия, окруженные со всех сторон абасги, укрывшись высоко в горах в хорошо защищенном укреплении, отчаянно сражались, защищая своих жен и детей, пока византийцы не подожгли их дома и не превратили их в пепел. В результате многие защитники страны погибли, а другие попали в плен. Абазгия была опустошена.

Один из правителей Абазгии – Скепарн остался в это время с персами. А другой правитель – бежал с небольшим отрядом «к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта», – пишет Прокопий⁴⁰. Но там, как известно, гуннов не было. Судя по цитированным выше материалам грузинской летописи, Опсит бежал через Кавказский перевал в Касахию и обратился за помощью к касам (к касконам), а не к гуннам. Касконы, соединившись, как видно, с санитами и другими зихскими племенами, выступили на стороне абасгов и, застав византийские войска врасплох, нанесли им поражение.

Все это подводит нас к лучшему пониманию цитированного выше сообщения грузинской летописи. Становится понятным, чем была вызвана война императора Юстиниана с «племенем хаскун» в стране, граничащей с Овсетией и Авазией. Возмущенные дерзостью касов (каскунов), византийцы объединились с лазским войском и обрушились на каскунов. Продемонстрировав свою мощь в войне с Касахией (Кавкасией), византийцы вновь установили свое господство над Апсилией, Абазгией, а заодно и над Зихией. В отношении Касахии это едва ли удалось в той же степени. Но влияние византийцев на касов с этого времени усиливается. Юстиниан – *Юстин*, *Юстук*, стал, по словам Ш. Ногмова, «союзником адыгейского народа и даже называл себя *адыгейским витязем*»⁴¹. Благодаря уважению, которым он пользовался среди людей, сложилась даже традиция клясться юстиниановым троном для подтверждения произнесенных слов⁴².

Именно в этот период в Касахии, также как в Зихии, Абазгии, Апсилии начинает распространяться христианство православного толка, причудливо соединявшееся с традиционными верованиями и обрядами.

Примечания

1. Плиний Секунд Г. Естественная история. VI. 19.
2. Там же. VI. 14, 16.
3. Страбон. География. II, 5, 31; XI, 2, 12; VII. 3. 17.
4. Там же. V. 7. 31; XI, 2. 12.
5. Возможно, по этой причине (а не по той, что указана Страбоном) один из трех названных народов был назван *гениохами* – «возничими», а точнее, как мы понимаем, «носителями лодок-камар» – выражение которое полностью соответствует адыгскому слову *кхъуафэныхъ*. Не исключено, что отсюда – из древнего адыгского названия данного племени – происходит и этноним *гениох*, и распространенная кабардинская фамилия *Кхъуэныхъ*.
6. Дионисий Периэкет. Описание населенной земли. С. 652–710; Руфий Фест Авиена. Описание земного круга. С. 852–891.
7. Тиндарии – это апсилы или абхазцы. Название тиндариев они получили по имени Тиндария – отца Диоскуров.
8. Дионисий Периэкет. Указ. соч.
9. Страбон. Указ. соч. XIII. 3. 3.
10. Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006. С. 61–62.
11. Бгажноков Б.Х. Историческая этнография и география Черкесии // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. 12. С. 30.
12. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 1981. С. 11.
13. Бгажба Х.С. Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии. Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Сухуми, 1956. Т. XXVII. С. 289.
14. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов в двух томах. Нальчик, 2007. Т. 2. С. 239.
15. Там же. С. 237.
16. Там же. С. 236.
17. Там же. С. 255.
18. Бартольд В.В. Абхазы // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1971. Т. VII. С. 475–476; Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 44.
19. См.: Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические очерки. С. 9; Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе С. 8–12.
20. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 2010. Т. 1. С. 25.
21. Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1881. Вып. X. С. 327.
22. Там же.
23. Флавий Арриан. Обезд Эвксинского Понта. С. 15, 27.
24. Там же. С. 27.
25. Псевдо-Арриан. Обезд Эвксинского Понта. С. 56.
26. Там же. С. 59.
27. Там же. С. 60.
28. Там же. С. 63.
29. Гесикий Александрийский. Лексикон // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ. 1948. № 4. С. 700.
30. См. в настоящем сборнике статью А.М. Новичихина «Керкеты и тореты – древнее население Черноморского побережья Западного Кавказа».
31. Проконий из Кессарии. Война с готами. М., 1950. С. 383.
32. Там же. С. 382–383, 400.
33. Там же. С. 383.
34. Подосинов А.В. Восточная Европа в Римской картографической традиции. М., 2002. С. 310, 358.

35. *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858. С. 16;
Лавров Л.И. К истории бжедуг и жанеевцев. Уч зап. Адыгейского научно-исследовательского института. Краснодар, 1965. Т. 14. С. 252.
36. *Проконий из Кессарии.* Указ. соч. С. 383.
37. Там же. С. 484.
38. *Джанашвили М.Г.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 21.
39. *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н. э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 29.
40. *Проконий из Кессарии.* Указ. соч. С. 400–401.
41. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 89.
42. Там же.

В.Н. BGAZHNOKOV

ZIKHS AND ABAZGS IN ANCIENT HISTORY
OF ABKHAZIAN-CIRCASSIAN TRIBES...

In the article notes of ancient and medieval writers about zikhs, abazgs, apsils, sanigs, casses and other relative tribes are observed. It emphasizes that these materials shed light on early history of Abkhazian-Circassian tribes and people and on its place in the history of Caucasus.

Keywords: ethnogenesis, Caucasus, abkhazians, circassians, apsils, zikhs, abazgia, Apsilia, Abazgia, Zihya.

С.Б. Бурков
(г. Владикавказ)

**В.Б. ВИНОГРАДОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АМУЛЕТОВ
И ТАЛИСМАНОВ ИЗ «ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА»
С ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ**

Настоящая статья посвящена историографическому анализу работ В.Б. Виноградова, посвященных изучению амулетов и талисманов из т.н. «египетского фаянса», найденных на территории Центрального Предкавказья. Основное внимание уделено публикации 1968 г., в которой впервые была представлена их сводка. В статье дается авторская оценка методам исторического исследования, примененным В.Б. Виноградовым при обосновании причин и форм их использования кочевым и оседло-земледельческим населением края.

Ключевые слова: амулеты, плакетки, находки, погребальные сооружения, религиозно-магические символы, коллекции.

Амулеты и талисманы из «египетского фаянса» неоднократно становились предметом исследования. Среди археологов, в разные годы занимавшихся кавказской тематикой, в том числе – амулетами из фаянса, следует отметить труды А.А. Бобринского, К.И. Ольшевского, В.И. Долбежева, Н.С. Семенова, В.Ф. Миллера, П.С. Уваровой, Д.Я. Самоквасова, Е. Шантра, М.А. Коростовцева, Б.Б. Пиотровского, Е.И. Крупнова, В.Б. Виноградова, М.П. Абрамовой, А.П. Рунича, В.М. Косеняко, Н.В. Анфимова, В.А. Петренко, Б.М. Кереева, М.С. Гаджиева, О.М. Давудова, Ю.А. Прокопенко, М.Х. Багаева, А.А. Мирзоянц (Бурковой)¹.

Одним из кавказоведов, успешно занимавшимся данной проблематикой, являлся В.Б. Виноградов. Его первая работа на эту тему вышла в 1965 г.² В дальнейшем он издает еще несколько работ, в которых приводится описание и рисунки вновь найденных амулетов из «египетского фаянса»³. В 1968 г. им была представлена сводка амулетов и талисманов из египетского фаянса, происходящих с территории Северного Кавказа⁴. В последующем, он также обращался к данной тематике, публикуя вновь найденные амулеты⁵. В то же время, как показало обращение к первоисточникам, не все сведения, приводимые в его работах, оказались верными⁶.

Практически все статьи, в которых В.Б. Виноградовым представлены амулеты из фаянса, носят публикационный характер. Исключением является работа 1968 г., в которой впервые были описаны находки с территории Чечни, Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, начиная с 1936 г. Однако, их перечень далеко не полон, а порой и неточен. Значительное число этих предметов, находящееся в музейных фондах (ГИМ, ЛОИА, Государственный Эрмитаж), а также происходящих из раскопок региональных исследователей, остались неучтенными. Кроме этого, статья содержит и ряд фактологических неточностей. Так, он пишет, что в 1890 г. Н.С. Семенов нашел амулеты из смальты в могильниках гор-

ных районов Юго-Восточной Чечни (ущелья рек Аргун и Хулхулау), ссылаясь при этом на оттиск газеты «Терские ведомости»⁷. При ознакомлении с первоисточником оказалось, что единственная находка скарабея из пасты синего цвета была сделана Н.С. Семеновым в апреле 1887 г. в одном из трех раскопанных им каменных ящичков на левом берегу р. Гумс вблизи селения Курен-Беной. Кроме этой находки, Н.С. Семенов, со ссылкой на местных жителей, упоминает о найденном ими за несколько лет до его раскопок в Ичкерии амулете в виде лягушки, выполненном из пасты зеленого цвета. Предмет был обнаружен в каменной ящичном могильнике у с. Курен-Беной и отдан какому-то чиновнику⁸. Считать данный предмет находкой самого Н.С. Семенова у нас нет никаких оснований.

В 1967 г. в ходе работ на Алхан-Калинском городище была найдена плакетка из «египетского фаянса» голубого цвета с фигуркой лежащего льва, происходящая из нижнего горизонта культурного слоя городища, датированного первыми веками н.э.⁹ В том же году в богатом детском погребении № 5 могильника на г. Лехкч-Корт, датированного II–IV вв. н.э., был найден амулет в виде «гениталий» из пасты голубого цвета¹⁰. В 1968 г. в комплексе вещей из Харачоевского могильника V–VIII вв. н.э. была обнаружена плакетка из голубой пасты в виде лежащего льва¹¹. И если последняя находка могла быть сделана уже после отправки статьи в печать, то амулеты, найденные в 1967 г. должны были быть известны автору – тем более, что материалы раскопок Алхан-Калинского городища и Лехкч-Кортского некрополя являются составными частями его полевых отчетов.

В.Б. Виноградов упоминает о том, что в 1960 г. плакетка со львом была случайно найдена на территории Карабудахкентского могильника¹². Вероятно, что этот предмет был опубликован в 1973 г. как выявленный в 1961 г. в потревоженном грунтовом погребении I–II вв. н.э. Карабудахкентского могильника № 4, описанный как фрагмент фаянсовой плакетки, первоначально – овальной (?) формы, голубого цвета с фигуркой лежащего льва¹³. В ходе работ 1963 г. на Урцекском могильнике II–V вв. н.э. (склеп № 3, в районе погребения № 12), был выявлен амулет в виде сдвоенных цилиндров. В отчете материал, из которого сделан предмет, не указан, на таблице он представлен среди предметов из бронзы, но его пропорции отличаются от подобных изделий, выполненных из металла¹⁴. В 1967 г. в Цархи-Гоцинском склепе I – начала II в. н.э. обнаружены 5 рифленных подвесок – «амфорисков». Согласно текста отчета, 4 из них изготовлены из зеленого фаянса и 1 – из стекла. Предметы хранились в школьном музее с. Тидиб¹⁵. В анализируемой статье этих предметов нет.

По данным В.Б. Виноградова, в кавказских археологических собраниях XIX – начала XX вв. имеется ряд фигурных предметов из египетского фаянса, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей, происходящих с территории Северной Осетии, в том числе – из могильников Фаскау. При этом сделана ссылка на инвентарный номер коллекции, хранящейся в ГИМ¹⁶. Однако, в ходе работы с картотекой и коллекциями, хранящимися в данном музее, ее наличие установлено не было. В 1957 г. в разрушенном катакомбном погребении I в. н.э. у с. Брут была найдена одна плакетка из голубой «египетской пасты» с изображением лежащего льва, тогда как у В.Б. Виноградова были указаны «плакетки». В то же время, в его монографии 1963 г. есть описание данного комплекса, но там присутствует лишь 1 плакетка¹⁷.

Приводя данные об амулетах из коллекции А. Зичи, опубликованной Ж. Жанко и Б. Поста, В.Б. Виноградов указал на номера иллюстраций, где они размещены – XII–XVII, тогда как в оригинале – XXII. Р. 461–462¹⁸.

В статье говорится о том, что в 1963 г. в случайно разрушенных подкурганых катакомбах III–V вв. н.э. у г. Нальчика были найдены 2 плакетки с фигурками лежащих львов из голубого фаянса. При этом, В.Б. Виноградов дает ссылку на свою же работу, находящуюся в печати. При ознакомлении с оригиналом данной статьи выясняется, что единственный амулет – плакетка с лежащим львом была найдена в 1961 г., без уточнения – в какой из двух обнаруженных катакомб. У данного автора существуют и некоторые разночтения относительно датировки данного комплекса: в работе 1967 г. – это II–IV вв. н.э., в работе 1968 г. – III–V вв. н.э., без приведения системы доказательств¹⁹.

В.Б. Виноградов поддерживает мнение Б.Б. Пиотровского об апотропеической функции амулетов, в связи с чем большинство из них оформлялось в виде фигурок тех зверей, которые наиболее почитались в древнем Египте. Но на территории последнего подобные находки единичны, и массовы – вне расселения народностей, применявших египетские обрядовые нормы²⁰.

В этой связи высказанное исследователем предположение о том, что изделия из египетской пасты, служившие религиозно-магическими символами для самих египтян, стали таковыми и для кавказцев, вряд ли может быть принято. Поставив цель выяснить, почему эти предметы пользовались большим спросом у северокавказских племен и какие функции выполняли, насколько они соответствовали религиозно-магическим представлениям коренных народов Северного Кавказа, автор счел возможным обратиться исключительно к этнографическим свидетельствам. Исследований в области погребальной обрядности племен, использовавших амулеты из египетского фаянса в религиозно-магической практике им не производилось. В.Б. Виноградовым были сделаны статистические подсчеты предметов, но сами находки не были разделены на найденные в местных и кочевнических погребениях, не установлено количество встреченных типов и не произведено сравнение их между собой, не учтены данные по половозрастному фактору. Для В.Б. Виноградова исконные северокавказские племена и сарматы в первые века н.э., по крайней мере – с точки зрения восприятия религиозно-магических символов, были идентичны, несмотря на то, что они представляли совершенно различные этнокультурные (и погребальные) традиции, разница в которых во-многом базировалась на различных типах экономических моделей – оседло-земледельческой и подвижно-скотоводческой. Подвески в виде глаза – «уджа» им были поставлены в один ряд с украшениями керамики зооморфными ручками с круглыми налечами в их верхней части, изображавшими глаза «какого-то священного животного». Но среди находок из египетского фаянса, обнаруженных на территории Северного Кавказа, таких форм нет. Кроме того, амулеты и керамика в погребальной обрядности выполняли различные функции, да и сами элементы в виде глаза, воспроизведенные на посуде, выполняли охранительные функции самого предмета, а не человека, в связи с чем подобные сопоставления не могут считаться корректными. Наличие же в фольклорных традициях народов Кавказа образа льва в виде «гривастого волка» и его языковые соответствия вряд ли могут быть

истолкованы с точки зрения их идентичности религиозно-магическим представлениям, т.к. характеризуют различные элементы культуры, не имеющие прямого отношения к погребальной обрядности. Среди прочих находок, амулеты в виде скарабеев – самая многочисленная, но их массовое присутствие в погребениях объясняется простым количественным господством среди соответствующей продукции египетских ремесленных центров (Навкратис и Александрия), хотя раскопки в Ольвии 30-х гг. XX в. продемонстрировали наличие пресс-форм для изготовления, в том числе и фаянсовых изделий. При исследовании городских ремесленных кварталов встречались бесформенные куски фаянсового вещества. В этой связи Ж. Стоун и Л. Томас предположили, что их производство было налажено и за пределами Египта²¹. Еще одно объяснение – некоторые изображения на тыльных сторонах скарабеев напоминали знакомых животных (Анубис, кошка, лев), образы которых были понятны кавказцам. В этот ряд автор поставил и змею, птицу, грифона, однако они относятся к иным классам животного мира. Утверждение, что на большинстве скарабеев изучаемого времени – в I в. до н.э. – III в. н.э. имеются изображения этих животных, не соответствует действительности, т.к. на скарабеях римского времени встречены либо изображения змей, либо – невнятные знаки. Об этом было известно уже Б.А. Тураеву и Б.Б. Пиотровскому²². Автором не были представлены доказательства этого тезиса, несмотря на наличие 60 учтенных им находок данного типа. Наличие же в погребениях, среди прочих, многочисленных форм в виде виноградной грозди, двойных цилиндров и других – автор не смог объяснить с точки зрения идеологических верований северокавказских горцев и обосновал это следующим образом: «уже сама редкость и сходство по материалу и происхождению со всеми названными амулетами определяли их ценность и значимость среди местного населения». Подобный подход полностью исключает анализ религиозных верований и выяснение места и роли в них подобных амулетов, вступая в прямое противоречие с целью заявленного исследования. Причина, по которой данные предметы не «встроились» в предлагаемую систему доказательств, на наш взгляд, кроется в самой методике исследования, предложенной автором. Вполне возможно, что это мог бы обеспечить иной подход к обоснованию роли и значения амулетов и талисманов из «египетского фаянса» – через анализ погребальных практик населения, которые вели оседло-земледельческий и подвижно-скотоводческий образы жизни. Именно поэтому выводы автора о том, что попавшие к кавказцам предметы были переосмыслены через призму местных идеологических воззрений, оказываются оторваны от приводимых им (в качестве единственно возможных) фольклорных и языковых параллелей. Мысль о том, что «едва ли с самими вещами горцы заимствовали идеи использования и назначения египетских амулетов» представляется нам верной, однако другое утверждение – что «эти изделия оказались вполне созвучны идеологии местной этнической среды» не может быть принято, т.к. примеры из этнологии и анализ погребальных практик не могут быть равноценно сопоставлены между собой. Общие фразы насчет того, что магические символы, принадлежавшие конкретному человеку, помещались вместе с ним в погребение с целью облегчения существования их владельцу в потустороннем мире, вряд ли могут считаться достаточными в качестве подведения итогов исследования. Возможно, что относительно анализа рели-

гиозно-магической символики кавказцев предложенный автором подход более уместен, но в этом случае, вероятно, следовало бы ожидать представления этого материала на фоне общего обзора традиционных верований, а не редких этно-лингвистических экскурсов, почерпнутых в традициях нескольких этнических групп, религиозные обряды которых многообразны и часто отличны друг от друга. К тому же принятие ислама во многом скорректировало и видоизменило символику и смысл большинства предшествующих обрядовых церемоний. Наличие этих факторов должно обязательно учитываться исследователями при использовании современного им этнологического материала.

Примечания

1. Бурков С.Б. Из истории изучения амулетов и талисманов из т.н. «египетского фаянса» с территории Северного Кавказа и сопредельных областей по изданиям конца XIX – начала XXI вв. (вопросы историографии) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2016. Вып. 8. С. 53–62.

2. Виноградов В.Б. 1965. Египетские амулеты у населения Центрального и Северо-Восточного Кавказа первых веков н.э. // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований. М., 1965. С. 7–8.

3. Виноградов В.Б. Египетские предметы из сарматского погребения близ г. Грозного // СА, 1960. № 3. С. 309–310; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (материалы к археологической карте). Грозный, 1966. Табл. 4,3–10; Виноградов В.Б. Тайны минувших времен. Грозный, 1966. С. 108–113; Он же: Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г. // АЭС. Грозный, 1968. Т. II. С. 212–213. Рис. 8, 1–2; Он же: Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии // Известия КБНИИ. Нальчик, 1967. Вып. XXV. С. 128–146.

4. Виноградов В.Б. Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев. Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1968. Т. II. С. 39–54.

5. Виноградов В.Б., Петренко В.А. Могильник сарматской эпохи на горе Лехч-Корт (Юго-Восточная) // СА. 1974. № 1. С. 174. Рис. 3,12; Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А. К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тыс. до н.э. – XVIII в. н.э. (предварительное сообщение) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 44, 46, 55. Рис. 5, 6.

6. Бурков С.Б. Амулеты и талисманы из «египетского фаянса» с территории Кабардино-Балкарии // Археология и этнология Северного Кавказа. (К 75-летию И.М. Чеченова). Нальчик, 2013. Вып. 2. С. 40–50; Он же: Находки фигурных форм из «египетского фаянса» и стекла эпохи раннего железного века с территории Чечни // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. Вып. 3. С. 45–60.

7. Семенов Н.С. Заметка о древних могильниках Ичкерии и найденных в них предметах // Отдельный оттиск газеты «Терские ведомости», 1890 г.

8. Там же. С. 4.

9. Виноградов В.Б. Отчет о работе 1-го отряда СКАЭ // Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Умаров С.Ц. Полный научный отчет СКАЭ о ее работах 1967 г. М., 1968. Архив ИА АН РАН. Р-1. № 3450. Рис. 13,6; 41.

10. Там же. № 3450. Л. 36. Рис. 32; 42.

11. Багаев М.Х., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Новые памятники археологии в Чечено-Ингушетии // АО 1968 г. М., 1969. С. 88.

12. Виноградов В.В. Амулеты... С. 42.

13. Федоров Г.С. Случайные археологические находки из Карабудахкента // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, типография Дагестанского филиала АН СССР, гл. ред. Атаев Д.М., 1973. Т. II. С. 100–101. Табл. 1,5.

14. Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов А.И., Мамаев М.М. Отчет о работе Приморского отряда археологической экспедиции в 1963 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 172. Рис. 36, 12.
15. Котович В.Г. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1967 г. // РФ ИА АН РАН. Р-1. № 3571. С. 56, 58; № 3571 «а». Рис. 35,5; Котович В.Г. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1967 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 26; Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, Республиканская газетно-журнальная типография. С. 21. Рис. 2, 3.
16. Виноградов В.Б. Место египетских амулетов ... С. 40.
17. Инвентарь погребения хранится в СОГОМИАЛ, инв. № 4263; Куссаева С.С. Археологические находки последних лет в Северо-Осетинском ИСОННИИ // Известия ИСОННИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 19. С. 184 и сл.; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 74–75. Рис. 30; Проконенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь, 1999. С. 45; С. 185. Рис. 18, 5.
18. Comte Eugene de Zichy Jeno Drof. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. La migration de la race Hongroise. La Description des collections. Budapest, 1897. Т. II. Pl. XXII. P. 461–462.
19. Виноградов В.Б. Место египетских амулетов... С. 42. Сн. № 3; Виноградов В.Б. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии, 1967. С. 136; С. 139. Рис. 5,6; Он же: Место египетских амулетов... С. 42.
20. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1975. Вып. Г 1-12. С. 27. Сн. № 24.
21. Островерхов А.С. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ, 1985. № 3. С. 95–96.
22. Тураев Б.А. Скарабеи с о. Березань // ИАК. М., 1911. Вып. 40. С. 118–120; Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы... С. 24.

С.В. BURKOV

V.B. VINOGRADOV AS A RESEARCHER OF AMULETS
AND TALISMANS OF THE "EGYPTIAN FAIENCE" FROM
THE CENTRAL PRE-CAUCASIAN TERRITORY

An article presents a historiographical analysis of V.B. Vinogradov's works, focused on the study of the amulets and talismans of so called «Egyptian faience», found on the central Pre-Caucasian territory. The main focus is made on the publication of 1968, in which the first list of these pieces was presented. In the article, the author evaluates the methods of the historical researches applied by V.B. Vinogradov, when he substantiated the reasons and the forms of the amulets and talismans' usage by the nomadic and settled-and-agricultural population of the region.

Keywords: the amulets, the plackets, the findings, the burial constructions, the religious and magic symbols, the collections.

В.А. Кузнецов
(г. Минеральные Воды)

О СОЗДАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА НА ТЕРРИТОРИИ ГОРНОЙ ЧАСТИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Статья посвящена проблеме создания национального парка в горной зоне Карачаево-Черкесии, на территории, прилегающей к трассе «Военно-Сухумской дороги» и далее к западу до долины р. Большая Лаба. Этот регион отличается уникальными природно-экологическими качествами. Здесь расположены великолепные местности курортного и спортивно-туристского значения (Теберда, Домбай, Архыз и др.). Затрагивается вопрос о строительстве железной дороги от Армавира к Верхнему Архызу и шоссейной дороги от Черкесска через Клухорский перевал по ущелью р. Кодор к Сухуму. В верхнекубанском регионе находится ряд археологических памятников древности и средневековья, которые могут быть экспонированы туристам.

Ключевые слова: Кавказ, Военно-Сухумская дорога, Верхнее Прикубанье, горноклиматические местности, проект шоссейной дороги от Черкесска через Клухорский перевал к Сухуму, археологические памятники.

Обмен по устоявшимся торговым путям с глубокой древности способствовал усвоению новых технических достижений и открытий между различными, порой весьма удаленными друг от друга обществами. Так формируются пути «нефритовый» из Хотана и «лазуритовый» из Бадахшана в Китай, средневековый путь «из варяг в греки», т.е. в Византию, по Днепру, «степной путь» от Танаиса в Среднюю Азию. С возникновением Ханьской империи в Китае (II в. до н.э. – III в. н.э.) и Римской империи (III в. до н.э. – IV в. н.э.) сложились два крупных рынка Евразии и во II в. до н.э. начал функционировать связывавший эти рынки международный торговый путь¹. Китайский шелк появился на рынках Сирии и Рима среди прочих товаров и это дало основание К. Рихтгофену метко назвать данный путь «Великим шелковым путем»².

В результате неблагоприятной военно-политической ситуации на Ближнем Востоке с VI в. возникла необходимость перенести трассу Великого шелкового пути (далее ВШП) в обход опасного Ближнего Востока. Так появилась северная трасса ВШП, в целом соответствовавшая «степному пути», в такие среднеазиатские центры, как Согд и Чач. Однако, трасса ВШП по неизвестным причинам уже в VI–VII вв., перемещается из низовьев Дона в верховья Кубани, в земли западных алан. Довольно полное описание этого маршрута дано византийским автором VI в. Менаандром, повествующим о посольстве Земарха, направленном в августе 569 г. императором Юстином в Тюрский каганат³. На обратном пути Земарх был принят царем алан Сародием который посоветовал византийцам идти «не по дороге миндимиян, ибо в Суании-Сванетии их ждет засада персов, а воспользоваться Даринским путем». Мною выполнено отождествление путей Менаандра с реальными перевалами – Мисимиянский (вар. Миндимиянский) путь через перевал Клухор, Даринский путь западнее, вероятно через перевал Санчаро. Оба пути действовали в зависимости от погоды и военно-

политической ситуации и вели в древний Севастополис – Сухум⁴. Отсюда путь и по суше, и по морю пролегал через Трапезунд, в Константинополь.

Пролежавший через Западную Аланию ВШП оказал огромное влияние на ее социально-экономическое и культурное развитие вплоть до внешних активных связей с Византией, возникновения раннефеодальной государственности, принятия христианства. Благодаря ВШП усилились связи с соседней христианской Абхазией, в архитектуре группы зеленчукских храмов X в. заметно абхазское влияние⁵; археологические материалы фиксируют обратное аланское влияние на материальную культуру средневековой Абхазии и, возможно, присутствие алан на ее территории⁶.

Такова краткая предыстория обсуждаемого вопроса. В XIV в. началось освоение Крыма и Северо-Западного Кавказа итальянскими «морскими республиками» Венецией и Генуей, международные пути переместились и наезженные дороги и тропы ВШП через перевалы оказались не нужны. Сказалась и катастрофа тысячелетней Византийской империи – в 1453 г. турки-османы взяли Константинополь, бывший исходным пунктом ВШП.

После окончания Кавказской войны в 1864 г. началось изучение Кавказа, его ресурсов и возможностей в процессе экономического и культурно-политического вовлечения в Российскую государственную систему. Важное значение при этом придавалось наиболее легкодоступным путям, соединяющим центральные районы России и Северный Кавказ с Закавказьем – геополитический военно-стратегический смысл российского интереса к проблеме путей понятен. Три основных пути были определены – для Северо-Восточного Кавказа по западному побережью Каспия через Дербент, для Центрального Кавказа по Дарьяльскому ущелью в верховьях Терека через Крестовый перевал, для Северо-Западного Кавказа по верховьям Кубани и Теберде через Клухорский перевал. Известно, что эти транскавказские пути были освоены с глубокой древности⁷. Нас здесь интересует путь через Клухорский перевал, выводящий маршрутом к столице Абхазии г. Сухум (т.н. «Военно-Сухумская дорога»).

Территория, прилегающая к трассе «Военно-Сухумской дороги» и далее к западу вплоть до долины р. Большая Лаба, отличается уникальными природно-экологическими качествами. Она представлена такими великолепными и известными горноклиматическими местностями курортного и спортивно-туристского значения, как Теберда, Домбай, Архыз, менее известная долина Загедан в верховьях Большой Лабы. Эти дары природы неоднократно описывались в специальной и популярной литературе, путеводителях с самыми благоприятными и нередко превосходными оценками⁸. Не случайно интересующий нас регион протяженностью от предгорий Эльбруса до р. Большая Лаба примерно 120 км в литературе называли будущим мировым курортом и Кавказской Швейцарией⁹. По словам С.Г. Малыхина, хорошо знающего район верховий Большого Зеленчука, эти места не уступают прославленным европейским курортам Давосу, Мерану, Лейзену и Арозу. Он же приводит сравнительную таблицу высоты над уровнем моря известных горноклиматических курортов: Кисловодск – 900 м, Теберда – 1400 м, Лейзен – 1500 м, Давос – 1560 м, Архыз – 1500–1700 м¹⁰, и заключение специальной комиссии Пятигорского института курортологии от 12 сентября 1955 г., обследовавшей Архыз и пришедшей к выводу о пригодности этой местности для создания перво-классного горноклиматического курорта¹¹. Регион весьма перспективен не

только для развития курортов, но и для сооружения горнотуристических и спортивных комплексов. В 1975 г. был утвержден проект строительства такого комплекса в Архызе, разработанный доктором архитектуры А. Полянским. Предусматривалось возведение нескольких высотных гостиниц на 7500 человек, двух крытых плавательных бассейнов, киноконцертного зала и других зданий, прокладка около 70 км лыжных трасс¹². По неизвестным нам причинам этот проект не был реализован.

Таким образом, уникальные природно-климатические условия и достоинства интересующего нас региона верховьев Кубани стали известны и оценены уже со второй половины XIX в., но освоение региона требовало строительства подъездных путей. Это необходимое условие было учтено, особенно после статей В.Н. Смирнова¹³, в 1915 г. Теберда была посещена министром земледелия А.С. Ермоловым. Владикавказская железная дорога начала изыскания по строительству железнодорожной линии от Невинномыска до Теберды¹⁴. Были начаты геологические исследования по трассе пути¹⁵.

Этот проект встретил возражения: Предлагалось железную дорогу построить от ст. Армавир вверх по Урупу и Б. Зеленчуку в «Старое жилище» – Верхний Архыз, как местность, более благоприятную для организации курорта. С этой целью было учреждено Общество Северокавказской железной дороги, его устав был высочайше утвержден 9 февраля 1917 г.¹⁶ Но строительство не началось, помешали революция 1917 г., гражданская война и последующие социально-политические потрясения в стране.

Не намного лучше было с шоссейной дорогой через Клухорский перевал. В 90-х годах XIX в. был относительно разработан путь через этот перевал высотой 2816 м., выводивший по ущелью р. Кодор и через Цебельду к Сухуму. Известно, что летом 1933 г. были начаты изыскательские работы по реконструкции Военно-Сухумской дороги, общая длина ее от Черкесска до Сухума 275 км¹⁷. Насколько нам известно, этот проект также не был реализован, автотрассы через Клухорский перевал в Сухум нет.

Нам представляется весьма актуальной проблема возрождения вышеупомянутого проекта строительства современной автотрассы через Клухорский перевал. Эта трасса напрямую соединит Северокавказский федеральный округ РФ с союзным России Абхазским государством, что в существующей геополитической ситуации имеет экономическое и военно-политическое значение относительно помощи и защиты Абхазии от возможных посягательств на ее суверенитет. Упомянутая трасса позволит организовать постоянное сообщение от г. Черкесска до г. Сухум и увеличить нарастающий поток туристов в Абхазию – страну развитого турбизнеса, оживит Теберду и Домбай. Ответвление этой автомагистрали от Хумары через станицы Кардоникскую и Зеленчукскую, пос. Даусуз позволит реализовать давно существующие обоснованные проекты по созданию в Верхнем Архызе («Старое жилище») крупного горноклиматического курорта и спортивно-туристского комплекса федерального значения, центра внутреннего и международного туризма наравне с Тебердой.

Очерченный выше верхнекубанский регион наделен не только замечательными природными достоинствами. В его пределах находится ряд археологических памятников древности и средневековья, которые могут быть экспонированы туристам и отдыхающим. В Верховьях Кубани это мощная Хумаринская крепость хазарского времени и, очевидно, ими построенная для защиты т.н. Мисимианского пути из Абхазии на Северный

Кавказ¹⁸. Крепость примечательна толстыми оборонительными стенами, сходящимися к мощной цитадели высотой 43 м. Несколько выше по течению Кубани находится трехапсидный крестовокупольный храм Шоана, датируемый X в.¹⁹, весьма живописно расположенный на огромной скале. На левом берегу р. Теберда, около с. Нижняя Теберда, на отроге горного хребта расположен одноапсидный крестообразный в плане, именуемый Сентинским и датируемый, как и Шоана, X в.²⁰. Недавно на нижнем слое штукатурки в интерьере храма Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов открыли греческую надпись с датой 965²¹. Около храма – мавзолей или костница для погребения священнослужителей или хранения мощей кого-то из местных святых²², в ней найдены вещи византийского происхождения.

Не менее интересно Зеленчукское ущелье. В 7 км от его устья начинается большая горная долина, на высоте 1150 м над уровнем моря простирающаяся вдоль правого берега р. Большой Зеленчук. Это территория известного Нижне-Архызского городища X–XII вв., одного из крупнейших археологических памятников Карачаево-Черкесии. На городище прослеживаются три улицы, множество руин каменных домов, на берегу реки загадочное круглоплановое сооружение диаметром 88,5 м. Городище венчают три монументальных трехапсидных храма X в., северный храм на 800 м. вынесен за северную черту города. Этот кафедральный собор известной по письменным источникам Аланской епархии Константинопольской патриархии в X–XIV вв. Средний Зеленчукский храм, вероятно, был городским собором²³, тогда как небольшой южный храм мог обслуживать одну или несколько прилегающих жилых усадеб. Все три храма в интерьере были покрыты фресками. На левом берегу реки против среднего храма в 1999 г. открыта на скальной икона Христа Спасителя²⁴, единственная на Северном Кавказе.

В 36 км выше по ущелью Б. Зеленчука находится «Старое жилище» – урочище и поселок Верхний Архыз. Его окрестности также изобилуют каменными руинами древних построек, археологически еще не изученных²⁵.

Яркий археологический комплекс расположен в начале ущелья р. Кыфар близ ст. Сторожевой. Это известное с середины XIX в. Кыфарское городище с его древним каменным карьером, жертвенником, петроглифами и уникальным некрополем, на котором особо выделяется участок со средневековыми дольменообразными склепами, плиты которых украшены различной символикой и знаками тамги. Особо выделяется склеп, находящийся сейчас во дворе Ставропольского краевого музея. Все его плиты сплошь покрыты рельефными сценами, смысл которых пока не раскрыт²⁶. Это уникальное погребальное сооружение, не имеющее аналогов, предположительно связывается с царем Западной Алании Дургулелем Великим, жившим во второй половине XI в.²⁷

Комплекс интересных археологических памятников раннего средневековья находится далее к северо-западу, близ ст. Передовой и хут. Ильич. Это руины каменных городищ и укреплений, остатки небольших церквей т.н. «малых форм», христианской базилики.

Как видим замечательные природно-климатические достоинства рассматриваемого верхнекубанского региона дополняются целым рядом выдающихся памятников истории и культуры, уже широко известных и регулярно посещаемых туристами. Кажется, есть достаточно оснований для того, чтобы высказать инициативное предложение о создании на указанной территории горной части Карачаево-Черкесии национального пар-

ка – типа Йеллоустонского национального парка в США, существующего с 1872 г. и приобретшего мировую известность. Создание Северокавказского федерального округа в феврале 2010 г. и признание туризма и рекреационного комплекса как одной из основных проблем развития в ближайшие годы²⁸ делает проблему особенно актуальной. Статус национального парка должен создать прочную правовую основу для экологической безопасности территории, прекращения многолетней вырубki леса и беспорядочной застройки, полной сохранности, музеефикации и реставрации памятников истории и культуры, активизации археологических работ и издательской деятельности. Строительство современной перевальной автотрассы с выходом в Абхазию и Сухум к побережью Черного моря должно стать дополнительным аргументом в пользу излагаемых предложений – Абхазия – страна, в экономике, которой турбизнес занимает почетное место. Россия, безусловно заинтересована в укреплении всесторонних связей с этим суверенным государством Кавказа. В случае положительных решений экологов, археологов и организаторов туризма на возрожденной трассе «Великого шелкового пути» ждет большая созидательная работа.

Примечания

1. Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 90.
2. Richthofen K. China. Berlin, 1877. Bd. I. С. 454.
3. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 251–253.
4. Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993. С. 23.
5. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 43–46.
6. Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Аланы в Абхазии // Материалы по изучению историко культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. Вып. VIII. С. 373.
7. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней средневековой истории и культуры. М., 2003. С. 10.
8. Напр.: Россиков К.Н. В горах Северо-Западного Кавказа (поездка в Загдан и к истокам р. Большой Лабы с зоо-географической целью) // Отчет ИРГО за 1889 г. СПб., 1890; Динник Н.Я. Верховья Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба // ИКОИРГО. СПб., 1899. Т. XII. № 3; Динник Н.Я. Верховья Большой Лабы и перевал Цагеркер // ИКОИРГО. СПб., 1905. Т. XVIII. № 1; Очаповский С.В. Старое жилище в верховьях Большого Зеленчука // ИОЛИКК. Краснодар, 1923. Вып. 8; Попов И.В. Геологические исследования в верховьях р. Б. Зеленчук на Северном Кавказе в 1925 г. // Труды Кубано-Черноморского научно-исследовательского института. Краснодар, 1926. Вып. 40; Зонн С.В. Долина Загедан в верховьях реки Лабы на Северном Кавказе // ИВГО. 1946. Вып. 4. Т. 78; Никитин П.Н. Архыз – сокровище Северного Кавказа // ИВГО. 1949. Вып. 6. Т. 81; Теберда. Путеводитель. Под общей редакцией проф. В.М. Броннера. М., 1934; Тихомиров В.С. Горное Закубанье. Краснодар, 1981; Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. Пятигорск, 2008.
9. Лысенко А.М. Экскурсия в уроч. «Старое жилище», будущий мировой курорт («Город-сад, Казачья Швейцария на Кавказе») // Долина Зеленчука («Старое жилище» на Кубани). Новая горно-климатическая станица и дачная местность на Кавказе. Петроград, 1917. С. 39–46.
10. Малыхин С.Г. Архыз – жемчужина Кавказа. Черкесск 1959. С. 70.
11. Там же. С. 71.
12. Байдерин В. Большой Архыз // Газета «Известия». 22.08.1975.
13. Смирнов В.Н. Путеводитель по волшебной Теберде. Ростов-н/Д., 1913; Смирнов В. По будущим курортам Кубаногорья. Перевал на Маруху, средняя Маруха и перевал Чабаклы-кол. Окрестности Старого жилища, долины Архыза, Софии,

Псыша и Кизгича. Обратный путь, Марухский перевал и верховья Аксаута // Вестник Владикавказской железной дороги. 1915. № 19–22; Смирнов В. «Старое жилище» и окрестное Кубаногорье. Новый климато-лечебный район Северного Кавказа // Кавказские курорты. П., 1917. № 10. С. 112–115.

14. Микуловский И.К. О путях сообщения к лечебным местностям Баталпапанского отдела Куб. области // БОЛИКО. Екатеринодар, 1916. Вып. 3. С. 3.

15. Белянкин Д.С., Карк И.М., Левинсон-Лессинг Ф.Ю., Ренгартен В.П., Рябинин А.Н., Смирнов Г.М. Геологические исследования в области перевальной железной дороги через Главный хребет. СПб., 1914.

16. Долина Зеленчука («Старое жилище» на Кубани) ... С. 1.

17. Теберда. Путеводитель ... С. 111–113.

18. Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983; Биджиев Х.Х. Хумаринское городище (VIII–X вв.) // Сборник в памет на проф. С. Ваклинов. София, 1984. С. 115–124.

19. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 72.

20. Там же. С. 79.

21. Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Фрески Сентинского храма и проблемы истории аланского христианства в X в. // Российская археология. М., 2005. № 1.

22. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Пятигорск, 2007. С. 112.

23. Кузнецов В.А. Нижне-Архызское городище X–XII вв. – раннефеодальный город Алании (историко-географическая характеристика и некоторые итоги исследований) // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986; Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 61.

24. Кузнецов В.А. Лик Спасителя из Нижнего Архыза // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., 2004. С. 160–170.

25. Кузнецов В.А. Древности Верхнего Архыза // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Материалы и исследования по археологии России. М., 2001. С. 171–187.

26. Охонько Н.А. Изображения на стенах гробницы с реки Кривой // Советская археология. М., 1983. № 2. С. 78–79.

27. Кузнецов В.А. Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 76–91.

28. Козак Д. Будущее Кавказа – в развитии туризма // Современный Кавказ. Пятигорск, апрель 2009. С. 3.

V.A. KUZNETSOV

ON THE CREATION OF THE NATIONAL PARK IN THE MOUNTAIN ZONE OF KARACHAI-CHERKESSIA

The article is dedicated to the problem of the creation of the national park in the mountain zone of Karachai-Cherkessia, on the territory close to the «Military Georgian way» road and further westwards to the Big Laba river valley. This region has been distinguished for its unique natural and climatic qualities. The wonderful regions of spa, health resort, sports and tourism importance are situated here (Teberda, Dombay, Archyz etc.). The problems of building a railroad from Armavir to Upper Arhyz and of the highway from Cherkessk across Kluhor pass in the river of Kodor gorge to Suhum have also been touched upon. A number of the archeological monuments of the ancient times and middle ages, which could be shown to tourists, is located in the region of the upper Kuban river basin.

Keywords: Caucasus the «Military Georgian way», the Upper Kuban river basin, natural and climatic regions, the project of the highway from Cherkessk across Kluhor pass to Suhum, the archeological monuments.

В.А. Фоменко
(г. Нальчик)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СТАРИННОГО СЕЛЕНИЯ ЭЛЬДЖУРТ В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ БАКСАН

Статья посвящена карачаевскому селению Эльджурт, существовавшему в XVII в. в верховьях реки Баксан на Северном Кавказе. В работе упоминается фольклорный сюжет о княгине Гуащэггаг. Кратко характеризуются некоторые исторические памятники, связанные с историей Эльджурта (каменный склеп Камгута Крымшамхалова, башни княгини Гуащэггаг). Основным исследователем селения Эльджурт был археолог И.М. Мизиев.

Ключевые слова: Северный Кавказ, верховья реки Баксан, XVII в., исторические памятники, селение Эльджурт, карачаевцы, Камгут Крымшамхалов, княгиня Гуащэггаг, археолог И.М. Мизиев.

О том, что карачаевцы проживали в верхнем течении Баксана в XVII в. «свидетельствуют письменные материалы и археологические источники, а также народные предания»¹.

Предания карачаевцев говорят о том, что их предки во главе с Карчой пришли из Крыма². Более или менее долговременное поселение людей Карчи возникло на Баксане, где они встретились с кабардинцами во времена князя Казыя Пшеапшокова (упоминается в документах с 1569 г.³). Т.е. появление Карчи и его спутников в горах Центрального Кавказа относится ко времени не ранее середины XVI в.

Сказания свидетельствуют, что после прихода на Баксан, предки карачаевцев теснейшим образом взаимодействуют с предками балкарцев⁴, поселившихся в верховьях Черема в XV–XVI вв. после заката Золотой Орды в окружении осетин-дигорцев и сванов.

Анализ исторических и фольклорных источников позволяет прийти к выводу, что формирование ядра карачаевского народа происходило совместно с близкородственными по языку и культуре балкарскими обществами в верховьях правых притоков Терека в течение второй половины XVI–XVII вв.⁵ Значительное влияние на процессы этногенеза балкарцев и карачаевцев в горных ущельях Центрального Кавказа оказали притоки степного тюркоязычного населения из Прикумья («маджарцы»⁶), низовий Терека и Крыма, что и объясняет ближайшее сходство карачаево-балкарского языка с кумыкским, караимским и крымско-татарским языками.

В XVII в. карачаевцы во главе с биями Крымшамхаловыми проживают на Баксане в селении Эльджурт и видимо во второй половине этого же столетия переселяются в верховья Кубани (рис. 1)⁷.

Местом проживания карачаевцев и их биев (владельцев) в верховьях Баксана однозначно указывается поселение Эльджурт (рис. 3) (варианты написания и произношения Эль-джурту, Эль-джуртю, Эльджурту, Эль-Журт). Название можно дословно перевести как «родина народа» («эль» – народ, селение, общество; «джурт» – родина, поселение).

Селение Эльджурт связывается также с проживавшей здесь невесткой Крымшамхаловой княгиней Гуащэггаг (карач. Гошякъ бийче) из рода

Бибердовых, упоминаемой в адыгском, абазинском и карачаево-балкарском фольклоре. В местности Эльджурт в середине XX столетия были известны остатки башен этой княгини – Гуащэгъагъ къалэ (Гошаякъ къала)⁸.

Историк Х.О. Лайпанов в книге о происхождении карачаевцев приводит описание каменной башни Гошаякъ къала в Баксанском ущелье. «На правом берегу реки Баксан на высокой горе, около развалин древнего карачаевского аула Эльджурт, стоит башня Гошиахкала. Гошиах, как говорится в песне «Каншау» – кабардинка. В этой песне ... говорится, что в этой башне жила Гошаях со своей рабыней Карачач (Карауаш). Когда Гошиах пряла шелк, то конец ее веретена касался крыш землянок аула Эльджурт, стоявшего тогда внизу башни. Башня в настоящее время представляет развалины. Она тянется на протяжении 55 метров, с небольшими перерывами. Фасад ее обращен на юг. ... Против развалин Эльджурта на правом берегу реки Баксан расположены древние кладбища карачаевцев, тут же сохранился подземный склеп «Камгут-кешене». По преданию в нем был погребен Камгут Крымшамхалов, умерший перед свадьбой от оспы. ... Внутри склепа на стенах имеются изображения оленей и отпечаток правой руки. Старики рассказывают, что в честь Камгута его невеста Гошиах приложила к стене руку. Раньше на западной стене снаружи было изображение ножниц, сделанное якобы самой Гошиах»⁹.

Археологические раскопки на территории поселения XVII в. Эльджурт проводились археологом И.М. Мизиевым в 1970 и 1976 гг. Отчетная документация хранится в Научном архиве Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Результаты полевого изучения поселения Эльджурт и других памятников карачаевцев и балкарцев XVII–XVIII вв. опубликованы им в монографии. Об Эльджурте Исмаил Мусаевич писал: «Поселение Эль-Журт располагалось на крутом каменистом склоне горного хребта, на левом берегу Баксана в 2 км от нынешнего города Тырныауза. Площадь немногим более чем 200х400 м, занятая поселением, сейчас завалена камнепадом частых горных обвалов. В настоящее время здесь можно насчитать остатки 50 жилищ, которые располагались террасами. ... Поселение примыкало к двум башенным сооружениям, за которыми закрепилось имя княгини Гошаях – жены младшего брата Камгута – Каншаубия. ... Из башен хорошо просматривалась вся территория поселения Эль-Журт. Напротив поселения на правом берегу реки Баксан расположен мавзолей карачаевского князя Камгута Крымшамхалова. ... В настоящее время мавзолеев в полуразрушенном состоянии»¹⁰.

По данным сайта assia.info бывшее поселение Эльджурт расположено в 3 км от города Тырныауза, на левобережье реки Баксан на территории городского поселения Тырныауз Эльбрусского района КБР. В старые времена здесь проживали карачаевцы, ушедшие затем в верховья Кубани. В XIX в. в Эльджурт переехали из Учкун-Эля (Верхний Баксан) Геккиевы. Геккиевы и представители некоторых других фамилий проживали в Эльджурте (рис. 3) до марта 1944 г. Жители села были депортированы, а каменные постройки использовались при строительстве Тырныауза. К 1957 году сохранилась лишь груда развалин. Вернувшимся Геккиевым предложили поселиться в Тырныаузе. В настоящее время Эльджурт представляет собой развалины. На поверхности видны остатки жилищ, улиц и переулков. Большая часть территории закрыта обвалом горных пород. Жилые постройки были прижаты к остаткам двух сооружений, называемых башнями княгини Гошаях.

На территории бывшего поселения находятся старое и действующее кладбища рода Геккиевых. В Эльджурте и его окрестностях сохранились старинные могильники, в т.ч. склеп Камгута Крымшамхалова (рис. 2)¹¹.

В недавно изданной книге М.Т. Абшаева содержится детальное описание башен селения Эльджурт и множество фольклорных данных о них¹².

В марте 2016 г. в интернете появилась серия публикаций об угрозе уничтожения поселения Эль-Джурт (Эльбрусский район Кабардино-Балкарии) в связи с предстоящей здесь промышленной разработкой гранито-гнейсовых минералов¹³.

Таким образом, анализ археологических и фольклорных источников, кратко названных выше, позволяет прийти к выводу, что развалины старинного селения Эльджурт, а также сохранившиеся вблизи погребения, в т.ч. склеп карачаевского бия Камгута Крымшамхалова, датируются XVII в. Комплекс памятников селения Эльджурт несомненно является одним из ценнейших памятников истории и культуры народов Российской Федерации.

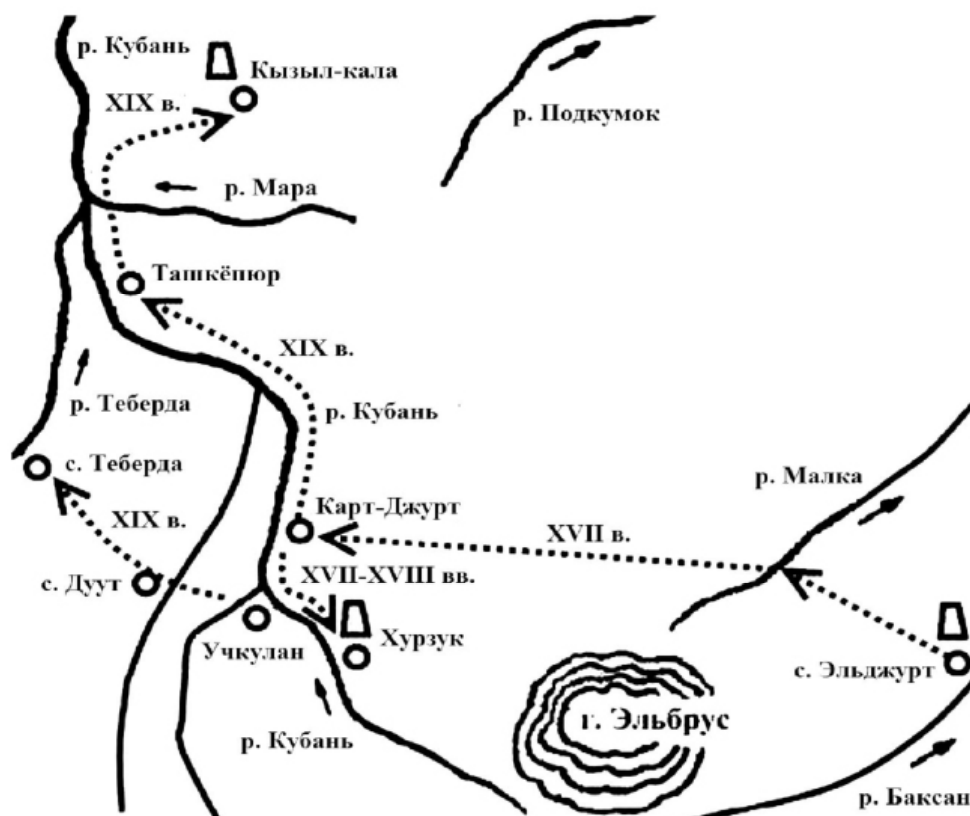

Рис. 1. Схема расселения карачаевцев по верховьям Кубани и ее притокам в XVII–XIX вв.

Рис. 2. Каменный склеп карачаевского бия Камута Крымшамхалова.

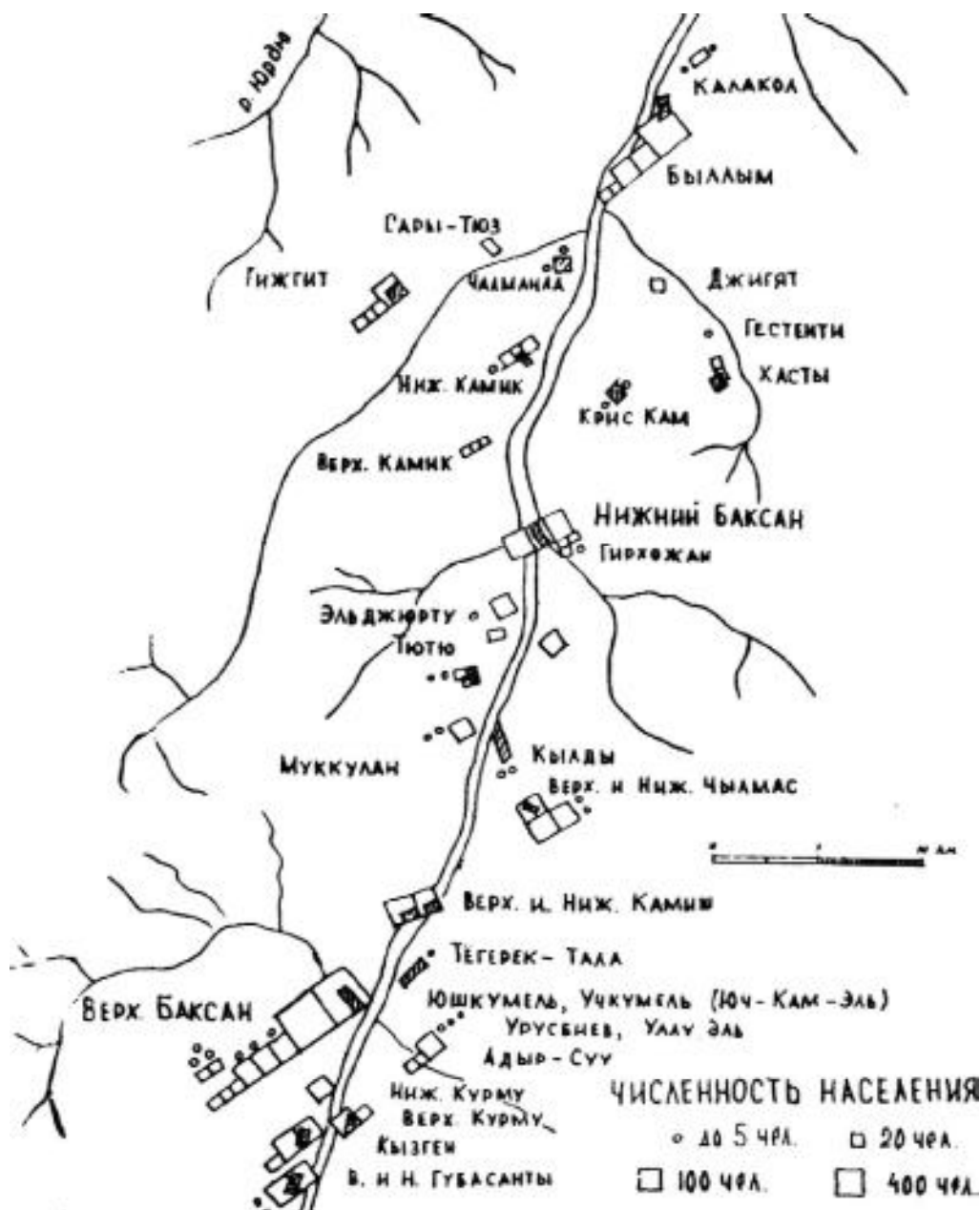

Рис. 3. Схема расположения населенных пунктов Баксанского ущелья между селениями Былым и Верхний Баксан. 1930 г. (по Хапаеву С.А. 1997).

Примечания

1. Бегеулов Р.М. К дискуссии о расселении карачаевцев в XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. М., 2005. № 2. С. 102.
2. Дьячков-Тарасов А. Заметки о Карачае и карачаевцах // Карачай и Балкария. Страницы прошлого. Нальчик, 2009. С. 13; Алейников М. Карачаевские сказания // Карачай и Балкария. Страницы прошлого. Нальчик, 2009. С. 54.
3. Карданов Ч.Э. Путь к России. Нальчик, 2001. С. 164–167.
4. Малкандуев Х.Х. К истории карачаевцев XVI–XVII вв. по фольклорным данным // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 1. С. 48–78.

5. Там же.
6. Батчаев В.М. «Мы пришли из Маджар» – факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988; Батчаев В.М. Маджарцы // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992. Вып. 2. С. 86–99; Батчаев В.М. Балкария в XV – нач. XIX в. М., 2006. С. 124–129.
7. Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957. С. 26; Фоменко В.А. Хурзукская башня Мамакала и вопросы истории населения Верхнего Прикубанья XVII–XIX вв. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2014. Вып. 1 (21). С. 14–19.
8. Фоменко В.А. Указ. соч. С. 14–19.
9. Лайпанов Х.О. Указ. соч. С. 27–29.
10. Мизиев И.М. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. Нальчик, 1981. С. 26–30.
11. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://assia.info/poseleniya/rosbaksan/item/237-el-dzhurtu.html> (дата обращения 28.08.16).
12. Абшаев М.Т. Памятники истории и культуры Балкарии. Нальчик, 2015. С. 128–129.
13. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://kavtoday.ru/11735> (дата обращения 28.08.16); [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://onkavkaz.com/news/832-prarodina-karachayevcev-okazalas-pod-ugrozoi-unichtozheniya.html> (дата обращения 28.08.16); [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/279229> (дата обращения 28.08.16).

V.A. FOMENKO

THE HISTORY OF ANCIENT VILLAGE
OF ELDZHURT IN THE UPPER PART OF RIVER BAKSAN BASIN

The article is dedicated to the Karachai village of Eldzhurt, which existed in the XVII century in the upper part of the river Baksan basin in the North Caucasus. The folklore plot about the princess Guashegag is mentioned in the paper. The monuments associated with the history of Eldzhurt (the stone crypt of Kamgut Krymshamhalov and the tower of princess Guashegag) have been briefly characterized. The chief explorer of Eldzhurt village was an archeologist I.M. Miziyeu.

Keywords: the North Caucasus, the upper part of river Baksan basin. XVII century, historical monuments, Eldzhurt village, Karachai people, Kamgut Krymshamhalov, princess Guashegag, archeologist I.M. Miziyeu.

О.Б. Бубенок
(г. Киев)

УКРАИНСКО-КАБАРДИНСКИЕ СВЯЗИ В КОНЦЕ XVII в.

Статья посвящена малоизученным страницам из истории взаимоотношений украинцев и черкесов в конце XVII в. Именно тогда, по приказам московских царей, на украинские земли с целью обороны от нападений турок и крымских татар шесть раз совершал военные походы кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский: 1) сентябрь 1675 г. – через территорию Запорожской Сечи в Крым; 2) март–сентябрь 1676 г. – для обороны Киева; 3) июль–август 1678 г. – через Чугуев в Поднепровье для участия в обороне Чигирина; 4) апрель–август 1679 г. – для обороны земель возле Чугуева и Харькова от нападений крымских татар; 5) ноябрь–декабрь 1679 г. – для охраны переправ на Днестре на подступах к Киеву; 6) март–август 1680 г. – для обороны Киева. Все эти походы, кроме первого происходили во время российско-турецкой войны 1676–1681 гг. Нельзя сказать, что они были одинаково удачными, но в данном случае нельзя игнорировать тот факт, что в это тяжелое для украинцев время им оказали существенную помощь черкесы, которыми командовал кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский. Данная статья освещает не только малоизученные страницы из прошлого Украины, но также позволяет по-новому посмотреть на характер взаимоотношений Кабарды с Московским государством в XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Османская империя, Крымское ханство, военные походы, Московское государство, черкесы, Украина, Кабарда, Каспулат Муцалович Черкасский.

I

В современной украинской и северокавказской историографии наименее изученными остаются вопросы, касающиеся контактов и характера взаимоотношений между населением Украины и Северного Кавказа, прежде всего Черкессии, в XVII в. Это можно объяснить тем, что исследователей интересовали иные события этого бурного времени, в которых участвовали многие исторические личности. Однако иногда внимание историков привлекали и выходцы из Северного Кавказа, оказавшиеся по воле судьбы на землях Украины. Но историки ограничивались лишь отдельными замечаниями по этому поводу, и поэтому на эту тему не была опубликована даже отдельная статья. Нам кажется, что данное направление исследований может оказаться довольно перспективным.

Сегодня мало кто знает, что в XVII в., по приказам московских царей, на украинские земли неоднократно совершал свои военные походы кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский. Данная проблема интересна не только тем, что представляет собой малоизученные страницы из прошлого Украины, но также позволяет по-новому посмотреть на характер взаимоотношений Кабарды с Московским государством в XVI–XVII в. При изучении данного вопроса пришлось столкнуться с неожиданными моментами.

Так, почти никто из современных историков Украины и Северного Кавказа не упоминает о том, что в июле 1678 г. по приказу московского царя кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский принимал участие в обороне крепости Чигирин в украинском Поднепровье¹. Обратим внимание на то, что Б. Мальбахов и А. Эльмесов в своей монографии «Средне-

вековая Кабарда», которая увидела свет в 1994 г., отмечают, что в правление нового царя Федора Алексеевича кабардинский князь Каспулат Черкасский участвовал в российско-турецкой войне (1676–1681 гг.). По их словам, еще в августе 1675 г. Каспулат Черкасский с небольшим отрядом прибыл в Запорожскую Сечь и вместе с запорожцами принял участие в походе на Крым. Кроме того, исследователи отметили, что в августе 1679 г. по царскому указу князь Каспулат Муцалович Черкасский со своим полком был отправлен на сторожевую службу под Чутуев и Харьков, где разгромил татарское войско в бою в степях на реке Береклейке. А уже в ноябре 1679 г., отмечают далее исследователи, князь Каспулат Черкасский с кабардинцами и союзными калмыками был отправлен на Украину, где охранял переправы через реку Днепр. Что же касается вопроса об участии этого кабардинского князя в обороне Чигирина в 1678 г., то в книге об этом ничего не сказано².

Тем не менее, еще чуть более 60 лет назад исследователи писали об этом. Так, в 1958 г. Н.А. Смирнов в своей монографии «Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках» отметил: «Все внимание султанской Турции в конце XVIII в. было поглощено ее захватническими войнами с Польшей и Россией. Война, которую Турция вела, начиная с 1676 г. из-за Украины, приняла особенно острый характер в 1671–1678 гг., когда турецкие войска совместно с крымскими вторглись в пределы Правобережной Украины и пытались захватить крепость и важный стратегический пункт Чигирин, прикрывавший дорогу и переправу на левый берег Днепра. В этой войне большую военную помощь русско-украинским войскам оказал пришедший с Кавказа 4-тысячный отряд князя Каспулата Муцаловича Черкасского. Только после прибытия 28 июля 1678 г. на Днепр этого отборного войска командующий князь Ромодановский отдал приказ о наступлении, которое закончилось полным разгромом турок»³. Эта информация фигурировала и в других более ранних работах Н.А. Смирнова, например, в книге «Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв.», которая вышла в свет в 1948 г.⁴

Особое же освещение данный вопрос получил в отечественной историографии дореволюционного периода. Так, кабардинский историк В.Н. Кудашев в своей известной монографии «Исторические сведения о кабардинском народе», которая впервые была издана в Киеве в 1913 году, к 300-летию юбилею царской династии Романовых, не мог обойти вниманием данный вопрос. В частности, о деятельности кабардинского князя Каспулата Муцаловича он отметил: «Князь Каспулат Муцалович Черкасский оставался всегда, по-видимому, верным традициям своего рода и верно служил Московскому государству. Мы имеем, например, сведения о том, что князь Каспулат чрез своих узденей разведывал для московского правительства о положении дел и настроений среди калмыков и в Крыму. В 1678 году грамота царя Федора Алексеевича князю Каспулату вместо годового и денежного жалования, которое он получал раньше, был пожалован пожизненно терский таможенный пошлинный сбор. В этой грамоте перечислены заслуги князя Каспулата. Он вместе со своими узденями участвовал в крымских и чигиринских походах и сражался не раз против турок и Крыма»⁵.

Н.И. Косиненко в своей книге «Первая русско-турецкая семилетняя война. Чигиринские походы 1677 и 1678 гг.», которая вышла в свет в 1911 г., довольно подробно описал те драматические события в Чигирине, в которых принимал участие князь Каспулат: «... в течение 7 дней повторялись на-

падения турок, но все они были безуспешны: турки не могли даже воспрепятствовать сношениям полевой армии с гарнизоном крепости. Несмотря на просьбы осажденных поспешить на выручку города, Ромодановский медлил дальнейшим наступлением, ожидая согласно царского приказа кн. Булата Черкасского, прибывшего с 4 тыс. калмыков, черкес и донцов только 28 июля. Таким образом, этот приказ из Москвы связывает главнокомандующего, заставляя его в виду неприятеля терять более 2-х недель. ...31 июля Ромодановский решился атаковать наседавшую на него конницу Бекир-паши»⁶.

Не обошел вниманием данный вопрос и Н.И. Костомаров. В своей монографии «Руина» по этому поводу он отметил:

«Самойлович выступил в поход в первых числах июня и сошелся с Ромодановским на Артополоте. Там предводители устраивали друг другу пиры. На пир, данный боярином, приглашены были козацкие чины, которым отдавалось большое предпочтение перед великорусскими, и последние на то озлобились. Отсюда двинулись они к Лубнам, куда прибыли 12-го июня. Вперед отправлен был отряд в 12.000 человек, под начальством Косагова – поискать удобное место для переправы огромному соединенному войску. За ним гетман и боярин к концу июня приблизились к Днепру, а 1-го июля пришло к ним известие, что турецкие силы приближаются к Бугу. Тогда предводители сообразили, что переход в том месте, куда они отправили Косагова, неудобен, потому что им придется идти к Чигирину три мили через леса и болота, и если неприятели там нападут на них, то им некуда будет повернуться со своим тесно замкнутым вагенбургом. Они решили повернуть вверх по течению реки Сулы, перешли через нее 3-го июля, а потом дошли до Бужинского перевоза на Днепре. В этих местах было приготовлено много байдаков; началась переправа, на которую оказалось потребно не менее четырех суток по причине большого количества войска. Тут пришел Ромодановскому указ подождать прибытия князя Каспулата Муцаловича Черкасского с калмыками и татарами. Таким образом, к большой досаде сидевших тогда в Чигирине, войско, шедшее к ним на выручку, оставалось продолжительное время на берегу Днепра, до 29-го июля, пока не явился долго ожидаемый князь Каспулат Муцалович»⁷.

Вполне вероятно, что наиболее раннее упоминание об участии Каспулата Муцаловича в обороне Чигирина в 1678 г. содержится в статье А.Н. Попова «Турецкая война в царствование Федора Алексеевича», которая была опубликована в 1857 г. При этом внимание кабардинскому князю было уделено дважды. Так, А.Н. Попов, говоря о подготовке к битве за Чигирин, отметил действия гетмана И. Самойловича:

«Самойлович также просил государя, чтоб в помощь его войскам были присланы Калмыки и, если возможно, Башкирцы, особенно для действия против Татар. Хотя, писал он, «ныне Калмыки без провожатых ходя, много бесчисленного разорения в людях и имениях починили», однако же просил, опасаясь значительного собрания войск турецких и татарских, предписать им немедленно идти в поход, чтобы к весне успели приблизиться к Днепру и соединиться с ними. Государь исполнил его желание, поручив главное начальство над Калмыками князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому»⁸.

В дальнейшем А.Н. Попов довольно драматично описывает обстоятельства прибытия кабардинского князя со своим войском к месту назначения:

«С тех пор, как отряд Косагова отступил к главным войскам и открыл для неприятеля путь через Тясмин, отряды Татар и Турок перешли через

реку и совершенно разобили крепость от соединенных войск, московского и малороссийского. Переправившись через Днепр, в начале июля, князь Ромодановский получил царское повеление, в котором ему предписывалось не начинать действий против неприятеля, не дождавшись прибытия князя Каспулата Муцаловича Черкасского с Калмыками и Горцами. Это предписание, исполненное воеводою, заставило потерять около трех недель времени без всякой пользы и в совершенном бездействии. Только 28 июля прибыл Каспулат всего с двумя тысячами бедных, голодных и оборванных наездников, которые, конечно, не могли оказать никакой особенной помощи войску, простиравшемуся до 80 тысяч. Через два дня после их прихода воевода и гетман двинулись к Чигирину»⁹.

II

Таким образом, в исследованиях историков, выполненных более 60 лет назад, содержатся сведения об участии кабардинского князя Каспулата Муцаловича Черкасского в обороне Чигирина. Известно, что, по царскому указу, он прибыл туда 28 июля 1678 г. В составе его войска были калмыки, горцы (черкесы), донские казаки («донцы») и др. При этом сведения о количестве его войск колеблются от 2 тысяч до 4 тысяч. Однако, как это ни странно, такая информация отсутствует в работах современных исследователей.

Казалось бы, документы, касающиеся этого периода жизни князя Каспулата Муцаловича, должны были быть опубликованы в первом томе такого авторитетного издания, как «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.», которое вышло в свет в 1957. Однако там совершенно нет документов, подтверждающих участие кабардинского князя в обороне Чигирина. Мало того, там сказано, что в июле 1678 г. Каспулат Муцалович с его войском находился возле поселения Чугуев, что вблизи крепости Харьков¹⁰.

В приведенной там челобитной грамоте московскому царю Федору Алексеевичу чугуевский воевода Иван Рыхтаров сообщает, что для охраны рубежей возле Чугуева от нападений ногайцев и крымских татар 15 июля прибыл «князь Каспулат Муцалович Черкасской да стольник и воевода Козьма Козлов с...ратными людьми». Автор письма сообщает о начале этого рейда следующее: «Июня в 1 числе писал к тебе, великому государю указу для походу на твою великого государя службу в Малороссийские города к случению сил поехал он из Астрахани, а с ним черкасские да нагайские и окоцкие мурзы с узденями своими и иные ратные люди, которым у него в полку быть велено, в колмыцкие улусы к Аюкаю и к Солом-Сереню и к иным тайшам, и соединясь с колмыцкими тайши и с колмыки, пойдут в малороссийские города вскоре». Спустя некоторое время, 15 июля, люди войска Каспулата Муцаловича подошли к Чугуеву «и стояли за рекою за Северским Донцом на Нагайской стороне на речки на Тоганки от Чюгуева в трех верстах». Далее воевода Иван Рыхтаров сообщает о затратах, которые он понес на содержание войска в течение 3–4 дней. После этого 18 июля люди объединенного войска «прошли через Чюгуев посадом к Харькову»¹¹. Получается, что июле 1678 г. Каспулат Муцалович Черкасский находился в Чугуеве, а не в Чигирине. Однако, действительно ли это было так?

По-видимому, отсутствием в первом томе издания «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» сведений об участии Каспулата Муцаловича в обороне Чигирина в июле 1678 г. можно объяснить, почему в работах со-

временных историков нет информации об этом событии. При этом очень трудно поверить в то, что авторитетные историки прошлого и позапрошлого столетий могли нас дезинформировать, т.е. попросту придумали историю со множеством подробностей о том, как 28 июля 1678 г. Каспулат Муцалович со своим войском в 4 тысячи человек подошел к Чигирину.

Но все это можно объяснить. Так, в комментариях к первому тому издания «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» отмечено: «Док. № 234–246 относятся к участию кабардинских отрядов в русско-турецкой войне 1677–1681 гг. ... В борьбе за Чигирин, вторично осажденный турецкими войсками в июне 1678 г., русское командование придавало большое значение совместному действию русских и украинских войск с кабардинскими и калмыцкими отрядами под руководством Каспулата Муцаловича Черкасского. Так, например, войска Ромодановского и гетмана Самойловича в июле месяце, прежде чем идти на помощь к Чигирину, ждали соединения с идущими с Дона отрядами Каспулата... По вопросу о снабжении полка кн. Каспулата Муцаловича Черкасского имеются отписки новосильского, белгородского и других воевод в Разрядный приказ и выписки, составленные в приказе (ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, ст. 1464, л. 14, 15–29, 21–38, 117–121, 128–144, 704–711)»¹². Таким образом, составители первого тома издания «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» знали об участии князя Каспулата в обороне Чигирина в июле 1678 г., но, по неизвестным причинам, не включили интересующие нас документы в это собрание актов.

К тому же, В.Н. Кудашев на страницах своей монографии «Исторические сведения о кабардинском народе», где речь идет о деятельности князя Каспулата, в сносках привел источники этой информации: «Московский Архив Министерства иностранных дел. – Дела кабардинские. 1675. № 1; Кабардинские шерстные грамоты. № 10»¹³. Получается, что историки XIX – начала XX вв., в отличие от современных исследователей, использовали архивные документы, которые до сих не опубликованы. Значит, их информации можно вполне доверять.

Однако, как оказалось, некоторые интересующие нас документы о Чигиринском сражении, все же были изданы. Так, в тринадцатом томе «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России» в 1884 г. была напечатана «Грамота гетмана Самойловича» от 6 августа 1678 г. Позволим себе процитировать ее наиболее интересную для нас часть: «Князь Каспулат Муцалович Черкасской пришел к боярину и воеводе ко князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому с товарищи и к гетману на Бужинские поля июля в 29 числе, в понедельник; а войска с князь Каспулат будет тысяч с пять. ... И как пришли Калмыки в обозы к ним, и Татаром и Турком являтца им не велели, чтоб их не знали и держали их два дни... И на третий день в среду, часу в шестом дня, боярин и воеводы и гетман князя Каспулата Муцаловича Черкасского с Черкесы и с Калмыки, придав ему боярин и воевода от себя рейтарские и копейщицкие полки, а кого полковником имяны, того не ведает, да смоленскую шляхту, а гетман охотных военных полковников Гелияша Новицкого... Павловского Городицу, да пехотных Грицка да Иванея с полками посылали на неприятельские полки тысяч с 20. А для опасения и естли князь Каспулату будет с неприятеля не сила и было б при ком одержатца, боярин и воеводы посылать за ними в след генерала маёра Франца Улфа с

полком, и шол он за ними. И с неприятели у князь Каспулата был бой от обозов в верстах осми, и неприятелей били и гоняли, орду и Турков, на пяти верстах, и взогнали их на горы, и поворотились назад к себе в обозы; и, не допусая их до обозов версты за три, орда на них напала сызнова, и с неприятели были у них помычки и гоняли их и били версты на 3; а Франц Улф был уже наперед их. И стало уже вечерять, разошлись по обозам. А боярин и воеводы и гетман того ж числа рушились обозами и пошли с Бужинских поль к Чигирину на село Кувичинцы по левую руку; а у них с ордою и с Турки бой и помычки были в правой руке»¹⁴.

Как видим, в сообщении гетмана И. Самойловича численность войск Каспулата Муцаловича уже достигала пяти тысяч человек.

Кроме того, информация о пребывании кабардинского князя Каспулата Муцаловича в районе Чигирина в конце июля 1678 г. содержится в таком источнике как «Дневник 1677–1678 гг.» Патрика Гордона, который принимал самое непосредственное участие в обороне Чигирина. Известно, что в конце июля 1678 г. Патрик Гордон находился в самом Чигирине и держал оборону крепости, а князь Г. Ромодановский пытался с другой стороны, но также на правом берегу Днепра, прорваться к крепости через заслон турок и татар. Патрик Гордон довольно подробно описал прибытие князя Каспулата с его войском:

«Между тем из Москвы к боярам пришел указ, дабы они ждали прибытия князя Касбулата Муцаловича Черкасского с черкесами и калмыцкими татарами – большими врагами татар крымских. Прибыл также другой указ, что в случае если будет невозможно отстоять город и замок Чигирин, то им надлежит разрушить замок и отвести гарнизон. 28 июля князь Касбулат Муцалович Черкасский явился к Днепру с черкесами и калмыками, а назавтра они переправились через Днепр. Их было всего около 2000 человек – слишком малые силы, чтобы тратить так много драгоценного времени на их ожидание. 30-го христианская армия двинулась из лагеря и построилась в каре, огражденная подводами, словно стеною; орудия везли со всех сторон по удобным местам. Черкесам, калмыкам и прочим добровольцам было позволено попытать счастья за пределами вагенбурга. Но насколько калмыки были страшны для крымских татар, настолько страшны были турки для них самих; [калмыки] едва дерзали на тех взглянуть, будучи почти все наги и плохо вооружены»¹⁵.

В сообщении Патрика Гордона смущает количество прибывших с князем Каспулатом – 2 тысячи. Комментируя эти неточности, автор перевода источника Д.Г. Федосов отметил: «В ряде случаев утверждения Гордона противоречат другим источникам, как, скажем, уже упомянутая оценка силы крымских татар во втором Чигиринском походе, которая представляется преувеличенной. Возможно, что он, напротив, преуменьшил численность отряда черкесов и калмыков, приведенного князем Черкасским на соединение с царскими войсками в конце июля 1678 г. (по «Дневнику» 2 тысячи человек – л. 109 об., по другим данным 4 или 5 тысяч). Однако в последнем случае Гордон прав в главном: терять больше двух недель на ожидание столь малого, к тому же нерегулярного, отряда воеводам явно не стоило. В принципе автор Дневника не был склонен ни к пустым домыслам, ни к намеренным искажениям фактов, так что, по крайней мере, часть неточностей и ошибок в его записках может объясняться сообщениями других лиц, которых он считал достойными доверия»¹⁶.

Исходя из этого, можно реконструировать военный рейд князя Каспулата Муцаловича в 1768 г. в деталях. Так, согласно сообщению чугуевского воеводы Ивана Рыхтарова, 1 июня 1768 г. князь Каспулат отправился из Астрахани с войском, в составе которого, кроме кабардинских черкесов и калмыков, были также ногайцы. Необходимо учитывать, что путь их пролегал через высохшие летом степи и потому подойти к Чугуеву изнуренное переходом войско смогло лишь 15 июля, преодолев сотни километров. В Чугуеве кавалеристам надлежало пополнить запасы продовольствия и отдохнуть. Но, повинуясь царскому указу, они уже через 3 дня, 18 июля, ушли оттуда и, минуя Харьков и Белгород, двинулись к Днепру, где 28 июля встретились с войсками Г. Ромодановского вблизи Чигирина. Как видим, войскам князя Каспулата снова пришлось преодолеть несколько сотен километров. Получается, что московский царь Федор Алексеевич, отдавая приказ князю Каспулату Муцаловичу срочно двигаться в малороссийское Поднепровье, не учел, что идти придется летом в засушливых и знойных степях. Поэтому и подмога со стороны кабардинцев и калмыков князю Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу несколько задержалась. Отметим также, что сведения некоторых историков о том, что с Каспулатом Муцаловичем прибыло около 4 тысяч человек, подтверждаются данными грамоты чугуевского воеводы Ивана Рыхтарова, где сказано: «а по смете их было с 3000 с 800 человек»¹⁷. Следует отметить, что в течение 3–4 дней Иван Рыхтаров вынужден был кормить людей Каспулата Муцаловича. Это требовало знания точного количества людей для отчетности. Поэтому эти сведения следует считать наиболее правдивыми.

III

Как уже было отмечено, кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский был на украинских землях не только летом 1678 г. По приказу московского царя (сначала Алексея Михайловича, а потом Федора Алексеевича) он совершил несколько рейдов вглубь Украины, которая переживала не самые спокойные времена в своей истории. Позволим напомнить некоторые эпизоды этого смутного времени.

Так, уже после смерти Богдана Хмельницкого в августе 1657 г. начинается борьба за власть различных группировок украинской шляхты. 60–80-ые годы XVII в. вошли в историю Украины как время Руины. К сожалению, наследники Б. Хмельницкого не смогли успешно завершить его начинания. Началом времени Руины стало устранение от власти осенью 1657 г. шестнадцатилетнего сына Богдана Хмельницкого – Юрия. Иван Выговский и его сторонники фактически осуществили государственный переворот. Побаиваясь, что Украина может потерять автономию, и, невзирая на народные настроения, И. Выговский заключил с Польшей Гадячский договор в 1658 г., по которому Украина под названием Великого княжества Русского должна была войти в состав Речи Посполитой как равноправный с Польшей и Литвой партнер. Политику И. Выговского не поддерживали казаки. В результате этого началось восстание, во время которого гетман вынужден был бежать в Польшу.

В 1659 г. гетманом снова избирают Юрия Хмельницкого. В 1659 г. московское правительство заставило его подписать Переяславские статьи, которые существенно ограничивали автономию Украины. Поэтому уже

через год (в 1660 г.) Ю. Хмельницкий подписал Слободищенский трактат, который предусматривал переход Украины под власть Польши. Батуринские (в 1663 г.) и Московские (в 1665 г.) статьи, которые подписал уже гетман Иван Брюховецкий, укрепляли позиции Москвы в Украине.

Следующие договорные условия с российским правительством, заключенные гетманами Д. Многогрешным (Глуховские статьи в 1669 г.) и И. Самойловичем (Конотопские статьи в 1672 г. и Переяславские статьи в 1674 г.) расширили права царской администрации в Украине. Ослабленная внутренними неурядицами Украина стала землей, за которую боролись Россия, Польша и Турция.

После того, как И. Выговский подписал Гадячский договор, Польша возобновила военные действия против России за территорию Украины. Затяжная изнурительная война ослабила обе стороны. Поэтому и Россия, и Польша вынуждены были искать мира. В результате длительных переговоров 30 января в 1667 г. в Андрусове, вблизи Смоленска, было заключено перемирие на тринадцать с половиной лет. Россия закрепила за собой Левобережную Украину (в украинской историографии этот регион часто называется Гетьманщиной), земли запорожцев и Слободскую Украину. Правобережная Украина осталась в составе Польши¹⁸.

IV

Тем временем над украинским народом нависла угроза порабощения Османской империей и ее вассалом Крымским ханством. В борьбе против турок и крымских татар большую роль играли запорожские казаки, которые осуществляли сухопутные и морские походы в Крым и на турецкие крепости в Приазовье. В 60–70-х годах XVII в. такие походы не раз возглавлял кошевой атаман И. Сирко. В это время московский царь Алексей Михайлович решил нанести упреждающий удар. Тогда в июне 1675 г. по царскому приказу князь Каспулат Муцалович Черкасский прибыл из Кабарды в Москву, где был принят в Посольском приказе. Русское правительство обсудило с князем Каспулатом план новой военной кампании против Крымского ханства. Судя по документу, это случилось 6 июня 1675 г. Кабардинскому князю вменялось следующее:

«А в нынешнее время итти ему, князю Каспулату, великого государя с ратными людьми и с калмыцкими тайши и с их улусными людьми для промыслу на Крым во время безлюдства их паче тех времен способно, потому что о том царскому величеству подлинная его ведомость, что конечно хан и нурадын и калга со всеми ордами в польских городах удержаны, а в Крыму без них великое малолюдство, как о том и не в давне выходец из полону ис Турской земли шатченин сын боярский Петр Татаринов, который взят был в Крым з боярином с Васильем Барисовичем Шереметевым, а потом был турецкого салтана при самом ближнем человеке Ивана Етакии у всех тайных дел и с Селим-салтаном в обоих походах под Каменце-Подольским и в Украине был же, подтверждает, что конечно так и подлинно»¹⁹.

Таким образом, войско князя Каспулата должно было двигаться через территорию Украины.

И уже в сентябре 1675 г. Каспулат Муцалович Черкасский с небольшим отрядом (около 800 чел.)²⁰ прибыл в Запорожскую Сечь, где вступил в переговоры со знаменитым запорожским атаманом Иваном Сирко. В от-

писке князя Каспулата Муцаловича Черкасского в Посольский приказ на имя царя Алексея Михайловича об этом сказано следующее:

«И мы, холопи твои, опасаячись того, что с нами, холопи твоими, люди небольшие, пришли мы, холопи твои, с твоими великого государя ратными людьми и с калмыки в Запороги к реке Днепру и посылали к запорожскому кошевому ятману к Ивану Серку, чтоб он, гетман, з запорожскими казаки шол с нами, холопи твоими, в Крым и в крымские улусы для воинского промыслу. И он, гетман Иван Серик, сказал нам, холопом твоим, что он готов с нами, холопи твоими, итти на твою великого государя службу для воинского промыслу»²¹.

Князь Каспулат и Иван Сирко договорились о проведении совместной военной операции против крымских татар. 23 сентября объединенные отряды кабардинцев, калмыков (под начальством Мазан-батыра) и запорожских казаков перешли Сиваш (Гнилое море) и разорили внутренние крымские улусы, захватив большое количество пленных. В конце сентября союзники вернулись из Крыма в Запорожье, разгромив под Перекопом татарское войско («И как пришли к Перекопи, крымские ратные люди, собрався 3 салтана крымских с крымскими ратными людьми бой с ними дали и их побии. Да на том же бою взяли Батыря-мурзу Мансурова да татарина раненых, и татарин от ран в дороге умере. Да на том же бою мой холопа твоего Каспулатков уздень Сетей убит. А твоих великого государя ратных людей никого не убито и в полон не взято. И мы, холопи твои, с теми со всеми твоими великого государя ратными людьми и с калмыки и з запорожскими казаки ис Крыму ис крымских улусов пришли к Запорогам все целости сентября в 27 день»)²².

За этот поход в Крым князь Каспулат Муцалович Черкасский получил в награду от царя «шапку бархат с петли да фаразею брахатную золотую на соболях с аламы, нанизанные жемчугом»²³. Были также щедро вознаграждены и другие участники похода – кабардинские мурзы Хата Тлеспердекович и Айдемир Тотарханович Черкасские²⁴.

Так успешно закончился первый рейд князя Каспулата Муцаловича на украинские земли, что имело место в сентябре 1675 г. Остальные же его походы с Кавказа в Украину уже происходили в начале правления московского царя Федора Алексеевича, что ознаменовалось очередной войной России с Османской империей и вассальным ей Крымским ханством за Украину в 1676–1681 гг.

Обычно считают, что причиной войны послужила попытка Османской империи вмешаться в российско-польское противостояние и захватить контроль над Правобережной Украиной. Ситуация еще усугублялась тем, что в начале войны в 1676 г. на территории Украины действовали два гетмана – протурецкий Петр Дорошенко и промосковский Иван Самойлович. Когда были получены сообщения, что турки и крымская орда снова идут на Польшу, князь Г. Ромодановский и гетман И. Самойлович получили приказ покончить с П. Дорошенко. Тот располагал всего двумя тысячами сердюков. Когда к его столице – Чигирину, расположенному на правом берегу Днепра, подошли российско-украинские войска, П. Дорошенко 19 сентября 1676 г. капитулировал после недолгого сопротивления. В Стамбуле были очень недовольны падением своего ставленника и утратой правобережных территорий, но решили для начала разделаться с поляками, а русских оставить на следующий год. Войска Яна Собеского были

окружены близ Львова, и 17 октября 1676 г. король был вынужден подписать Журавенский мир, снова отдававший османам Подолию и большую часть Правобережной Украины. На Дон было отправлено пополнение во главе с И. Волинским. Эти войска сменили части, прибывшие в 1673 г. с И.С. Хитрово. И. Волинский сменил князей И. Хованского и И. Кольцова-Мосальского и принял общее командование. На козловском участке Белгородской черты татары раскопали вал у Бельского городка, и прорвались за оборонительную линию, но вскоре это вторжение было пресечено. В другом месте прорвались калмыки, но на обратном пути были перехвачены и разгромлены²⁵.

В условиях новой войны нависла угроза над Киевом, который находился под контролем гетмана Ивана Самойловича. Как явствует из документов, город обороняли запорожцы. Но этого было недостаточно. Тогда в начале марта 1676 г. Разрядный приказ от имени царя Федора Алексеевича издает следующий указ:

«... на оборону своей царского величества отчины града Киева и на за-
щищение Войску Запорожскому и всему народу малороссийскому своего
царского величества подданному князю Каспулату Муцаловичу Черкас-
скому итить к Киеву и к Печерскому монастырю, а с ними стольнику и
воеводе Кузьме Козлову. А калмыцким и низовым ратем на той его госу-
дареве службе велено быть к Киеву перед прежним с великою прибавкою.
И для того стольник и воевода Кузьма Козлов послан нарочно. А собрався с
калмыки и с низовою ратью и з донскими казаками, итить к Киеву ранним
пешим путем. А как князь Каспулат Муцалович с войски на его государеву
службу пойдет, и тогда в великороссийских городех пристойное ему и во-
йскам калмыцким удовольствие будет учинено. А о удовольствовании
князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому и калмыкам в малороссийских
городах великого государя указ учинить в Розряде»²⁶.

Успел ли принять участие князь Каспулат в обороне Киева в 1676 г., из документов не известно. Хотя нет документов, в которых бы содержался указ об отмене его похода. Скорее всего, это был кратковременный рейд, закончившийся тем, что впоследствии эпицентр событий переместился к другому городу – Чигирину. Таким образом, имеются основания говорить о том, что вскоре после марта 1676 г. кабардинский князь Каспулат Муцалович совершил свой второй рейд на украинские земли и мог побывать не только в районе Киева, но и Чигирине, который П. Дорошенко сдал князю Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу в сентябре 1676 г.

Отметим сразу, что через два года, в июне 1678 г., Чигирин был окружен турками и татарами. Войска князя Г. Ромодановского поспешили на помощь защитникам осажденного города. 10 июля татары атаковали на левом берегу московские обозы, но были отбиты; неудачей закончилась и попытка турок атаковать 11 июля московские и украинские передовые войска на правом берегу. 12 июля украинско-российская армия сосредоточилась на правом берегу, где в тот же день отбила атаку Кара-Мустафы. 15 июля отряды турецкой и крымской конницы вновь атаковали российско-украинские отряды, князь Г. Ромодановский вышел из обоза и двинул силы на них. Бой продолжался целый день. Турки и татары отступили и заняли выгодные позиции, перекрыв доступ к провианту и продовольствию. И как уже отмечалось, князь Г. Ромодановский не мог продолжать движение вперед, пока не придут войска Каспулата Муцаловича. И они

пришли лишь 28 июля после длительного перехода от Астрахани к Чугуеву, а оттуда – к Чигирину. После этого князь Г. Ромодановский отдал приказ к наступлению. Однако, несмотря на упорные атаки российских и украинских полков, взять Чигиринские укрепления не удалось. 3 и 4 августа, после жарких боев, они овладели Стрельниковой горой и вошли в сообщение с гарнизоном. Между тем турки, осаждавшие город, продолжали бомбардировку и начали устраивать подкопы. 11 августа последние были взорваны у реки Тясмин и этим была зажжена часть нижнего города. Увидев пожар, защитники города бросились в лагерь Г. Ромодановского через горевший мост, но он обрушился и масса людей погибла. Одновременно с этим неприятелю удалось зажечь и новый верхний город. Оставшийся гарнизон отступил в старый верхний город и там весь день отбивал штурмы противника. Ночью, по приказанию Г. Ромодановского, была зажжена и уцелевшая часть Чигирина; защитники ее присоединились к главным силам и на рассвете украинско-российская армия начала отступление к Днепру, преследуемая неприятелем. Вслед за тем турки ушли к границе, но Юрий Хмельницкий, который перешел на сторону турок и татар, остался на правом берегу Днепра, занял Немиров, Корсунь и некоторые другие города и не раз осенью и зимой нападал на левобережные города. Султан Магомет IV, не получив существенных выгод от Чигиринской победы и вообще от войны с Россией и нуждаясь в войсках для борьбы с Австрией, стал склоняться к миру²⁷.

Нам известно также, что прибывшие с князем Каспулатом люди принимали участие в последних боях за Чигирин 11 августа 1678 г. Об этом может свидетельствовать следующее сообщение из «Дневника» Патрика Гордона:

«В это утро тяжелые орудия [неприятеля] совсем притихли, но к полудню стали греметь по обыкновению. Около часа пополудни, пока мы занимались ретраншементом, под городской стеною вспыхнула мина, рядом с прежней, и пробила большую, весьма уязвимую брешь. Тут же другая мина, взлетев очень близко от первой, так устрасила черкас, кои недавно прибыли в город и не привыкли к таким взрывам, что те покинули не только стену, но и ретраншемент. Прочие, кто был подальше, видя их бегство и турок, вступающих в брешь без всякого сопротивления, тоже бежали»²⁸.

Отметим, что в упомянутых «черкасах» следует видеть черкесов князя Каспулата по двум причинам. Во-первых, в «Дневнике» Патрика Гордона как раз сообщается о прибытии накануне, 28 июля, черкесов с князем Каспулатом. Во-вторых, известно, что в Московском государстве и Речи Посполитой в XVI–XVII вв. «черкасами» продолжали называть не только украинских казаков, но и адыгов-черкесов Северного Кавказа. Напомним, что кабардинский князь Каспулат Муцалович имел в своем имени еще и титул «Черкасский».

Таким образом, в июле–августе 1678 г. кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский совершил свой третий рейд на территорию Украины, в результате которого он на три дня, с 15 по 18 июля, задержался возле Чугуева под Харьковом. После этого он 28 июля достиг Днепра и принимал самое непосредственное участие в обороне Чигирина, которое закончилось 11 августа.

Затем Каспулат Черкасский, действовавший по инструкциям Казанского приказа и указу царя Федора Алексеевича, отправил трех своих уз-

деней с посольством для ведения переговоров к крымскому хану Мурад Гераю в Бахчисарай. Имеющийся документ, который подтверждает это, датирован 23 октября 1678 г.²⁹ Судя по всему, после этого князь Каспулат со своими людьми вернулся на родину.

V

В следующем 1679 г. И. Милославский стал заместителем главнокомандующего южной армии (воеводы Большого полка) князя М. Черкасского. Так как ожидалось наступление османов на Киев, воеводы выступили на его защиту.

Поскольку турки не появились, 31 июля воеводы получили приказ ограничиться наблюдением и не предпринимать активных действий на правом берегу. Командовать Белгородской линией был оставлен князь Я.С. Барятинский, под командой которого находились крупные силы, стянутые из разных мест, в их числе отряд генерала Г. Косагова (9 тыс.). Общая численность мобильных войск, по данным Разрядного приказа, составляла 16 тыс. К ним присоединился отряд донских казаков, переброшенный из Черкаска. Тогда же Я. Барятинский и Г. Косагов начали строительство Изюмской черты.

Но в середине лета татары организовали крупный набег. 24 июля 1669 г. орда крымцев, ногаев и темрюкцев, численностью около 10 тыс. под командованием мурз Уруса и Малбега, вышла Изюмским шляхом к Чугуеву. Переправившись через Северский Донец, они захватили в окрестностях города большой полон, после чего основные силы пошли к Харькову, а часть двинулась на восток — к Печенегам. Один из татарских отрядов (1500 чел.) при переправе у поселения Чугуев сильно потрепал московские войска К. Черкасского и К. Козлова, а также донские казаки Корнея Яковлева. Украинские казаки Харьковского полка отбросили татар от Ольшанки и преследовали их до реки Можи. Тысячный татарский отряд («лучшие люди») отделился от основных сил и 4 августа подошел к поселениям Мурафа и Соколов, захватил пленных и скот, но на Може был настигнут харьковскими казаками и разгромлен. Разбившись на три группы, остальные татарские силы начали отход³⁰.

Однако не все знают, что в августе этого года в этих событиях принимал участие кабардинский князь Казбулат Муцалович Черкасский. Так, в 1679 г. 5 августа царь Федор Алексеевич издал указ, согласно которому для отражения нападения крымских татар Каспулату Муцаловичу надлежало идти со своим войском, состоявшем из кабардинцев и калмыков, к Чугуеву и Харькову.

«И великий государь жалует его, князя Казбулата Муцаловича, за то милостиво похваляет, и чтоб он, князь Казбулат Муцалович, с товарищи своими и с ево великого государя ратными людьми и с калмыки побыл на ево великого государя службе до ево великого государя указу в украинских городех блиско Чюгуева и Харькова. И будет в те места придут люди войною, и он бы над теми воинскими людьми промысл чинил, сколько милосердный господь бог помощи подаст. А по нынешней ево отписке и по вестям указал великий государь к нему, ко князю Казбулату Муцаловичу, итти в сход наспех генералу Григорью Косагову да харьковскому полковнику с полками, да по прежнему своему великого государя указу с Нового

Оскола стольнику и воеводе князю Якову Борятинскому с полком же. И он бы, князь Казбулат Муцалович, с теми со всеми великого государя ратными людьми и с калмыки, которые ныне с ним, со князем Казбулатом Муцаловичем, однолично службу свою и раденье ему, великому государю, показал: где в украинских городех объявятца крымские воинские люди – над ними промысл чинил, смотря по тамошнему делу, сколько милосердный господь бог помощи подаст, да о том писал к великому государю, чтоб ево службою украинских городов от войны убересть»³¹.

Как видим, возле Чугуева кабардинский князь должен был соединиться с войсками генерала Григория Косагова и воеводы князя Якова Борятинского. И уже в ответном письме, написанном после 15 августа, кабардинский князь рапортовал Федору Алексеевичу, что выполнил его указ. При этом стало ясно, что князь Каспулат находился уже в начале августа недалеко от Чугуева³². Это вполне согласуется с содержанием «Памяти из Посольского приказа в Разрядный приказ...» от 8 апреля 1679 г., согласно которому князю Каспулату, находившемуся на Северном Кавказе недалеко Астрахани, «с черкесскими и с калмыцкими войсками, доколе реки не пройдут, из земли своей рушився и их страны тотчас по весне мог поспешить к самому делу воинскому»³³. В частности в своем рапорте Каспулат Муцалович отметил:

«И августа, государь, в 5 день до того твоего великого государя ратными людьми по вестям за крымскими воинскими людьми, которые приходили войною под Чугуев и под иные твои великого государя украинные городы, я холоп твой, с товарищи и с твоими великого государя ратными людьми ходил и милостию, государь, божиею, а твоим великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича... счастием, тех крымских воинских людей, доехав в степи за Сиверским Донцем на речке Береклейке, разбили и многих в полон поимали»³⁴.

Отметим, что под названием «Береклейка» фигурировала современная р. Балаклея, протекающая по территории современной Харьковской области. Далее князь Каспулат сообщает о своем дальнейшем передвижении к поселению Валуйки, т.е. на территорию современной Белгородской обл.:

«А ис под Чугуева, государь, с товарищи и с твоими великого государя ратными людьми пошел я, холоп твой, к Валуйкам августа в 13 день до тое твоей великого грамоты, которая прислана з жильцом с Василием Родичевым, а Василий Родичев с твоею великого государя грамотою встретился августа в 14 день. А под Валуйки, государь, пришел я, холоп твой, с товарищи и с твоими великого государя ратными людьми и с калмыки августа в 15 день»³⁵.

Как видим, после победы над крымскими татарами на берегах р. Балаклеи 5 августа 1679 г. князь Каспулат не собирался возвращаться на родину, а прибыл 15 августа в Валуйки, находившиеся недалеко от Чугуева. Это говорит о том, что военная кампания князя Каспулата тогда еще не закончилась. Однако 22 августа 1679 г. из Посольского приказа была прислана грамота князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому о роспуске его войск и возвращении князя домой в Терский город³⁶. Так завершился четвертый военный рейд князя Каспулата Муцаловича Черкасского на земли Украины, который начался после 8 апреля и закончился 22 августа 1679 г. Отметим, что на этот раз люди князя Каспулата находились лишь на землях Восточной Украины, называемой Слобожанщина. И этот поход был более удачным, чем Чигиринская кампания 1678 г.

VI

Исходя из того, что кабардинские черкесы были дважды на Слобожанщине вблизи Чугуева и Харькова в июле 1678 г. и в августе 1679 г., можно высказать предположение, что часть их могла здесь остаться. Основания для этого дает название села Пятигорское, существующее и донныне в Балаклейском р-не Харьковской обл. Напомним, что в Московском царстве и Речи Посполитой адыгов называли «пятигорскими черкасами» или «пятигорцами». Село Пятигорское расположено на правом берегу Северского Донца именно там, где в XVII в. проходила сторожевая линия Московского государства. Там возникло немало укреплений, информацию о которых мы находим в актовых документах. В частности, в них среди жителей этих крепостей Слободской Украины во второй половине XVII в. неоднократно упомянуты выходцы из «Пятигор»³⁷. При этом редактор и издатель «Материалов для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства..» Д.И. Багалея посчитал «Пятигоръ» селом, но при этом не уточнил точную его локализацию³⁸. Исходя из этого, можно соотносить это поселение либо с современными Пятигорцами на Полтавщине, либо с Пятигорами на Киевщине, либо с Пятигорским под Харьковом. Не исключено, что в данных случаях речь могла идти также и о выходцах из района Пятигорья на Северном Кавказе.

Отметим один любопытный момент: на некоторых сайтах в Интернете отмечено, что село Пятигорское Харьковской обл. было основано в 1685 г. К сожалению, источник этой информации не был указан. Казалось бы, ничто не мешает нам связать поселение Пятигорское с «пятигорскими черкасами», оставшимися на Слобожанщине после походов кабардинского князя Каспулата Муцаловича Черкасского. Однако в «Исторической хронологии Харьковской губернии», изданной в 1862 г. К.П. Щелковым, село Пятигорское при упоминании событий с XVII по середину XIX вв. ни разу не было упомянуто³⁹. В «Списке населенных мест Харьковской губернии по сведениям 1864 г.» поселение с таким названием также не значится⁴⁰. Нет топонима с аналогичным названием и на карте Харьковского наместничества от 1787 г. Однако, по данным этой карты, в этом районе возле сел Лозовеньки и Копанки известны названия деревни – *Подгорье*, а также озера – *Подгорное*. Таким образом, возникновение села с названием *Пятигорское* никоим образом не связано с пребыванием здесь в конце XVII в. черкесов-кабардинцев из Пятигорья, а является более поздним топонимом и имеет отношение к особенностям местного ландшафта.

К осени 1679 г. московское правительство узнало о намерениях османов. Так, стало известно, что султан и Кара-Мустафа планировали завоевать всю Украину до реки Сейм, и уже на 1 апреля 1680 г. был назначен поход на Киев⁴¹. Именно поэтому 17 ноября 1679 г. был обнародован указ Посольского приказа, где была оценена сложность обстановки и намечены меры по пресечению вторжения османов. Среди них была предусмотрена отправка князя Каспулата Муцаловича Черкасского на Днепр для охраны переправ:

«И князь Каспулат Муцалович Черкасской, естли калмыцких тайшей с их ордами удобно туды двинути не может, тогда хотя бы он сам, князь Каспулат Муцалович, с черкесами, при нем будущими, туд ж под Киев поспешил, который на его великого князя службе достойно пригодится может. А именно для того, когда он, гетман, с войсками великого государя, под Киевом обретающимися, с неприятельми турками воинскую роспра-

ву имети будут, тогда бы на сей стороне Днепра он, князь Каспулат Муцалович, с людьми своими черкесскими, к которым и он, могут помочи, не допущал загонов татарских..»⁴².

Князю Каспулату вменялось «стоять на сей стороне Днепра под Переясловем и и-ыных местех на переправах днепровых, а он, гетман, придаст к нему своево полку казаков, чтоб они, став в тех местех, не перепускали татар ис под Киева на сю сторону Днепра»⁴³.

Судя по всему, к концу 1679 г. ситуация не изменилась и турки вскоре отказались от своего намерения захватить Киев. Следовательно, князь Каспулат в начале 1680 г. уже находился у себя дома. Поэтому пятый поход кабардинского князя на земли Украины, под Киев, можно датировать ноябрем–декабрем 1680 г.

В начале 1680 г. обстановка несколько обострилась. В январе 1680 г. крымский хан с крупными силами отправился в набег. Московское командование было застигнуто врасплох. По тревоге были собраны в Сумах Ахтырский и Сумской казацкие полки. Когда стало известно, что в набег идет сам Мурад-Гирей, И. Хованский с имевшимися силами выступил из Курска в Вольный, на западный край оборонительной линии. Татары двигались Муравским шляхом. 19 января они разгромили в Харьковском уезде села Деркачи, Лозовое, Липцы и Боршевое, а также несколько деревень. К самому Харькову они подходить не пытались, опасаясь столкновения с силами Харьковского полка. Были разгромлены казачьи городки Богодухов, Сенное Праворотье и Олышанка на верхней Мерле, а также город Валки. Отдельные отряды прошли на север и северо-восток к полевым городам Харьковского и Ахтырского полков, Белгороду и другим городам, расположенным на черте, выискивая место для возможного прорыва. Захватив полон, татары ушли обратно Муравским шляхом. Их никто не преследовал⁴⁴.

Как видим, к весне 1680 г. над украинскими землями нависла новая угроза вторжения со стороны крымского хана и турецкого султана. В этой напряженной обстановке московские власти стали снова опасаться того, что Киев сможет попасть в руки врага. Именно поэтому 15 марта 1680 г. в своей грамоте Каспулату Муцаловичу Черкасскому московский царь Федор Алексеевич приказывал: «собрався с своими уздени и с калмыцкими тайши и с калмыки со многими людьми, на нашего великого государя службу для того ж дела итти к Киеву с поспешеньем же»⁴⁵. Далее указывалось: «А притить бы тебе, подданому нашему князю Каспулату Муцаловичу к Киеву мал в последних числах или кончае июня»⁴⁶.

Это уже был последний, шестой, поход князя Каспулата Муцаловича на украинские земли, который должен был иметь место с марта по август 1680 г. Он закончился тем, что возобновились переговоры в Крыму.

В ноябре 1680 г. в окрестностях Терского города князь Каспулат Черкасский встретился с Батыршей, послом крымского хана Мурад Герая, направленным в ответ на его посольство в Крым. Батырша сообщил, что турецкий султан приказал крымскому хану отправить посла в Терки для переговоров с князем Каспулатом Черкасским, доверенным лицом московского правительства, и через него передать в Москву о желании заключить мирный договор⁴⁷.

В следующем 1681 году после длительных и непростых переговоров было заключено 20-летнее перемирие с Османской империей и Крымским ханством. По его условиям, Россия сохраняла на правом берегу толь-

ко Киев с округой. Требования Москвы оставить под верховной властью московского царя Запорожскую Сечь были турками решительно отвергнуты. Предложение превратить Правобережье от Буга до Днепра в нейтральную зону, где запрещалось бы строить поселения и крепости, также не прошло. Наоборот, османы начали активное освоение края. В 1681 г. Юрий Хмельницкий, в котором больше не было необходимости, был арестован и отправлен в Турцию. Украинские земли были переданы под управление молдавского господаря Георгия Дуки⁴⁸.

VII

Как видим, в 1676–1681 гг. в войне с Османской империей Московское царство потерпело поражение, и значительная часть Украины оказалась под контролем вассалов турецкого султана. Несмотря на это, московский царь Федор Михайлович стремился щедро отблагодарить тех, кто верно служил ему. Среди них был и кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский.

Личность Каспулата Муцаловича Черкасского интересна еще тем, что позволяет несколько в ином ракурсе посмотреть на характер взаимоотношений Кабарды с Московским государством в XVI–XVII вв. Как нам удалось убедиться, этот кабардинский князь верно служил московскому царю и всегда был готов идти в военный поход по его приказу. В данном случае перед нами типичный образец взаимоотношений сюзерена и вассала. Напомним, что еще в 1661 г. после смерти князя Муцала Сунчалеевича Черкасского его старший сын Каспулат получил от царя Алексея Михайловича «жалованную грамоту на княжение над нерусскими населением Терского города». В жалованной грамоте было написано: «Каспулат-мурзе князю Муцалу сыну Черкасскому за службу деда его Сунчалая, дяди Шолоха и отца князя Муцала, велел быть ему князем над окочанами и черкасами в Терском городе и судить их, в ратном строении и во всех делах и ходить на царскую службу во все походы»⁴⁹. Создается впечатление, что во второй половине XVII в. Кабарда уже прочно входила в состав Московского государства. Именно эта деталь позволяет вспомнить о давней спорной проблеме.

Так, в 1957 г. в СССР помпезно было отпраздновано «400-летие добровольного вхождения Кабарды в состав России». К этому событию были, как раз, и изданы два тома сборника документов «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.». С этим в корне был не согласен черкесский историк-эмигрант Р. Трахо. Накануне подготовки к помпезному празднованию этого «исторического события» он, в частности, отметил: «Тут мы имеем дело с новой попыткой интерпретации истории нерусских народов, которую мы наблюдаем у советских историографов, как общую «генеральную линию» партии. Мы не будем подробно разбирать абсурдность этих утверждений, чтобы не нарушить последовательности изложения исторических фактов, на основании которых можно легко установить, что вообще присоединения Кабарды к России не было»⁵⁰.

Подобных взглядов придерживаются многие современные исследователи Кабардино-Балкарии. По этому поводу А.А. Журтова в своей статье «Проблема вхождения Кабарды в состав России в современной отечественной историографии» отметила: «В частности, возникла концепция, согласно которой между Россией и Кабардой в 1557 году был заключен

военно-политический союз. Ее обосновали такие ученые, как К.Ф. Дзамихов, Б.К. Мальбахов, Г.Х. Мамбетов и др. Данная теория была принята большинством современных исследователей истории Кабарды, хотя продолжают отстаиваться и альтернативные точки зрения»⁵¹.

Что же касается деятельности кабардинского князя Каспулата Муцаловича, то отметим, что из кабардинских князей он был практически единственный, кто находился на службе у московского царя. Он был только один из нескольких князей Кабарды, а не князь всей Кабарды. Его службу московскому царю можно объяснить тем, что он получил от последнего в удельное владение «Терский город». Да и в войске его, кроме кабардинцев, было много калмыков, ногайцев и др. Подобных личностей на службе у московского царя во второй половине XVII в. было немало. Вспомним, например, шотландца Патрика Гордона, который оборонял Чигирин в 1678 г. Пребывание на службе у московского царя Федора Алексеевича кабардинского князя Каспулата Муцаловича Черкасского уж очень напоминает ситуацию с украинским аристократом Дмитрием Вишневецким, который в 50-е годы XVI в. перешел на службу к московскому царю Ивану IV Грозному. Он также прославился своей деятельностью на Северном Кавказе среди черкесов и в Северном Причерноморье. Тогда царь также пожаловал Д. Вишневецкому город Белев с окрестностями в Тульской земле и Д. Вишневецкий стал последним князем Белевским. Однако никто не говорит, что Украина вошла в состав России именно при Иване Грозном, потому что украинский магнат Д. Вишневецкий поступил к нему на службу!

Таким образом, можем констатировать, что в период с 1675 по 1680 гг. в разгар военного противостояния с турками и крымскими татарами кабардинский князь Каспулат Муцалович, по приказу московского царя, совершил шесть военных рейдов на территорию Украины.

Первый поход князя Каспулата Муцаловича происходил через территорию Запорожской Сечи на Крым в сентябре 1675 г.

Свой второй рейд на украинские земли кабардинский князь совершил в марте–сентябре 1676 г., в результате которого он не только достиг окрестностей Киева, но и мог побывать возле Чигирина, который сдал гетман П. Дорошенко московским властям.

В июле–августе 1678 г. кабардинский князь прошел мимо Чугуева и Харькова и после этого он 28 июля этого года достиг Днепра и принимал самое непосредственное участие в обороне Чигирина, которое закончилось 11 августа. Это был третий военный поход кабардинского князя в Украину.

Четвертый военный рейд князя Каспулата Муцаловича Черкасского на земли Украины имел место с 8 апреля по 22 августа 1679 г. и происходил на землях Восточной Украины, называемой Слобожанщина. Целью этого похода была оборона южной границы Московского государства от нападений крымских татар.

Пятый военный поход кабардинского князя на земли Украины имел целью оборону переправ через Днепр на подступах к Киеву и его можно датировать ноябрем–декабром 1679 г.

И шестой, последний, поход князя Каспулата Муцаловича на украинские земли имел конечной целью Киев, который он должен был оборонять от турок и татар с марта по август 1680 г.

Как видим, походы со второго по шестой происходили во время российско-турецкой войны 1676–1681 гг. Нельзя сказать, что они все были

удачны, но в данном случае нельзя игнорировать тот факт, что в это тяжелое для украинцев время им оказали существенную помощь черкесы, которыми командовал кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский.

Примечания

1. Например, об этом событии не упомянуто в монографиях современных украинских историков: *Пасічник М.С.* Україна в період Руїни: 60–80-ті роки XVII століття. Львів, 2006; *Сорока Ю.В.* Чигиринські походи, 1677–1678. Київ, 2012.
2. *Мальбахов Б., Эльмесов А.* Средневековая Кабарда. Нальчик: Эльбрус, 1994.
3. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 55.
4. *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948. С. 35.
5. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 49.
6. *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война. Чигиринские походы 1677 и 1678 гг. СПб., 1911. С. 59.
7. *Костомаров Н.И.* «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы». Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 335.
8. *Попов А.Н.* Турецкая война в царствование Федора Алексеевича // *Русский вестник*. М., 1857. Т. III. С. 297–298.
9. Там же. С. 310.
10. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М.: АН СССР, 1957. Т. I. XVI–XVII вв. С. 362–363.
11. Там же.
12. Там же. С. 423. Прим. 403.
13. *Кудашев В.Н.* Указ. соч. С. 49. Прим. 44–45.
14. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1884. С. 672.
15. *Гордон Патрик.* Дневник 1677–1678. / Пер. с англ., статья и прим. Д. Г. Федосова. М., 2005. С. 92.
16. Там же. С. 146–147.
17. Кабардино-русские отношения ... С. 363.
18. *Костомаров Н.И.* Указ. соч. Исторические монографии и исследования. М.: «Чарли», 1995. С. 7–408.
19. Кабардино-русские отношения ... С. 348–349.
20. Там же. С. 352.
21. Там же. С. 352.
22. Там же. С. 353.
23. Там же. С. 360.
24. Там же. С. 354–355.
25. *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть II* / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 122–123, 125–126.
26. Кабардино-русские отношения ... С. 360.
27. *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 297–298; *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война. Чигиринские походы 1677 и 1678 гг. СПб., 1911; *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 122–123, 125–126.
28. *Гордон Патрик.* Указ. соч. С. 82.
29. Кабардино-русские отношения ... С. 364.
30. *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.). С. 136; *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 102–118.

31. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. I. С. 370.
32. Там же. С. 370–371.
33. Там же. С. 366.
34. Там же. С. 371.
35. Там же.
36. Там же. С. 371–372.
37. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии. Харьков, 1886. Т. 1. С. 52, 79.
38. Там же. С. 350.
39. Щелков К.П. Историческая хронология Харьковской губернии. Харьков, 2010. 378 с.
40. Харьковская губерния. Список населенных мест по сведениям 1864 г. СПб., 1880. 209 с.
41. Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 136.
42. Кабардино-русские отношения ... С. 372.
43. Там же. С. 373.
44. Загоровский В.П. Указ. соч. С. 110–118.
45. Кабардино-русские отношения ... С. 273.
46. Там же. С. 274.
47. Там же. С. 274–276.
48. Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 136–139.
49. Кабардино-русские отношения ... С. 325.
50. Трахо Р. Черкесы. Нальчик, 1992. С. 11.
51. Журтова А.А. Проблема вхождения Кабарды в состав России в современной отечественной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. Вып. № 6–1 (56). С. 86.

O.B. BUBENOK

UKRAINIAN-KABARDIAN CONTACTS IN THE END OF XVII-TH CENTURY

This article is dedicated to the unknown pages from the history of relations between the Ukrainians and Circassians in the end of XVII century. Exactly at these times, according to the orders of Moscow tsars, a Kabardian prince Kaspulat Mutsalovich Chircaskiy accomplished 6 military raids against the Ottoman Turks and Crimean Tatars to the Ukrainian lands: 1) on September, 1675 – through the Zaporozhskaya Sich to Crimea; 2) on March-September, 1676 – for the protection of Kiev; 3) on July-August, 1678 – through Chuguev fortress to Dnepr river for the protection of Chigirin fortress; 4) on April-August, 1679 – for the protection of lands near Chuguev and Kharkov fortresses against the Crimean Tatars attacks; 5) on November-December, 1679 – for the protection of fords on Dnepr near Kiev; 6) on March-August, 1680 – for the protection of Kiev. The 2–6-th raids took place during the Russian-Ottoman war in 1676–1681. Not all raids were successful but we must not ignore that at these complicated times for the Ukrainians the Circassians with their leader a Kabardian prince Kaspulat Mutsalovich Chercaskiy helped to the Ukrainians substantially. This article testifies not only unknown pages from the history of Ukraine but also it allows to look newly on the character of relationships between Kabarda and the Moscow state in XVI–XVII centuries.

Keywords: Kabarda, Ukraine, Kaspulat Mutsalovich Chercaskiy, Circassians, Ottoman empire, Crimean khanate, Moscow state, military raids.

Н.Д. Кодзоев
(г. Назрань)

БАШЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПЯЛИНГ (ИНГУШЕТИЯ)

Пялинг – крупное башенное поселение Горной Ингушетии замкового типа. Основано оно было переселенцем из башенного поселения Никара общества Терлой. Этногенетические предания свидетельствуют, что сами терлойцы являются переселенцами из средневековой Двалетии.

Ключевые слова: Башенное поселение Пялинг, памятники, башни, башенное поселение Никара, общество Терлой, терлойцы, этногенетические предания, миграция, Хевсуретия.

Башенное поселение Пялинг расположено на отроге хребта Цорой-Лом (Цхьорой-Лоам) в Джейрахском районе Республики Ингушетия. Пялинг является родовым поселением рода Полонковых.

Вблизи Пялинга расположены башенные поселения Евловых: в 1,9 км к юго-западу от Пялинга расположено башенное поселение Йовли, в 1,4 км западнее Пялинга-Ний. На западе земли Пялинга граничат с землями башенного поселения Барах.

Название «Пялинг» (вероятно изначальное звучание «Пхьялынг») возможно произошло от слова «пхья» – «поселение» и уменьшительного окончания «-инг». «Пхья» – древнее слово, обозначающее «поселение». Оно существовало в горной Чечне и Ингушетии до заимствования тюркоязычных наименований населенных пунктов (аул, юрт). У бацбийцев оно в живом языке существует и поныне. В нагорной Чечне и Ингушетии корень «пхья» встречается во многих топонимах: «Пхья-метой» (Шатой), «Пхья-коча» (Итум-Кали), «Цай-пхьеда» (Малхиста), «Пхьялинг» и «Пхья-мат» (Ингушетия), «Накари-пхьеда» (святилище в Хевсуретии...)»¹.

Пялинг является крупным башенным поселением замкового типа. В разное время оно изучалось В.Ф. Миллером², Л.П. Семеновым³, И.П. Щерблякиным⁴, Е.И. Крупновым⁵, Н.Ф. Устольской⁶, В.П. Кобычевым⁷, Д.Ю. Чахкиевым⁸.

В верхней части Пялинга в настоящее время «можно видеть относительно хорошо сохранившиеся 4 боевые, полуразрушенные или уже руинированные 14 жилых башен с различными пристройками, оборонительными стенами периода позднего средневековья»⁹.

Комплексы, состоящие из жилых и боевых башен, хозяйственных построек, обнесенные оборонительной стеной, высотой до 4 метров, составляли отдельные замки¹⁰. В верхней части Пялинга выделяются отдельно расположенные четыре замковых комплекса (рис. 1–4).

На южных фасадных стенах двух боевых башен Пялинга под машикулями-балкончиками на уровне пятого этажа имеется изображение в виде человека с широко расставленными ногами, искусно выложенные путем выборки камней. (Рис. 5).

На одной из боевых башен верхней части Пялинга исследователями отмечен петроглиф (графические изображения на поверхности камня), изображающий крест в виде буквы «Т»¹¹ (рис. 6).

Т-образный крест был широко распространен в древности у многих народов мира. У разных народов он являлся символом Солнца, означал грозу, молнию, ураган и дождь. В Древнем Египте он обозначал плодородие и жизнь, в Скандинавии – молот Тора. У друидов Галлии такой крест, изготовленный из дубовых веток, либо бревен, олицетворял друидического бога дерева. У языческих германцев и кельтов Т-образный крест иногда обозначал божественный деревянный молоток или двуглавый молот бога дождя. «Часто встречается на египетских и коптских монументах, но также у халдеев, финикийцев и у других древних народов... Был изображен на гигантской изумрудной статуе бога Сераписа. Известен как эмблема египетских богов, символ жизни, знак доброты и вознаграждения. Встречается в захоронениях на груди египетских мумий»¹².

Петроглифы, имеющиеся на башнях Горной Ингушетии использовались горцами как тамги при клеймении скота.

Выше Пялинга 1,1 км от поселения находится место, где «местные жители вплоть до конца XIX в. активно совершали моления и жертвоприношения в честь языческого божества Елта – покровителя охотников, «царя» лесов и зверей»¹³.

Вблизи Пялинга находится 2 склеповых могильника (инг. «маьлхара кашамаш»). Первый могильник, состоящий из семи надземных коллективных склеповых гробниц, располагается на юго-восточной окраине поселения на крутом горном склоне: 4 склепа – двухэтажные, 3 – одноэтажные. В склепах были обнаружены уникальные находки: женские головные уборы «курхарс», другие виды одежды, украшения, оружие, предметы быта и т.д.¹⁴ (рис. 7). Л.П. Семенов и Д.Ю. Чахкиев датировали эти склепы XVI–XVIII вв.¹⁵

Об археологическом материале XV–XVII вв. из надземных склепов горных башенных поселений Пялинг, Эгикал, Хамхи, Эрзи и др. Е.И. Крупнов писал: «В этих «кашах» – «домах мертвых», содержащих до 3–4 и более десятков высохших мумий, почти не имеющих погребального инвентаря, встречается богатое захоронение. На таком покойнике можно видеть и крупные височные кольца из серебра, и множество различных бус, и оригинальные женские головные уборы в виде конька с серебряной бляхой посередине, образцы привозного сукна, шелковые ткани и иные вещи»¹⁶.

Второй склеповый могильник, состоящий из трех надземных склепов, находится на северо-западной окраине поселения. (Рис. 8–10). «Сравнительно небольшие размеры погребальных камер склепов наглядно свидетельствуют, что они были предназначены для совершения только ограниченного количества захоронений»¹⁷, т.е., вероятно, что эти склепы были семейными. Называется этот могильник «Чаненаькъан маьлхара кашамаш» («Погребальные склепы [букв.: солнечные могильники] Чаниевых»)»¹⁸.

Вблизи Пялинга находится также мусульманское кладбище (рис. 11).

В нижней части Пялинга находится башенный комплекс рода Евловых, который многие исследователи называли «замком Евловых» (рис. 12). Сохранилась фотография «замка Евловых», сделанная в 1929 г. И.П. Щерблыкиным, на которой запечатлен первоначальный вид этого замка¹⁹ (рис. 13).

Вблизи нижней части Пялинга, на юго-восточной его окраине находятся три полуразрушенных надземных погребальных склепа: два – двухэтажных и один – трехэтажный²⁰. В 60 метрах восточнее поселения находится еще один надземный склеп. «Согласно визуальному осмотру, погребаль-

ная камера содержит одиночное захоронение (по всей вероятности, подростка) конца XVIII в.»²¹.

На южной окраине Пялинга, на горной лесистой вершине Д.Ю. Чахкиевым зафиксированы руины некогда стоявшего здесь храма-святилища «с прямоугольным основанием и двускатно-ступенчатым (сланцевым) покрытием»²². Исследователь топонимии А.С. Сулейманов называет его «Гал-цѡа», а место, где он стоял – «Гал-цѡеношке». По его мнению, храм посвящен богу-быку – Гал²³. Сомнительно, что в слове «Гал» мы имеем «бога-быка», т.к. в Горной Ингушетии не зафиксировано ни одного храма, посвященного этому богу. Вероятно, что название храма было «Гял-Цѡа» (по названию хребта Гял-лоам) или «Хѡал-цѡа» (Хѡал – имя ингушского языческого бога неба. Часто, по традиции, идущей еще с XVIII–XIX вв., исследователи слово «Хѡал» заменяли на «Гал». Так, название храма Хѡал-Ерд, большинством исследователей записано как «Галь-Ерд»).

В 50 м восточнее Пялинга, у родника, считающегося целебным, находится столпообразное святилище. Впервые оно было отмечено Л.П. Семеновым²⁴. «Согласно преданию, данное святилище было торжественно возведено над «благословенным» целебным родником в XVIII в.»²⁵.

Также вблизи Пялинга, на северной его окраине «находилось очень почитаемое местными жителями культовое место, где совершались моления и жертвоприношения»²⁶, называемое «Цѡича кхиериге» («Место у красного камня»)»²⁷.

До наших дней сохранились названия пахотных, пастбищных и сенокосных участков, наименования некоторых мест, родников, рек расположенных вблизи Пялинга: Ончие – пашни на восточной окраине поселения; Биелтѡие – урочище на окраине Пялинга; Сай-босе тѡехъашке – «Место за склоном оленя»; Кхизгѡие – пашни на западной окраине; Шийлча хишка (букв.: «К холодным речкам» – сенокос на западе от поселения; Кхуора хъастие – «к источнику груши»; Гийтѡие – сенокос и пашни на южной стороне от поселения; Хъайражтѡие (букв.: «На мельницах») – пастбище; Байуллачѡие (букв.: «Где луг лежит») – пастбище на южной стороне от поселения; Вовхѡиртѡие – пастбище в районе Шийлча хишка; Іамгѡалтѡие – урочище на северной стороне от поселения; Бажаргѡштѡа – урочище на северной стороне от поселения; Хора-цѡн (букв.: «Покосное место Хора») – общественный сенокос на юге от поселения»²⁸.

Северная сторона поселения защищена горами. К нижней части Пялинга примыкала высокая заградительная стена. «Она имела широкие запирающиеся ворота, у которых постоянно находилась хорошо вооруженная стража, контролирующая пролегавшую здесь благоустроенную торгово-транспортную и военную магистраль («Дорогу ингушей»). За проход взималась определенная плата. В стене были боевые площадки, ниши, бойницы, а сверху размещались насухо выложенные крупные камни, которые сбрасывались на головы осаждавших. Толщина стены у основания – 0,6 м. Сложена стена была тщательно, на известковом растворе. Кладка стены полигональная, приближающаяся к порядковой. Покрыта она была толстым слоем светло-желтой штукатурки»²⁹.

Основной урон памятникам Пялинга и вообще всей Горной Ингушетии был нанесен в период депортации ингушского народа в Северный Казахстан в 1944–1957 гг., когда, стараясь стереть память об ингушском народе, карательными отрядами НКВД уничтожалось все, что напоминало

о нем – взрывали башни, расстреливали их из пушек, сжигали, заливая бензином содержимое погребальных склепов.

По этногенетическим преданиям Полонкыевы считают основателем Пялинга своего предка по имени Белиг сын Никара.

Белиг является выходцем из башенного поселения Никара, входившего в общество Терлой (Терлой мохк). Расположено поселение Никара в удобном для обороны месте – на гребне горы, с двух сторон прорезанной ущельями рукавов бурной реки Никархой-Ахк (Никархой-Арк) или Терлой-Ахк (Терлой-Арк), сливающихся в одну реку немного ниже поселения (рис. 14–16).

Общество «Терлой» получило свое название от слова «тѣра» – «верхний». «Некоторые горцы называют терлойцев «терий». «Тера-лой» и «терий», несомненно, произошло от слова «тера» – «верхний». Следовательно, «терлой» обозначает «верхние»»³⁰.

В Никара имеются шестиэтажная боевая башня с пирамидально-ступенчатой кровлей (рис. 17), пятиэтажная полубоевая башня (рис. 18) и около десятка двух-, трех- и четырехэтажных жилых башен, составлявших единый башенный комплекс, огражденный ранее каменной стеной. Хорошо сохранилась боевая башня. Жилые башни – полуразрушены. В основном снесены верхние части башен. После выселения жителей этих мест в феврале 1944 г. башни обстреливались из пушек карательными отрядами НКВД – снарядами сносили крыши и верхние этажи, чтобы оставшиеся в горах ингуши и чеченцы не смогли ночевать в этих башнях.

Чеченский исследователь М.Х. Ошаев, посетивший Никара в 1964 г. отмечает: «Никарой – по-видимому, самый древний и наиболее густо заселенный аул во всем ущелье Терлой-Ахк. Об этом говорит уже то, что река Терлой-Ахк наряду с этим названием носит и другое название – Никарой-Ахк. Кроме значительного количества разрушенных саклей горского типа, в Никарое имеется десять жилых башен, не считая башнеобразных пристроек. Отличительная их особенность в сравнении с жилыми башнями других населенных пунктов ущелья – мощность и хорошая кладка. По-видимому, складывали их искусные мастера. Жилые башни имеют строгие линии, кладка тщательная, и каждая башня сохраняет свои особенности. Если в других башнях ущелья встречаются центральные каменные колонны, проходящие через все этажные перекрытия и поддерживающие кровлю, то здесь их почти нет. Есть башни трех- и четырехэтажные, а одна – пятиэтажная – по сути является сочетанием боевой башни с жилой. На весь этот комплекс сооружений имеется одна боевая башня, тщательно сложенная из плиточного камня на известковом растворе.

При взгляде со стороны Никарой напоминает старинный средневековый замок, построенный в малодоступном месте. Сооружения спускаются по крутому склону как бы каскадом.

Бросается в глаза одна особенность: жилые башни стремились выстроить в ряд, чтобы между ними оставалось подобие улицы»³¹.

Вблизи Никара отмечен лишь один склеповый могильник, наполовину выдолбленный в скале. Но М.Х. Ошаев отмечает, что «по рассказам горцев, недалеко есть и другие склепы». На камень, венчающий вход в склеп, нанесен узорчатый орнамент»³².

В Никара исследователями отмечено культовое место, посвященное Матери (богине) страны – Мехка Нана (Мерка Нана). Возможно, что в древности на этом культовом месте стоял храм, посвященный Богине

страны. Такое предположение высказал собиратель топонимии А.С. Сулейманов³³. «Здесь проводились культовые праздники и церемонии в период пробуждения природы... Праздник «Меркан Нана» проходил в марте–апреле перед началом весенней пахоты. К празднику никаройцы избирали в «Меркан Нана» самую красивую девушку из аула, лет 15–17, наряжали ее, на голову надевали «Зезаган кочур» – венок из пестрых цветов, который плели девушки, и только при лунном свете. Предварительно готовили первотелку красной масти, на шею вешали надочажную цепь, которая гроыхала по камням. К ее рогам привязывали пестрые ленты, которые развевались по ветру. «Меркан Нана» – девушка-богиня – вела ее за веревку, и весь народ с пением гимнов в честь богов с вином, хлебом и сыром шел вслед за Меркан Нана, шли все от мала до велика, даже очень престарелые: если кто-нибудь из них не в силах был идти, то их сажали на лошадей. Вся эта процессия обходила аул и приходила к храму. Жрец вместе с толпой и Матерью Земли – «Меркан Нана» – три раза обходил вокруг храма, исполнял соответствующие магические знаки и резал корову в жертву пробуждающейся природе. Кровью жертвенного животного всем присутствующим «Меркан Нана» ставила пальцем метки на лбу»³⁴.

Мехка-нана – богиня ингушского языческого пантеона. По представлениям ингушей она обитала на горе Бешлоам (Казбек). В ингушском фольклоре говорится о Мехка-нана: «На горе Бешлоам-Корт живет Дарза-нана (Мать вьюг), у подножья горы – Мехка-нана (Мать страны). Раньше жители Гвилети ее высоко чтили и обязательно ей молились, прежде чем взойти на гору Бешлоам. Эта богиня помогала путникам и тем, кто ходил в горы. Мехка-Нана знает, где на горе спрятаны клады. Осенью она по низу горы протягивает невидимую нами веревку, и кто ее перейдет, тот неминуемо замерзнет»³⁵. Мехка-нана также является персонажем ингушского нартского эпоса³⁶. Ингушская героическая песня под названием «Махкинан» («Мехка-нана») была записана в ауле Гвилети В. Козьминым и опубликована в газете «Кавказ» в 1895 г.³⁷

На стенах ряда жилых и полубоевых башен поселения Никара отмечены многочисленные петроглифы (изображения животных, солярных знаков и т.д.) (рис. 19–22).

В настоящее время общество Терлой входит в состав Чечни. Но исторически это общество являлось ингушским обществом и в нем проживали ингуши.

Исследователи предполагают, что жители Никара и всего общества Терлой – это недавние переселенцы с другой территории, так как в Терлое зафиксированы наиболее развитые формы башенной архитектуры (боевые башни с пирамидально-ступенчатой кровлей и сводчатым потолком на уровне второго этажа, пятиэтажные полубоевые башни, арочные проемы с замковым камнем, культовые памятники и т.д.), в то время, как отсутствуют архаичные постройки, которые свидетельствовали бы о преемственности местных архитектурных традиций³⁸. Вероятно, что эти поселения строились не ранее второй половины XVI–XVII в. Л.П. Семенов и В.И. Марковин также датировали боевые башни Никароевского ущелья XV–XVII вв.³⁹ М.Х. Ошаев датирует их XV–XVI вв.⁴⁰

Вполне вероятно, что никаройцы-терлойцы являются переселенцами с запада – с территории Двалетии в конце XV–XVII в. Об этом свидетельствуют и родовые предания терлойцев, о чем будет сказано ниже.

Н.Г. Волкова отметила, «что факты передвижения ингушей на восток, некогда живших значительно западнее современных районов их обитания, отразились в осетинских преданиях... Эти предания рассказывают, что ингуши в прошлом обитали в Куртатинском и Даргавском ущельях»⁴¹.

О том, что ингуши некогда жили на территории современной Осетии (средневековой Двалетии), в границах Куртатинского и Даргавского ущелий, имеются и предания, записанные у осетин, которые были приведены Л.П. Семеновым⁴².

Осетинский исследователь В.Х. Тменов отмечал, что «...аналогичные предания о пребывании ингушей в Тагаурии (в Санибанском ущелье) и последующем вытеснении их отсюда засвидетельствовал в 1926 г. Г.А. Кокеев, которому местные жители даже показывали ряд склепов башенного типа, расположенных по левую сторону дороги между Верхней и Нижней Саниба и называемых ими «ингушскими»»⁴³.

По ингушским преданиям Санибанское ущелье «считается родиной ингушских нартов и самих ингушей»⁴⁴.

В осетинской «Легенде о происхождении тагаурских алдар и куртатинских таубиев» говорится, что Тага из Уаласихе [Куртатинское ущелье] «бежал отсюда в Даргавское ущелье, где в то время жили ингуши. Выгнав ингушей из ущелья, он расположился там жить. Курта же, остался жить в Уаласихе, а потому и само ущелье носит название «Куртатинского»»⁴⁵.

В преданиях терлойцев, записанных М.Х. Ошаевым, их происхождение связывается с территорией Осетии и Ингушетии. М.Х. Ошаевым записано у терлойцев два предания, приведенные ниже.

«В очень давнее время в район Терлой из Осетии пришел человек по имени Талат, сын Элды. Ему понравилось место Эль-пхъа и он решил поселиться здесь. На возвышении посреди поймы реки Терлой-Ахк он построил три боевые башни... и стал здесь жить. Другой человек по имени Берк-Бич построил боевые башни в Кирд-Бавнаш»⁴⁶. По этногенетическим преданиям терлойцев Талат, сын Элды считается родоначальником одной части терлойцев, живших в поселениях Эль-пхъа, Сени, Джелашки, Утий и поселения Шунди, находящегося в другом ущелье. «Родоначальником другой части терлойцев считается Берк-Бич, и аулами их являлись Кирд-Бавнаш, Басхо, Гезихо, Коричу, Кхенах, Бушни, Никарой»⁴⁷.

Во втором предании, записанном М.Х. Ошаевым, говорится, что люди пришедшие из Осетии в Ингушетию, перемешались с ингушами, а потом один из них пошел искать пропавших коров и дошел до местности Эль-пхъа и решил остановиться здесь. «На холме построил две башни. Родилось у них пятеро сыновей. Сыновья подросли и разошлись в разные стороны. Один поселился в Джелашках, второй – в Сени, третий – в Барой, четвертый – в Ути, а пятый остался в Эль-пхъа с отцом»⁴⁸.

Терлойцы помнят о своей первоначальной родине – территории современной Осетии. Но на этой территории в средневековье жили ингуши-двалы. Грузинский исследователь В.Н. Гамрекели отмечал, что двалы – это не осетины, не из осетинского племени, что это те же дзурдзуки⁴⁹.

Так, как в наше время эту территорию населяют осетины (ираноязычный народ), то терлойцы считают и себя потомками осетин, перемещавшихся с ингушами. На самом же деле, они изначально принадлежали к племени дзурдзуков – будущих ингушей.

Ингушские общества, располагавшиеся в верховьях Аргуна, были позже – в XIX в. известны под именем «дальние кистины».

Согласно этногенетическим преданиям Полонковых, через некоторое время после основания поселения Никара, Белиг и его братья из-за кровной мести вынуждены были уйти из Никара.

Белиг – родоначальник рода Полонковых, приходившийся племянником Евлоевым, поселился рядом с ними, недалеко от Евли на пустующем месте основав поселение Пялинг.

Сами Евлоевы поселились в Евли (Йовли) незадолго до прихода к ним Белига. Л.П. Семенов, записавший в 1932 г. этногенетическое предание от «сына Инала Евлоева», пишет: «Родоначальник Евлоевых считается выходцем из Грузии. Первоначально Евлоевы жили в опустевшем ныне селении Евлой. Они вступили в борьбу с Мездоевыми, жившими по соседству, и вытеснили их»⁵⁰. Евлоевы считают, что в Хевсуретии им принадлежали селения Ахиели, Чимга и Амга⁵¹.

«О том, что в Архотах в прошлом жили ингуши, говорят исторические предания, архитектурный стиль архотских башен, культовые институты, топонимия»⁵². Исторические предания хевсур повествуют о том, что Архоты были заселены «грузинами (хевсурами. – *Авт.*), перешедшими горы и вынужденными уйти со своих мест обитания из-за нападения леков (лезгин. – *Авт.*). Эти же факты отразились в ингушских исторических преданиях»⁵³.

О времени ухода ингушей с территории современной Хевсуретии Н.Г. Волкова пишет: «Можно предположить, что уход ингушского населения из Архотского ущелья, как и с Охкарохи, относится к концу XVII – началу XVIII в., а возможно, и более раннему периоду». Грузинские историки М.И. Джандиери и Г.И. Лежава относят заселение Архот хевсурами к XVII в.⁵⁴

Вполне вероятно, что к этому времени относится и уход Евлоевых с территории современной Хевсуретии и поселение их в Евли. Поселиться рядом со своим поселением, пусть хоть и своему племяннику, но представителю другого рода, Евлоевы, численность которых в то время, вероятней всего, была мала, разрешили, только лишь с целью иметь рядом союзника в случае вражды с представителями других родов.

Иллюстрации:

Рис. 1. Пялинг. Слева расположены башни Полонковых, справа (ниже) за оврагом – башни Евловых.

Рис. 2. Башенное поселение Пялинг (верхняя часть).

Рис. 3. Башенное поселение Пялинг (верхняя часть).

Рис. 4. Сторожевая (боевая) башня в Пялинге.

Рис. 5. Изображение в виде человека с широко расставленными ногами на боевых башнях Пялинга.

Рис. 6. Петроглиф на башне в верхней части Пялинга.

Рис. 7. Склеповый могильник (маълхара кашмаш)
башенного поселения Пялинг.

Рис. 8. Погребальный склеп.

Рис. 9. Погребальный склеп.

Рис. 10. Погребальный склеп.

Рис. 11. Мусульманское кладбище у башенного поселения Пялинг.

Рис. 12. Замок Евловых в Пялинге (современный вид).

Рис. 13. Замок Евловых
в нижней части Пялинга. 1929 г. Фото И.П. Щеблыкина.

Рис. 14. Башенное поселение Никара
в ущелье р. Терлой-Ахк (современная Чечня).

Рис. 15. Башенное поселение Никара.

Рис. 16. Башенное поселение Никара.

Рис. 17. Сторожевая (боевая) башня в Никара.

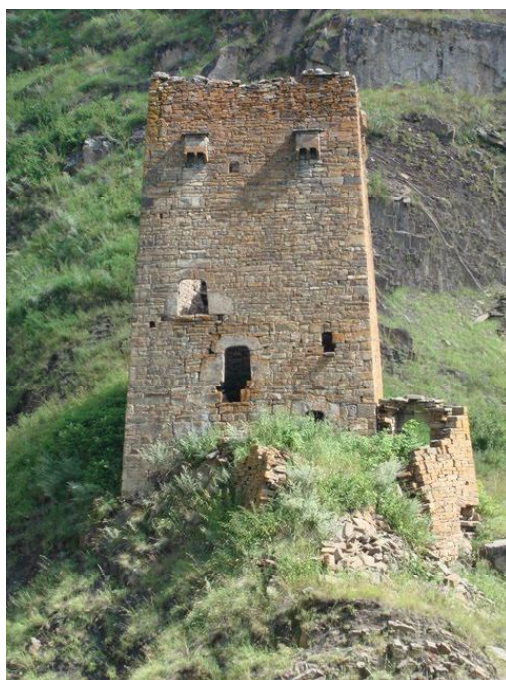

Рис. 18. Пятиэтажная полубоевая башня в Никара.

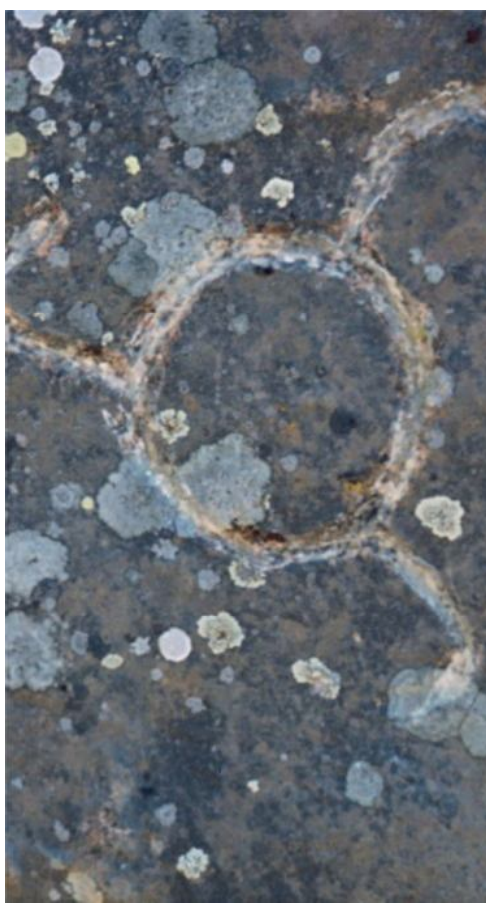

Рис. 19. Петроглиф – солярный знак на стене башни Никара.

Рис. 20. Петроглифы, изображающие животное и солярные знаки на жилых башнях Никара.

Рис. 21. Петроглиф в виде буквы «П» на жилой башне Никара.

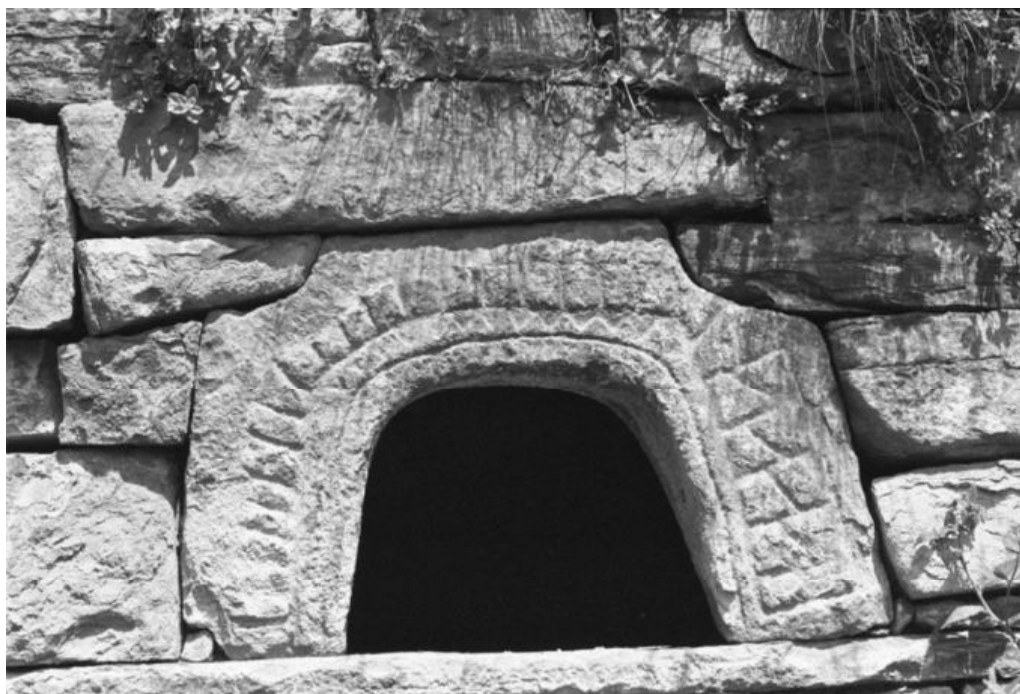

Рис. 22. Линейные петроглифы на арочном проеме на башне в Никара.

Примечания

1. Ошаев М.Х. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой Ахк (горная Чечня) // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1966. Вып. 1. Т. VII. С. 155.
2. Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // МАК. М., 1988. Вып. 1. С. 7, 38, 40.
3. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963. С. 91–92, 94, 103–104, 135.
4. Щерблякин И.П. Полевой дневник за 1930 г. // Архив ЧГОМ. ОС 4880. Д. 17.
5. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
6. Архив ЧГОМ. Ф. 19. Д. 142 (материалы Н.Ф. Уствольской и Н.А. Сабурова 1938–1940 гг.).
7. Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982.
8. Чахкиев Д.Ю. Исследования в Горной Ингушетии // АО, 1980. М., 1981. С. 119; Чахкиев Д.Ю. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами – «Голгофами» // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1990. С. 53–54; Виноградов В.Б., Чахкиев Д.Ю. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье // СЭ, 1984. № 1. С. 105; Чахкиев Д.Ю. Мастера-строители у вайнахов в XVII – начале XIX в. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987. С. 98; Азиев М.А., Марковин В.И., Чахкиев Д.Ю. Каменная летопись страны вайнахов. Памятники архитектуры и искусства Чечни и Ингушетии. М., 1994. Рис. 47; Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Нальчик, 2009. Т. II. С. 36–42.
9. Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Т. II. С. 36.
10. Там же.
11. Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Т. I. С. 107.
12. Андреева В., Куклев В., Ровнер А. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы. М., 2004. С. 482.
13. Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Т. II. С. 39. Там же.
14. Там же. С. 38.
15. Семенов Л.П. Указ. соч. С. 112; Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Т. II. С. 38–39.
16. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. С. 165.
17. Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Т. II. С. 39.
18. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1978. Ч. 2. С. 77.
19. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 65.
20. Семенов Л.П. Указ. соч. С. 112; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. С. 165; Чахкиев Д.Ю. Исследования в Горной Ингушетии. С. 119–120; Чахкиев Д.Ю. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами – «Голгофами». С. 4; Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Т. II. С. 41.
21. Чахкиев Д.Ю. Исследования в Горной Ингушетии. С. 119; Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Т. II. С. 41.
22. Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Т. II. С. 41.
23. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 2. С. 78.
24. Семенов Л.П. Указ. соч. С. 154; Там же. С. 104.
25. Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Т. II. С. 42.
26. Там же.
27. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 2. С. 78.
28. Там же. С. 77–78.
29. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Т. II. С. 40.
30. Ошаев М.Х. Указ. соч. С. 155.

31. Там же. С. 160–161.
32. Там же. С. 161.
33. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. Ч. 1. С. 43.
34. Там же. С. 43–44.
35. Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2003. Т. 1. С. 71.
36. Антология ингушского фольклора. Т. 4. Нальчик, 2006. С. 238.
37. Махкинан. (Фея гор). (Ингушевская песня-легенда) // Газ. «Кавказ», 1895. № 98.
38. Ошаев М.Х. Указ. соч. С. 162.
39. Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях реки Чанты-Аргун // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963; Ошаев М.Х. Указ. соч. С. 161.
40. Ошаев М.Х. Указ. соч. С. 162.
41. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1972.
42. Семенов Л.П. Указ. соч. С. 27.
43. Тменов В.Х. Несколько страниц из этнической истории осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С. 124.
44. Семенов Л.П. Указ. соч. С. 27; Далгат Б.К. Страничка из северо-кавказского богатырского эпоса // Этнографическое обозрение. 1901. Т. 4. С. 37, 79.
45. ТВ. 1893. № 37. 28 марта.
46. Ошаев М.Х. Указ. соч. С. 157.
47. Там же. С. 157.
48. Там же. С. 157–158.
49. Гамрекли В.Н. О племени двалов // Труды для этнографии Грузии. Т. IX. Тбилиси, 1957.
50. Семенов Л.П. Указ. соч. С. 116.
51. Куркиев Р.С. О древнем роде Евловых. Назрань, 2014. С. 40–41.
52. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 151.
53. Там же. С. 152.
54. Джандиери М.И., Лежава Г.И. Архитектура горных районов Грузии. М., 1940. С. 7.

N.D. KODZOEV

TOWER SETTLEMENT PYALING (INGUSHETIA)

Pyaling is a big tower settlement of the castle type in the Mountainous Ingushetia. It was founded by the migrants from the Terloy community from Nikara tower settlement. According to the ethno genetic legends, the Terloys represent migrants from the medieval Dvaletia.

Keywords: the tower settlement Pyaling, memorial sites, towers, the tower settlement Nikara, the Terloy community, the Terloys, ethno genetic legends, migrations, Khevsuretia.

А.А. Остахов
(г. Североморск)

КРИЗИС УДАРНОЙ МОЩИ ГОРЦЕВ В ЭПОХУ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: НА ПРИМЕРЕ ЧЕРКЕСОВ

Статья рассматривает кризис ударной мощи как одну из форм проявления тактического кризиса, являвшегося главной причиной поражения черкесов и других кавказских горцев в Кавказской войне. В ходе исследования выявлены причины кризиса ударной мощи, степень его негативного влияния на боеспособность черкесов и их попытки решить эту ключевую проблему.

Ключевые слова: черкесская конница, ударная мощь, русская пехота, каре, ружейный огонь, штыковой бой, артиллерия, картечный огонь, кризис ударной мощи, тактический кризис, «конное сальто», «бычий натиск», «пожарная атака», «низкая подрезка».

Основной причиной поражения черкесов и других горцев в Кавказской войне был тактический кризис, одной из форм проявления которого был кризис ударной мощи. Он заключался в том, что мощные таранные удары черкесской конницы были неспособны прорвать строй русской пехоты, неприступность которого обеспечивалась плотным ружейно-артиллерийским огнем и каре. Из-за этого сокрушительные удары адыгской кавалерии, которые, в свое время, не выдерживали даже ливонские рыцари, разбивались о русское каре, словно морские волны о скалы. В итоге, конный удар как базовый структурный элемент черкесской тактики становился дисфункциональным, отчего черкесское воинство лишалось возможности взломать боевой строй неприятеля и навязать ему рукопашный бой для истребления его живой силы. Бой стал протекать по следующей схеме: черкесы неоднократно атакуют русское каре, проявляя героизм и храбрость, но каждый раз их отбрасывают, в конце концов, заставляя покинуть поле боя с большими потерями и без победы. Даже во время преследования отступающих после карательных вторжений в Черкесию российских войск, когда атаки охваченных яростью черкесов превращались в бешенный натиск, все заканчивалось тем, что отдельным храбрецам все-таки удавалось прорваться сквозь строй, но все они гибли на русских штыках.

Основным средством отражения ударов черкесской конницы и пехоты была артиллерия, поэтому ее можно смело считать одной из главных причин кризиса ударной мощи адыгов. Именно в этой ситуации она раскрывала свою великую мощь и становилась истинным богом войны. На поле боя картечный огонь русской артиллерии, словно коса смерти, срезал целые ряды адыгских всадников и пехотинцев. Мало того, он сводил на нет их численное преимущество и неудержимую отвагу. Под его прикрытием малочисленные отряды русских солдат и казаков чувствовали себя в полной безопасности. Именно поэтому во время экспедиций они берегли свои пушки как зеницу ока. Не зря, солдаты-кавказцы прозвали пушку «грозой горцев», что лучше всего говорит о ее незаменимой роли в условиях Кавказской войны.

В качестве наглядного примера, приведем сражение между русским отрядом генерала Семена Георгиевича Гангеблова и нутхайцами под Анапой (май 1807). Подробное описание этого события содержится в мемуарах одного из его участников, графа Л.-В.-Л. де Ропешуара: «В одну минуту нас окружило шесть тысяч всадников, вооруженных ружьями, саблями, пистолетами, пиками и даже луками, стрелявшими остроконечными стрелами, причинявшими тяжелые поражения. Нас ждала гибель: если бы генерал заранее не построил войска в *каре*, при нападении столь яростном и внезапном, ни одному из нас не удалось бы спастись. Застрельщики поспешно отступили к *каре*, легли, чтобы дружным залпом двух рядов встретить первый натиск нападающих. Генерал, находящийся в центре, приказал зарядить картечью пушки, из которых можно было стрелять, не рискуя ранить своих людей; *картечь произвела ужасное действие на полчища конницы*: около двухсот человек легли на месте; оставшиеся в живых устремились в атаку с новой яростью; тщетно самые отважные храбрецы пытались прорвать наши ряды; *об европейскую тактику и хладнокровие солдат усилия их разбивались бесплодно*. Они старались проникнуть сквозь интервалы до наших пушек, артиллеристы падали около своих орудий, сраженные пистолетными выстрелами и даже сабельными ударами. Генерал приказал трем стрелковым ротам встретить штыками неустрашимых наездников и заставить их отступить; я принял участие в этой атаке, при чем подо мной была убита лошадь, но я сам не получил ни малейшей царапины. Наш *меткий огонь и штыковая атака* рассеяли полчища всадников и дали нам возможность продолжать отступление, сражаясь на протяжении двух с лишком верст»¹. Этот бой ярко и детально демонстрирует кризис ударной мощи черкесов и его главную причину – подавляющую мощь картечного огня русской артиллерии. Однако здесь просматривается еще один важный момент: артиллерия все-таки была уязвима, поэтому ее безопасность обеспечивало пехотное *каре*. Следовательно, их слаженный тактический дуэт (артиллерия + *каре*) был фундаментом многочисленных побед российского воинства над грозной черкесской кавалерией.

Кстати, по аналогичному сценарию происходило множество других боев между русскими и черкесами. Среди них такие крупные сражения, как Марьевское (1779), Татартубское (1785) и Баталпашинское (1789). В ходе этих сражений российская армия не утруждалась исполнением изощренных тактических ходов и комбинаций, она просто выстроилась в три больших *каре* и поставила под их прикрытие пушки. В итоге, органичное взаимодействие этих двух средств обеспечило поражение адыгов и других кавказских горцев.

Такое положение дел наблюдалось и в ходе боевых схваток между черкесами и казаками, основное преимущество которых заключалось в артиллерии. Без нее черкесская конница обычно громила казаков, как бы храбро и самоотверженно они ни сражались. Вот один из таких ярких примеров: «...и вот в сентябре 1804 года на Кубань ворвались неукротимые шапсуги. Их попробовал было остановить при переправе сам Бурсак, у которого оказался отряд из триста казаков, но *черкесы смяли и отбросили противника*; однако, к счастью Бурсака, на место боя успела прискакать *артиллерия, и губительный огонь пушек остановил черкесов* и дал время оправиться казакам»².

Однако, русская пехота могла отразить черкесские конные атаки даже без артиллерии, с помощью *каре* и залпового ружейного огня. Как пока-

зывала практика, поражающей мощи последнего было вполне достаточно для этой цели, поэтому нередко русские пехотинцы обходились без помощи штыков. Доказательством тому служит один из эпизодов Хапачу-хабльского боя, развернувшегося между адыгами Магомет-Эмина и отрядом генерала Преображенского в ходе Хамкетинской экспедиции (24–30 января 1859). Благодаря мемуарам И. Дроздова сохранилось его детальное описание: «Пехота горская раздвоилась, из-за нее вихрем вынеслось человек пятьсот всадников. Шашки наголо, с распущенными поводьями, эти кавалеристы, казалось, должны были смять все, что попадется им по дороге. <...> На сто шагов, роты встретили горскую конницу таким огнем, что и теперь не даешь себе отчета, были ли это штуцера, с трудом заряжавшиеся, или скорострельные винтовки? Лошади горцев замялись; наконец, шагах в десяти и совсем остановились; два или три всадника ворвались в колонну, но были сорваны с коней и убиты. Атака не удалась. Пока горцы успели повернуть лошадей, их расстреливали почти в упор. Спешенные, под которыми были убиты лошади, бросались на колонну и погибали под выстрелами»³. Здесь налицо проявление кризиса ударной мощи черкесов, обусловленного уже другими причинами – плотным ружейным огнем и каре. Кстати, чаще всего героические подвиги рождались в попытках прорыва каре, нежели в других боевых явлениях: черкесы демонстрировали редкостную отвагу и доблесть, а русские в ответ – упорство и стойкость.

Столкнувшись с кризисом ударной мощи, черкесы не сидели, сложа руки, а всячески пытались его нейтрализовать. Одним из векторов в этом деле было стремление вывести из строя русскую артиллерию с помощью двух средств. Первым из них был снайперский огонь по канонирам. Во время боя, когда черкесские всадники настойчиво атаковали российские отряды, параллельно часть адыгских стрелков вела меткий огонь по русским артиллеристам. Оставшиеся без прислуги орудия не могли стрелять. Набрать новую прислугу в походных условиях было невозможно, т.к. простые солдаты не владели канонирскими навыками. Судя по воспоминаниям И. Дроздова и А. Фонвиля, черкесам удавалось нейтрализовать российскую артиллерию данным способом, но только в ходе длительных многочасовых сражений на пересеченной местности⁴. Последняя предоставляла горским стрелкам широкий выбор удобных огневых позиций.

Вторым средством были подвижные щиты-мантилеты, предохранявшие черкесов от вражеского огня во время приступа. По поводу их конструкции сохранились разные сведения. Согласно Филиппу де Сегюру, щит представлял собой крупную панель, сделанную из двух рядов сколоченных досок и наполненную фашинами, которая устанавливалась на четырехколесной телеге⁵. Однако Джордж Эллис описал несколько иную конструкцию мантилета, заключающуюся в установленном на телеге большом барабане, который наполнялся хворостом, шерстью и другими мягкими предметами, и покрывался шкурой⁶. При этом, между ними не было принципиальных конструктивных отличий. Кстати, по мнению Ф.Л. де Сегюра, изобретателем данных щитов был чеченский вождь Шейх Мансур, впервые применивший их в Татартубском сражении (1785). На наш взгляд, это утверждение ошибочно, ибо кабардинцы применяли аналогичные мантилеты задолго до него, при осаде Марьевской крепости (1779)⁷.

Тактика их применения была следующей. Черкесы дробились на несколько групп, перед которыми ставили мантилеты. Под их прикрытием

они двигались к российским отрядам, избегая потерь от огня последних. Приблизившись к вражеским позициям на достаточно близкое расстояние, адыгские стрелки из-под щитов открывали прицельный огонь по русским пехотинцам, намереваясь ослабить их ряды и броситься в атаку для прорыва каре.

Однако подвижные щиты не принесли черкесам успеха. По утверждению Ф.Л. де Сегюра и В.А. Потто, российская артиллерия легко разносила их в щепки⁸. Но Дж. Эллис указывал на противоположный факт: «Эти машины (щиты – А.О.) были подвижны, отражали ядра и предохраняли их от какого-либо урона. После длительного боя, в котором русские потеряли много людей от огня противника, они пошли на эти ретраншементы в штыковую атаку и вынудили черкесов отступить»⁹. Даже в этом случае, мантелеты адыгов имели весьма ограниченный успех, недостаточный для нейтрализации тактического кризиса.

Другим вектором нейтрализации кризиса ударной мощи черкесов были их многочисленные попытки прорвать пехотное каре российских войск. Все их можно условно разделить на две группы – традиционные и нетрадиционные. Структура традиционных приемов выстраивалась по следующей схеме: ослабление вражеского боевого строя и его последующий прорыв. Сначала черкесы пытались ослабить строй русских солдат с помощью своих обычных тактических средств – серии кавалерийских атак, рассеянного огня кружащихся всадников («конной мельницы») или распыленного огня своих пехотинцев, укрывшихся за залогами. Затем, в случае достижения этого, они переходили в решающую атаку для прорыва каре. Однако на практике все эти мероприятия не принесли черкесами успеха.

Наибольший интерес вызывают нетрадиционные способы прорыва каре. Самым зрелищным из них был прием «конное сальто», заключавшийся в запрыгивании внутрь каре. Для этого, всадник на полном скаку таранил ряды российских пехотинцев, насаживая своего скакуна на штыки и совершая прыжок через их головы прямо из седла. При этом, врезавшийся конь служил ему трамплином для прыжка. Оказавшись внутри боевого строя русских, черкес обнажал шашку и бросался на вражеского командира, начиная с него сечу. Данный прием требовал от наездника недюжинной храбрости и развитых акробатических навыков, поэтому он был под силу далеко не многим горцам. Мало того, несмотря на свою экзотичность, в боевой практике он оказался малоэффективным: русские солдаты быстро расправлялись с черкесскими храбрецами внутри каре, расстреливая их из пистолетов или закалывая штыками¹⁰.

Другим способом прорыва каре у черкесов являлся «бычий натиск». После неудачных кавалерийских ударов, они выпускали на него разъяренное стадо быков (или буйволов), поспевая следом за ним. Быки должны были пробить брешь в строю русских пехотинцев, сквозь которую черкесские бойцы ворвались бы внутрь каре и перебили всех шашками. В этой ситуации бычье стадо играло двойную роль: с одной стороны оно было мощным тараном, а с другой – сильным психологическим оружием, которое должно было испугать вражеских солдат и ослабить их строй, облегчая его прорыв. Скорее всего, этот прием имел давнее происхождение, ибо кабардинцы прибегали к подобной методе во время Канжальской битвы (1708), где вместо быков использовались ослы. Однако на практике данный прием при всей своей рациональности не оправдал себя.

Примером тому служит экспедиция генерала С.А. Портнягина в Закубанье (сентябрь 1813). На обратном пути российский отряд преследовало 12.000-ое адыгское войско, которое обрушило на него бесконечную серию кавалерийских ударов. Жаркие бои не прекращались на протяжении четырех дней, но храбрые атаки черкесских всадников не смогли взломать боевой порядок русских солдат; хотя цена этих атак была крайне высока – на поле боя осталось больше 2 000 павших горских наездников. Тогда, черкесы выпустили на русских огромное стадо разъяренных буйволов, рассчитывая под их прикрытием ударить в шашки. Но российские солдаты не растерялись и открыли интенсивный огонь по животным, которые, испугавшись, повернули обратно и смяли самих горцев¹¹.

Более практичным средством против каре была «пожарная атака», но адыги прибегали к ней только в боях на открытой местности. После череды безуспешных атак против отступающих российских отрядов, горцы опережали их на пути отхода и поджигали степь, направляя пламя пожара прямо навстречу противнику. При этом, сами они двигались вслед за пламенем, буквально по его пятам. Пожар должен был расстроить и расчлнить боевые порядки русских солдат, а черкесы вслед за ним должны были атаковать их беспорядочные массы. Однако, сообразительные русские бойцы быстро нашли тактическое противоядие: они устраивали встречный пал, который нейтрализовал наступающее пламя, и сразу же бросались в неожиданную контратаку, разгоняя штыками скопившихся горцев.

Именно таким образом действовали натухайцы во время экспедиции отряда полковника А.Я. Рудзевича в их земли у Кизилташской косы (1810). Когда отряд отступал обратно в Анапу, они устроили засаду в 15 км от крепости и внезапно его атаковали многочисленными силами, но были отброшены. Тогда натухайцы подожгли впереди отряда степь и приготовились к «огненной атаке». Но русские солдаты потушили пожар встречным палом и отразили их атаку пушечным огнем¹².

Особого внимания заслуживает такой экзотический прием борьбы с каре, как «низкая подрезка». Сущность его заключалась в следующем: адыгский всадник, проносясь на полном скаку мимо каре, в момент сближения резко свешивался набок, удерживаясь за седло подколенным сгибом, и наносил подрезающий удар шашкой ниже уровня поднятых рук пехотинцев, поражая их в области диафрагмы. Исполнение этого приема требовало от наездника виртуозного владения навыками джигитовки, сравнимых с цирковой акробатикой. По своей природе он был уникален, ибо ни одна конница мира, столкнувшаяся с пехотным каре на полях колониальных войн, не смогла создать ничего подобного. Поэтому авторитетный российский оружейвед Г. Панченко назвал его «горским ноу-хау»¹³. Несмотря на уникальность и яркую зрелищность данного приема, он не смог стать эффективным средством уничтожения каре: адыгские всадники добивались успеха лишь изредка, тогда как в большинстве случаев они гибли от ружейного огня или штыков русских солдат. Отчего проблема кризиса ударной мощи у черкесов так и осталась неразрешенной.

В заключение отметим, основной причиной кризиса ударной мощи черкесов и других кавказских горцев было применение российской пехотой каре и артиллерии. Для разрешения этой проблемы адыги обычно применяли снайперский огонь по канонирам, а иногда прибегали к таким специфическим приемам, как подвижные щиты-мантелеты, «конное

сальто», «бычий натиск», «пожарная атака» и «низкая подрезка». В техническом плане они были рациональны и весьма зрелищны, но по результативности – малоэффективны, отчего не позволили успешно решить данную проблему. Кризис ударной мощи являлся признаком проявления на фронтах Кавказской войны глобального военно-исторического процесса – многовековой борьбы между пехотой и конницей за главенствующую роль на поле боя. Его нельзя назвать уникальным военным явлением, ибо он наблюдался во многих колониальных войнах вследствие столкновения двух принципиально разных воинств – европейского и азиатского.

Примечания

1. Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I. (Революция, Реставрация, Империя) // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». СПб., 2002. С. 343–344.
2. Каспари А.А. Покоренный Кавказ. СПб., 1904. С. 316; Эльмесов А.М. Из истории Русско-Кавказской войны (Документы и материалы). Нальчик, 1991. С. 12.
3. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе. Нальчик, 2011. С. 22–23.
4. Там же. С. 23; Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 гг.: Из записок участника-иностранца. Нальчик, 1991. С. 27.
5. Ф.Л. де Сегюр. Воспоминания // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков / Составитель В.М. Аталиков. Нальчик, 2006. С. 276–277.
6. Дж. Эллис. Описание местностей между Черным и Каспийским морями // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков / Составитель В.М. Аталиков. Нальчик, 2006. С. 312.
7. Ф.Л. де Сегюр. Указ. соч. С. 276–277; Потто В.А. Кавказская война. М., 2006. Т. 1. С. 77; Потто В.А. Два века Терского казачества. Ставрополь, 1991. С. 286.
8. Ф.Л. де Сегюр. Указ. соч. С. 276; Потто В.А. Кавказская война ... Т. 1. С. 116.
9. Дж. Эллис. Указ. соч. С. 312.
10. Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской Линии: дисс... канд. ист. наук. Армавир, 2005. С. 23.
11. Потто В.А. Кавказская война ... Т. 1. С. 509.
12. Там же. С. 451.
13. Панченко Г.К. Клинок в бою. 5000 лет сражений. М., 2010. С. 265.

A.A. OSTAKHOV

THE STRIKING POWER CRISIS OF THE HIGHLANDER IN THE ERA OF CAUCASIAN WAR: THE CASE OF CIRCASSIANS

In this article the striking power crisis as a form of tactical crisis, which was the main reason for the defeat of the Circassians and other Caucasian highlander in the Caucasian war are examined. During research the causes of the striking power crisis, the degree of its negative impact on the military efficiency of the Circassians and their attempts to solve this problem are identified.

Keywords: Circassian cavalry, striking power, Russian infantry, the infantry square, gun fire, bayonet fighting, artillery, grapeshot fire, the striking power crisis, tactical crisis, «horse salto», «bull rush», «fire attack», «low cutting».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бгажноков Барасби Хачимович, заведующий сектором древней истории и археологии КБИГИ, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки КБР (Нальчик).

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-19-26

E-mail: kbigi@mail.ru

Прокопенко Юрий Анатольевич, д.и.н., профессор кафедры культурологии и искусств ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет».

355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1

Тел. 8-928-650-35-26

E-mail: z_proko_15@mail.ru

Новичихин Андрей Михайлович, к.и.н., заместитель директора по научной работе Анапского археологического музея.

353440 Анапа, ул. Набережная, 4.

Анапский археологический музей.

Тел. 8(86133)46962

E-mail: yazamat03@mail.ru

Бурков Сергей Борисович, СНС отдела систематизации археологических материалов ГБУ «Институт истории и археологии РСО-А».

362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

Тел. 8-928-098-80-42

E-mail : sergeyburkov59@yandex.ru

Кузнецов Владимир Александрович, научный сотрудник и консультант Минераловодского краеведческого музея, заслуженный деятель науки Северо-Осетинской АССР и РСФСР.

357207, г. Минеральные Воды, ул. Кисловодская, д. 66-А

Минераловодский краеведческий музей

Тел. +7-87922-5-41-81.

Фоменко Владимир Александрович, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии КБИГИ, кандидат исторических наук, доцент.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-42-74

E-mail: kbigi@mail.ru

Бубенок Олег Борисович, д.и.н., профессор, зав. отделом Евразийской степи Института востоковедения им. А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины.

01001, Украина, г. Киев, ул. Грушевского, 4

Тел. +3 (8044) 279-34-40

E-mail: helgebub@i.ua

Кодзоев Нурдин Даутович, заведующий отделом ингушской истории Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия.

386001 г. Магас, пр. Зязикова, 4

Тел. 8-928-092-98-15

E-mail: fpniki@mail.ru

Остахов Анзор Александрович, к.и.н., преподаватель истории и обществознания МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №5».

184621, пгт. Сафоново-1, ЗАТО Североморск, Мурманская обл., ул. Панина 11А

Тел. 8 (81537) 4-87-38.

E-mail: shkola5_s1@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head sector of the ancient history and archeology of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Prokopenko Yuriy Anatolyevich, Doctor of historical sciences, professor of department of cultural and arts of North-Caucasus Federal University.

1 Pushkin Street
Stavropol 355009
Ph. 8-928-650-35-26
E-mail: z_proko_15@mail.ru

Novichikhin Andrey Mikhailovich, Candidate of historical sciences, alternate director on the scientific work of the Anapa archaeological Museum.

4 Naberegnaya Street
Anapa, 353440.
Anapa archaeological Museum.
Ph. 8(86133)46962
E-mail: yazamat03@mail.ru

Burkov Sergey Borisovich, senior research assistant of the Unit of Systematization of Archeological Materials of the State Budgetary Institution «Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania».

46 Vatutina Street
Vladikavkaz 362025
Ph. 8-928-098-80-42
E-mail : sergeyburkov59@yandex.ru

Kuznetsov Vladimir Alexandrovich, researcher and Consultant of Mineralovodsky Museum, Honored Scientist of North Ossetia and Russian Federation.

Mineralovodsky Museum of Regional History
Mineralnye Vody 357207
66-A Kislovodsky Street
Tel. 8-87922-5-41-81.

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, assistant professor, senior researcher of the ancient history and archeology sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Bubenok Oleg Borisovich, Doctor of History, professor, the head of Eurasian Steppes department of Institute of Oriental Studies named after A.E. Krymsky of NAS of Ukraine (Kiev).

4 Grushevsky Street
Ukraine, Kiev 01001
Ph. +3 (8044) 279-34-40
E-mail: helgebub@i.ua

Kodzoev Nurdin Dautovich, head of Department of the Ingush History of the Ingush Research Institute of the Humanitarian Sciences named after Ch.E. Akhriev, Honored Scientist of Ingushetia republic.

4 Zyazikov Avenue
Magas 386001
Ph. 8-928-092-98-15
E-mail: fpniki@mail.ru

Ostakhov Anzor Aleksandrovich, Candidate of History, teacher of history and social science
of Municipal Budgetary Educational Institution Secondary school № 5.
11A Panina Street.
Safonovo-1 town, Severomorsk restricted area, Murmansk region, 184621
Ph. 8 (81537) 4-87-38.
E-mail: shkola5_s1@mail.ru

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

ВЫПУСК
6

Макет и техническое редактирование
И.Х. Кушковой

Корректор
З.В. Черкесова

Художественное оформление
И.Х. Кушковой

Подписано в печать 24.11.2016 г. Формат 70х108 $\frac{1}{16}$. Palatino Linotype
Усл. печ. л. 10. Тираж 300 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 167

The federal state budgetary science establishment
The Kabardian-Balkarian institute of humanitarian research
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin's street
Ph.: 8 (8662) 42-50-94
e-mail: kbigi@mail.ru

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел. 8 (8662) 42-50-94
e-mail: kbigi@mail.ru